

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. А.ДОНИША**

УДК:902.7(575.3)

На правах рукописи

БАКИЕВА МАДИНА КУРБОНОВНА

**ТРАДИЦИОННЫЕ ремесла и промыслы
Верховьев Зарафшана конца XIX-начала XXI веков**
(по материалам этнографического архива и Этнографического музея
им. М.С.Андреева Национальной академии наук Таджикистана)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени доктора философии (PhD), доктор по
специальности 6D020800 - Археология и этнология (6D020802 – Этнография,
этнология и антропология)

Научный руководитель
доктор исторических наук
Л.Н.Додхудоева

ДУШАНБЕ – 2025

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН ТАДЖ. ССР – Академия наук Таджикской Советской социалистической республики

АО – Акционерное общество

АППР НАУ – Агентство поддержки процессов развития Нау

АРТЗ(ZTDA) – Ассоциация развития туризма Зарафшана

ВОВ – Великая Отечественная война

ЕД.ХР. – Единица хранения

ИИАЭ НАНТ – Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Л. – Лист

КУСТЭКСПОРТ – Акционерное общество по экспорту изделий кустарного производства

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого «Кунсткамера» Российской академии наук

МТЦ – Международный торговый центр

НАДЖТ – Национальная ассоциация деловых женщин Таджикистана

НПО – Неправительственные организации

ООО – Общество с ограниченной ответственностью

ООО ИПК «Университет» – Общество с ограниченной ответственностью издательско-полиграфический комплекс "Университет"

ПЭКТА – Памирская экологическая культурная туристическая ассоциации

СРТ – Союз ремесленников Таджикистана

СХТ – Союз художников Таджикистана

ТФАН СССР – Таджикский филиал Академии наук СССР

ХУДФОНД – Художественный фонд

ЦАЭЭ МАЭ РАН – Центральноазиатская этнографическая экспедиция

SACSA – Ассоциация организаций, поддерживающих ремесла в Центральной Азии

SECO – Государственный секретариат по экономическим связям Швейцарской Конфедерации

UCT Showroom – Выставочный зал Союза ремесленников Таджикистана

UNIDO – Организация Объединенных Наций по промышленному развитию

WELTHUNGERHILFE – Немецкая организация помощи голодающим мира

ZTDA – Ассоциация развития туризма в Зарафшане

СОДЕРЖАНИЕ	
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	2
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. РЕСУРСЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АРХИВА И ЭТНО- ГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ им. М.С.АНДРЕЕВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. А.ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА	17
1.1 Архивные документы в собрании этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана	17
1.2 Фотоколлекции экспедиций в Верховья Зарафшана в собрании этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана	35
1.3 Коллекция образцов ремесленного производства Верховьев Зарафшана в Этнографическом музее им. М.С.Андреева Института истории, археологии и этнографии им А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана.....	54
ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС РЕМЕСЛЕННИКА В ВЕРХОВЬЯХ ЗАРАФШАНА В XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ.	63
2.1 Статус кузнеца, чугунолитейщика, мастера по обработке кожи, сапожника, ткача, ковродела, шерстобита в городском и сельском социумах Верховьев Зарафшана.....	63
2.2 Социальная страта мастеров по обработке дерева, гончаров, вышивальщиц, мастериц лоскутного шитья и плетения в городском и сельском социумах Верховьев Зарафшана.....	89
ГЛАВА III. ЭВОЛЮЦИИ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ВЕРХОВЬ- ЕВ ЗАРАФШАНА В XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ.....	109
3.1 Этапы развития традиционных ремесел Верховьев Зарафшана на рубеже XIX - начала XX веков	109
3.2 Процесс институционализации традиционных ремесел и промыслов Верховьев Зеравшана в XX - начале XXI веков	117
3.3. Развитие ремесел Верховьев Зарафшана в начале XXI века	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146
ЛИТЕРАТУРА.....	151
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	174

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Этнокультура таджиков богата и разнообразна в различных регионах страны: Согде, Хатлоне, Бадахшане, районах республиканского подчинения. Историческое и культурное наследие Зарафшанской долины Согда, как и других областей Таджикистана – неотъемлемая часть национального достояния таджикского народа. Оно имеет свои характерные черты, отличные от других регионов страны, и в тоже время объединяющие его с общим культурным наследием таджиков в целом.

Высокогорный регион среднеазиатского междуречья Верхний Зарафшан представляет собой некий культурный феномен, обладающий исключительно ему присущими традициями этнокультуры таджиков. Его территория, которая соответствует длине реки Зарафшан, расположена между Туркестанским хребтом на севере и Зарафшанским хребтом на юге, а также занимает северный склон Гиссарского хребта Таджикистана. Горная часть долины Кухистан ("Страна гор") или Бутам, как ее именовали арабские географы, в настоящее время входит в состав Пенджикентского района с запада, Айнинского района (в прошлом княжество Фалгар) в центре, Горно-Матчинского района с востока. Долина Зарафшана выходит к древнему центру таджикской культуры Самарканду, а дальше к исконным территориям проживания оседлого таджикского населения таким, как Бухара, Нур Ата, Чуст, Мерв и другие. Ныне эти регионы входят в состав государств Узбекистан и Туркменистан. Пенджикентский район – административный район в составе Согдийской области Республики Таджикистан, образован 23 ноября 1930 года. Он расположен в долине реки Зарафшан (территория - 3670,9 кв. км., население - 306 тыс. чел.) и занимает среднюю часть бассейна реки Зарафшан. Пенджикентский район на севере, западе и юге граничит с Джизакской, Самаркандской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областями Узбекистана, на востоке – с Айнинским районом Согдийской области Таджикистана.

В состав Пенджикентского района входят 1 город – районный центр Пенджикент, а также 14 сельских общин джамоатов *чамоат*: Амондара, Вору, Ёри,

Лоик Шерали, Косатарош, Магиян, Саразм, Суджина, Рудаки, Халифа-Хасан, Хурми, Чинар, Фараб, Шинг.

Особый интерес историков, филологов и этнографов всегда вызывает Ягноб, где проживает этнотерриториальная группа таджиков ягнобцев с самобытной культурой. Они сохранили один из древних диалектов согдийского языка предков таджиков, который на протяжении X веков (со II по XII вв.) служил одним из важнейших языков Центральной Азии. В 1870 г. его впервые зафиксировал российский чиновник и востоковед А.Л.Кун, и сегодня он больше известен, как «ягнобский» или «новый согдийский» [110, С.84-92]. Материальная культура ягнобцев отличается особым своеобразием и сохранила многие архетипы таджикской культуры.

Зарафшан известен уникальными природными ресурсами, памятниками истории и культуры, которые способны определять качество туристического продукта и обеспечивать поток местных и иностранных туристов. Здесь приоритетными видами считаются альпинизм – горный, экологический, историко-познавательный и этнографический туризм.

Богатая коллекция архивных документов и фотоматериалов, собранных во время экспедиций выдающимися этнологами Таджикистана XX века в Зарафшане, хранится в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана (далее ИИАЭ НАНТ). Это информационно важный материал по повседневной истории жителей Верховьев Зарафшана, который включает в себя сведения о семье и семейном быте, народной медицине, ремеслам и промыслам, лингвистике, орнаменту, народному театру, музыке и даже археологии. В архиве собрано немало документальных свидетельств по скотоводству, жилищу, ритуалам и обрядам, одежде, ремеслам, этногенезу, традициям и инновациям, исчислению времени, расселению. Особое внимание исследователей было сосредоточено на институте семьи, которая многогранно представлена в рукописных и фотографических источниках с ее хозяйственными, эмоциональными и властными отношениями, а так же разделением труда в частной и публичной сферах, организацией привычных для ее

членов условий обитания и труда. Фотографические документы способны гарантировать подлинную научность, объективность представленного материала.

Музей этнографии им. М.С.Андреева ИИАЭ НАНТ располагает замечательной коллекцией экспонатов Верхнего Зарафшана. До настоящего времени уникальный материал архива и музея лишь отчасти был изучен и введен в научный оборот их авторами. Большая же часть этих ценных письменных источников и памятников ремесленного производства пока остается малознакомой как исследователям, так и широкой общественности и практически не освоена.

В свете решений Президента Таджикистана Эмомали Рахмона, который провозгласил 2018 г. «Годом развития туризма и народных ремесел», а 2 января 2019 г. подписал указ об объявлении 2019-2021 гг. «Годами развития села, туризма и народных ремесел» нами поставлена цель проанализировать имеющийся материал этнографического архива и Этнографического музея им. М.С.Андреева с тем, чтобы раскрыть богатое культурное наследие Верховьев Зарафшана.

Ценный материал по ремесленному производству в Верховьях Зарафшана в этнографическом архиве ИИАЭ НАНТ не привлек до сего дня внимание специалистов. Его письменные источники и фотоколлекции практически остаются неизученными. Некоторые материалы архива частично опубликованы авторами, которые их собирали. Но основная его часть для исследователей остается недоступной из-за того, что архив систематизирован лишь частично, не вся его информационная база идентифицирована и классифицирована. Результаты зарафшанских экспедиций, предпринятых в XX - начале XXI веков, за исключением последних изданий 2015-2021 гг., не были опубликованы полностью. Выдающимся, фундаментальным трудом до настоящего времени остается коллективная монография «Материальная культура таджиков Зеравшана» [117].

Авторы указанного издания А.С.Давыдов (жилище), А.С.Хамиджанова (пища), З.А.Широкова (одежда) также отмечали, что до выхода данного сборника все три отрасли не являлись объектом специального исследования [117, С.138-182]. При подготовке своего труда они опирались на материалы полевых исследований в Зарафшане в 1958-1961 гг. При изучении этих архивных документов,

можно заметить, что далеко не все материалы были использованы авторами в силу различных, неизвестных нам причин. Например, анализ таких собранных экспедициями материалов, как вышивка *гулдузи*, лоскутное шитье *гулбури*, роспись *наққоши* в интерьерах архитектурных сооружений, гончарство *кулолгарӣ* и т.д. ими не представлены в своих публикациях. А между тем они являются весьма ценной информационной базой для исследования. К тому же многие эксперты отмечают, что сейчас в этнографии достаточно проблемных и аналитических работ, но очень мало полевых материалов [50].

Итогом проведенных полевых исследований сотрудниками Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана стали ценнейшая база данных в виде полевых записей, фотоматериала, предметов керамики и домашней утвари, полного комплекта женской и мужской одежды населения и др., которые ныне хранятся в этнографическом архиве и представлены в Этнографическом музее им. М.С.Андреева.

Большая часть же текстовых и фотографических документов архива, касающаяся развития ремесленного производства в регионе остается неизученной. К примеру, в архиве хранится замечательная, но неопубликованная рукопись известного этнографа А.С.Давыдова «Домашние промыслы и ремесла таджиков Верхнего Зеравшана» [21, Ед.хр. № 15], в которой он рассмотрел такие промыслы Верхнего Зарафшана как гончарство, кожевенное и деревообделочное производство, ткачество, ковроделие и даже охоту. Помимо этого в архиве сохранился большой блок фотографических коллекций, сделанных во время экспедиций в Зарафшан, которые до настоящего времени не рассмотрены, не изучены и не изданы исследователями.

Недостаточно исследованы и коллекции экспонатов Верховьев Зарафшана в Этнографическом музее им. М.С.Андреева. До настоящего времени их материалы изучены фрагментарно, и лишь небольшая их часть опубликована.

В целом специальных работ по развитию ремесленного производства Верховьев Зарафшана до настоящего времени не издано. Имеются лишь отдельные

публикации, где можно найти упоминания о некоторых ремеслах. Они указаны в библиографии к данному исследованию. В силу этих обстоятельств в работе предпринята попытка заполнить некоторые из образовавшихся пробелов.

Таким образом, значительный объем неопубликованного архивного и визуального материала, отсутствие фундаментальных исследований по теме «Традиционные ремесла и промыслы Верховьев Зарафшана конца XIX - начала XXI веков», опирающихся на письменное и художественное наследие этнографического архива и Этнографического музея им. М.С.Андреева ИИАЭ НАНТ, делает изучение настоящей проблемы актуальным, архиважным и своевременным.

Степень изученности проблемы. Известно, что русские исследователи достаточно активно изучали ремесленную практику таджиков Зарафшана в конце XIX - начале XXI веков. А.П.Федченко был первым учёным, сообщившим о горной стране, называемой Когистан (Кухистан), что значит “Горная страна” [165]. В настоящее время это земли Верховьев Зарафшана, которые входят в состав Пенджикентского, Айнинского и Магчинского районов Таджикистана.

Публикации представителей русского востоковедения, путешественников и военных: А.А.Бобринского, П.И.Пашино, Н.С.Лыкошина, Н.Маева, Н.Г.Малицкого, А.П.Хорошхина, А.А.Куна, Н.В.Ханыкова, А.А.Кушакевича, А.А.Семенова, В.В.Дынина, Г.Г.Гульбина и многих других [113; 133; 110; 152;] – важны для определения технического уровня развития ремесел и промыслов в регионе, их видов и типов, опыта мастеров, а также сохранения основ традиционной культуры. Их сведения о традиционном ремесленничестве были сформированы на основе личных наблюдений. Они отмечены живым наблюдением и характеризуются масштабностью, но иногда имеют описательный и фрагментарный характер в силу поставленных авторами конкретных задач.

Особый интерес представляют сочинения известных русских востоковедов и этнологов В.В.Бартольда, А.А.Семенова, М.С.Андреева, В.В.Радлова, А.П.Федченко и других, содержащие ряд ценных сведений об истории и этнографии местного населения, экономическом и политическом состоянии, различных

памятниках материальной культуры [53, С.120-158; 165; 66, С.511-514; 143, С.1-92; 152]. Широкий спектр изученных ими вопросов охватывает локальные виды традиционного ремесленничества Верховьев Зарафшана, вопросы сохранения практики ремесленничества, его дизайна и символики.

Зарафшан оставался одним из важных объектов исследования советских историков и этнографов. Следует, прежде всего, отметить фундаментальные исторические труды Б.Г.Гафурова «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история», [64] а также серию «История таджикского народа»: [В 6 томах] [99; 100; 101; 102; 103; 104] Историческим процессам, происходящим в Зарафшане в XX веке, посвящены важные исследования Р.А.Абулхаева [38; 38, С.54; 38, С.34-65].

Особый вклад в изучение наследия древнего Пенджикента изучение его ремесел и промыслов внесли А.Ю.Якубовский, М.М.Дьяконов, А.М.Беленицкий, В.А.Лифшиц, Б.И.Маршак, Ю.Якубов, А.А.Исаков. П.Б.Лурье и другие [64, С.82; 116]. Разнообразные виды их аналитических исследований и методологии показали, что в ремесленничестве Верховьев Зарафшана происходила разнообразного рода трансформация в ходе исторических процессов.

Материалы этнографического характера нашли отражение в трудах А.Л.Троицкой, О.А.Сухаревой, Е.М.Пещеревой, М.Р.Рахимова, Н.О.Турсунова, А.С.Давыдова, И.М.Мухиддинова, З.А.Широковой, М.А.Хамиджановой, О.М.Муродова, М.Рузиева и др. [139; 158; 70, С.92-101; 69, №4; 67, С.47-57; 117; 144, №1. С.51-66; 162, С.224-255; 169, С.90-105; 168, С.54-58; 172, С.78-98; 151, С.85.]. В то время как, в научных центрах СССР довольно много опубликовано трудов о ремеслах, обрядах Зарафшана (исследователи (О.А.Сухарева, Е.М.Пещерева, А.Л.Троицкая и другие), таджикскими учеными и прежде всего этнографами издано явно недостаточно работ.

Собрание Этнографического музея им М.С.Андреева ИИАЭ НАНТ всегда служило базой для проведения широких научных изысканий. В советский период известным специалистом З.А.Широковой был опубликован каталог «Этнографические коллекции Института истории»[173], ею и Н.Н.Ершовым был издан

«Альбом одежды таджиков», а А.К.Писарчик - «Альбом прикладного искусства таджиков» [137, С.46; 89, С.34]. Также были выпущены комплекты открыток.

Фундаментальным изданием стала коллективная монография сотрудников этнографического отдела Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша А.С.Давыдова, М.А.Хамиджановой и З.А.Широковой «Материальная культура таджиков Верховьев Зеравшана» 1973 г., а также отдельные публикации М.А.Хамиджановой [117]. Однако, специальных работ, исследующих ремесленное производство Зарафшана в XX веке, не было издано в Таджикистане.

В годы независимости продолжается исследование ремесел и промыслов Верховьев Зарафшана [159; 171, С.125, С.220; 129; 147; 127], которые в основном ориентированы на развитие отраслей ремесла и сохранение его традиций. В этих исследованиях затрагиваются проблемы теории ремёсел и их модернизации, применения инноваций в ручном труде, ставятся вопросы увеличения экспорта продукции, развития этнотуризма и популяризации изделий народного искусства из музеев Таджикистана. Коллекции фондов Этнографического музея им. М.С. Андреева ИИАЭ НАНТ постоянно изучаются специалистами, которые публикуют многочисленные монографии, альбомы и другого рода издания.

Связь диссертационной работы с научными программами, проектами, темами. Настоящее диссертационное исследование выполнено в формате государственного проекта научно-исследовательской работы Института истории археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана по подготовке издания «История таджикского народа».

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является изучение, классификация, систематизация и анализ малоизвестных материалов, посвященных развитию ремесел и промыслов Верховьев Зарафшана в собраниях этнографического архива и Этнографического музея Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана.

Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих задач:

- определение экономических, социально-культурных условий, в которых происходило развитие городского и кустарного ремесла Верховьев Зарафшана в конце XIX - начала XXI веков;
- выявление и научное описание архивных документов, фотографий, памятников ремесла, отраженных в научном наследии советских этнологов;
- анализ выявленного этнографического материала и получение новых данных по истории материальной культуры Зарафшана конца XIX - начала XXI веков;
- проведение начальной классификации фотоматериала с учетом особенностей источника, каждый из которых представляет исторически точное воспроизведение объекта;
- определение социального статуса ремесленника Верховьев Зарафшана в городской и сельской среде в конце XIX - начала XXI веков;
- определение вклада зарафшанских ремесленников в материальную культуру таджиков XX - начала XXI веков;
- разработка рекомендаций с целью учета и использования информационной базы этнографического архива и Этнографического музея ИИАЭ НАНТ в пропаганде национального достояния, при написании исторических исследований, проведении различных экспертиз, в проектах по архитектуре, искусству, ремеслу и туризму Таджикистана;

Объектом исследования являются письменные источники, фотоматериалы, экспонаты, хранящиеся в этнографическом архиве и Этнографическом музее им. М.С.Андреева ИИАЭ НАНТ, которые имеют значимость важного этнографического источника для изучения ремесел Верховьев Зарафшана.

Предметом исследования является состояние и эволюция кустарного ремесла и промыслов Верховьев Зарафшана в конце XIX - начале XX веков, во второй половине XX - начале XXI веков, их экономическое развитие и изменение социокультурного статуса мастера ремесленника в эти исторических периоды, а также всей системы производства современных мастеров на основе этнографических материалов, хранившихся в ИИАЭ НАНТ.

Территориальные рамки исследования определяются границами региона Верхнего Зарафшана в составе Республики Таджикистан.

Хронологические рамки исследования ограничены историческими рубежами развития ремесел Верховьев Зарафшана в XX - начале XXI веков с экскурсом в XIX век с целью выявления традиционных основ народного творчества.

Теоретико-методологической основой данного исследования является комплексный подход к изучению письменных и машинописных материалов, фотографий и экспонатов Верховьев Зарафшана из собрания ИИАЭ НАНТ в качестве этнографического источника. В данной работе история ремесла Верховьев Зарафшана рассматривается как социально-экономический и культурный феномен этнокультуры таджиков, что предполагает применение компаративистского метода. Сравнительно-исторический прием позволил выявить основные этапы развития ремесел и промыслов региона в зависимости от развития общества в целом, его производства и идеологии. Сравнительно-типологический анализ лег в основу систематизации и классификации используемых материалов согласно их разнообразным характеристикам и типам. Методологические подходы были дополнены отдельными приемами анализа, встречающимися в гуманитарных, социальных науках, этнологии, искусствоведении, культурологии, которые позволили представить в целом научный потенциал изучаемого материала.

Источниковая база исследования. Источниками для научного анализа послужили дневники полевых работ и фотоколлекции (негативы и фотоотпечатки), посвященные развитию ремесел Верховьев Зарафшана из фондов этнографического архива ИИАЭ НАНТ.

Изделия ремесленников, предметов быта и культуры населения Верховьев Зарафшана в Этнографическом музее им. М.С.Андреева ИИАЭ НАНТ также стали объектами изучения.

Специальная научная литература по проблемам, связанным с изучением ремесел и промыслов Верховьев Зарафшана, была разделена на несколько блоков и использована автором в соответствии с поставленными в исследовании задачами, и

также с целью сопоставления существующих научных положений с собственными заключениями автора.

Автором диссертации были проведены полевые исследования в отдельных районах Верховьев Зарафшана, материалы которых также послужили основой для критического анализа и сравнения их с произведениями народного творчества региона из других собраний.

Научная новизна исследования обусловлена постановкой самой изучаемой проблемы, которая до настоящего времени освещалась в отечественной науке фрагментарно. Его научная значимость определена введением в научный оборот новых данных по ремеслам и промыслам Верховьев Зарафшана, хранящихся в этнографическом архиве и Этнографическом музее им. М.С.Андреева ИИАЭ НАНТ.

Анализ указанных документов и коллекций позволил восполнить отдельные пробелы, существующие в изучении ремесла региона, его эволюции в разные исторические эпохи, а также статуса мастера и художественного стиля локальной этнокультуры таджиков. Впервые на основе анализа архивных данных (неопубликованных рукописей известных этнографов, фотоколлекций, записей в инвентарных книгах), этнографических музейных коллекций в отечественной науке представлена история ремесленного производства данного региона.

Важным оценочным показателем проведенного исследования является приведенная историческая периодизация развития ремесел и промыслов Верховьев Зарафшана, классификация неизвестных ранее научных источников (этнографических текстов, фотоколлекций и экспонатов) из собраний ИИАЭ НАНТ.

Практическая значимость исследования непосредственно связана с проблемой переоценки ремесленного производства в настоящее время. Материалы диссертационной работы могут быть представлены в формате различных учебных курсов, а также культурно-просветительских проектов различных музеев. Приведенные в работе материалы способны стать базой для более детального изучения этнографических коллекций Верховьев Зарафшана для установления ценности их фотоматериалов, экспонатов и атрибуции. Результаты исследования

могут быть использованы при разработке программ по развитию современных ремесленных практик, проектов различных НПО, которые занимаются вопросами развития ремесел в стране. Полученные соискателем результаты могут оказаться полезными в музейной практике, а также востребованы историками, стилистами, дизайнерами, работниками туризма.

Личное участие автора в получении результатов заключается в следующем:

- в детальном изучении материалов этнографического архива и экспонатов Этнографического музея ИИАЭ НАНТ;
- в проведении классификации текстового, фотографического материала указанных архивов и музейных собраний;
- в ведении в научный оборот новых данных, посвященных развитию ремесел и промыслов Верховьев Зарафшана конца XIX - начала XXI веков;
- в подготовке исследования, в котором анализируется эволюция ремесленного производства региона на примере не введенных в научный оборот материалов;
- в проведении собственных полевых работ в районах Верховьев Зарафшана посредством живого наблюдения и опроса населения.

На защиту выносятся следующие положения диссертационного исследования:

1. Обработка и классификация архивных документов, фотоколлекций, рисунков, экспонатов из собраний этнографического архива и Этнографического музея им. М.С.Андреева Института истории, археологии и этнологии им А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана, что позволило ввести в научный оборот новые материалы по этнографии Верховьев Зарафшана;
2. Определение значимости научного вклада этнологов конца XIX - начала XXI веков в изучение ремесленного производства Верховьев Зарафшана, что предоставило возможность раскрыть значимость трансформаций в ракурсе социально-экономической жизни локального населения;

3. Характеристика социального статуса мастера-ремесленника Верховьев Зарафшана в XX и XXI веках на основе научной литературы, новых выявленных архивных документов и полевых исследований, что дополнило существующее представление о статусе ремесленников в социумах XX - начала XXI веков;

4. Особенности функционирования цехов в г. Пенджикенте, больших селениях и отсутствие их в других деха Верховьев Зарафшана, что служило специализации мастеров по роду деятельности, вело к совершенствованию профессиональных навыков, а также к практике приглашения ремесленников в некоторые поселения из-за нехватки локальных специалистов;

5. Разработка концепции исторического развития ремесленного производства Верховьев Зарафшана в XX веке по материалам научных публикаций, архивных документов, полевых исследований, позволило в советское время проанализировать отношение к ремесленничеству, реформам в этой области и результатам их реализации на территории Верховьев Зарафшана;

6. Анализ реформ и перемен, произошедших в традиционном ремесленничестве в период политической независимости Республики Таджикистан и современное состояние видов ремесла Верховьев Зарафшана позволил определить преемственность или напротив утрату отдельных видов народного творчества;

7. Определение самобытности ремесленного производства Верховьев Зарафшана как целостного, неповторимого по своему своеобразию явления этнокультуры таджиков.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности Диссертация выполнена в соответствии Паспорта специальностей из перечня научных специальностей степени доктора философии (PhD) - доктора по специальности Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан и соответствует паспорту специальности 6D020800 - Археология и этнология (6D020802 – Этнография, этнология и антропология)

1. Традиционное земледелие, животноводство, промыслы и ремесла.

2. История духовной и социальной культуры (народные знания, верования, обычаи и обряды, мировоззрение и этническое самосознание, социальные организации).

3. История материальной культуры (народное зодчество и организация жилой среды, традиционный костюм, традиции народной кулинарии).

Публикации по теме диссертации. По теме диссертации автор опубликовал 8 статей, из которых 6 – в изданиях, включенных в перечень трудов, рецензируемых ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Апробация работы. Апробация отдельных результатов диссертационного исследования была проведена на международных и научно-практических конференциях: “Антропология ва этнологияи мардуми тоҷик: муҳаққиқон, экспедитсияҳо, ҷойгониҳо”: Маҷлиси муноқишаи байналмиллалӣ илмӣ (Душанбе, 23 июни соли 2023) / АМИТ Тоҷикистон. Институтҳои таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А.Дониш; «Место Сасанидов в мировой истории и цивилизации» (Душанбе, 26 апреля 2024 года) / Таджикский государственный педагогический университет им. С.Айни.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании отделов этнологии и исторической антропологии, отдела Новейшей истории Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана, Этнографического музея им. М.С.Андреева.

Структура диссертационного исследования состоит из введения, трех глав и восьми разделов, выводов, а также приложения в виде альбома архивных документов, фотоснимков этнографического архива и экспонатов Этнографического музея им. М.С.Андреева ИИАЭ НАНТ. Диссертация изложена на 187 страницах компьютерного текста, включая 14 страниц фотоснимков.

ГЛАВА I. РЕСУРСЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АРХИВА И ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ им. М.С.АНДРЕЕВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. А.ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

1.1 Архивные документы в собрании этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Полевые этнографические документы этнографического архива Института истории, археологии и этнологии им А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана (далее ИИАЭ НАНТ) относятся исключительно к XX-XXI векам. Они неразрывно связаны с конкретным временем, местом и обществом, что делает их уникальными. По этой причине сегодня этнографические документы приобрели особую значимость и в качестве исторических свидетельств. В них зафиксированы особенности различных регионов и их культур, которые постоянно находятся в процессе изменения и никогда не будут такими, как прежде. Многие архивные документы позволяют изучить институт семьи, ее быт и культуру, эволюцию традиционных ремесел, модели поведения различных этнических групп, их ритуалы, обычаи, социализацию в таджикское общество и многое другое.

В целом изучение этнографии таджиков в советский период велось по выработанной методике: сбор полевых материалов, их дальнейшая обработка и публикация. После обретения страной независимости из-за нехватки финансовых ресурсов полевые исследования возобновились лишь с 2013 года [108, Т.29, С.53-57; 139; 90, С.87-92; 141; 76, С.24-32; 77, С.1-5; 85, С.47-54; 79, С.50-54].

В настоящее время в этнографическом архиве хранятся более 120 рукописей известных исследователей: Е.Павловского, А.Семенова, М.Андреева, И.Мухиддинова, М.Ершова, З.Широковой, А.Писарчик, М.Хамиджановой и других. Это материалы 182 экспедиций (20 000 фотографий), которые до настоящего времени полностью не обработаны и не система-

тизированы. Коллекция включает в себя 2 000 рисунков, 100 карт, отражающих топографию различных регионов Таджикистана, расселение этнических меньшинств на его территории и многое другое. Обширная фактическая база еще ждет детального документирования и научного описания. И это главная задача на сегодняшний день для современных этнологов и историков.

Приобретение изделий ремесленников, предметов быта и культуры для кабинета, а затем и отдела этнографии, осуществлялось во время экспедиций. Именно они послужили основой будущего Музея этнографии им М.С.Андреева. В 1981 г. был создан Музей этнографии АН Тадж.ССР, в 1985 г. он был отделен от отдела этнографии и ныне функционирует в виде филиала Национальной академии наук Таджикистана.

В настоящем разделе рассмотрены имеющиеся в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнологии им А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана полевые материалы, собранные участниками экспедиций в различных регионах Верхнего Зарафшана в XX - начале XXI веков. Это письменное полевое наследие совершенно различно по своему характеру, формату и классифицируются следующим образом согласно известному определению Н.Раппорта: «Существует запись *inscription* – фиксация заметок, ключевых слов и личных впечатлений, есть транскрипция *transcription* – запись под диктовку, и есть описание *description* – окончательное написание логически последовательной рефлексии и анализа, облегчающее последующее восстановление полного смысла и порядка» [50, С.48].

Полевая этнография включала в себя исследования конкретного населения с целью сбора данных о традиционной, бытовой культуре и ее функционирования как определённой системы, изучение реалий этнокультуры таджиков и, соответственно, их фиксация в определенной выбранной исследователем форме. В свою очередь, как известно, полевые этнографические материалы можно разделить на два типа:

К первой группе относятся стационарные данные, которые были получены в период длительного проживания исследователя среди изучаемого населения Верхнего Зарафшана. Недостаток данных заключается в том, что он охватывает лишь малую часть изучаемой территории и это не даёт возможность для сравнительного анализа с другими областями. Наиболее распространённым методом сбора этнографического материала является экспедиционный, который позволяет за короткое время собрать материал о быте, жилище, одежде, утвари, то есть о том, что не требует стационарного наблюдения [50, С.48]. Именно последний тип полевых исследований зафиксирован в архивных документах Института истории.

Как показывают архивные документы, этнографы Таджикистана проводили свои полевые этнографические исследования посредством живого наблюдения или же принимали непосредственное участие в жизни конкретного социума. Ими также активно проводился опрос (интервью) среди информантов согласно заранее составленной анкете или же по вопросам, которые возникали во время беседы.

Судя по архивным материалам, такой метод как анкетирование таджикскими этнографами почти не применялся, тогда, как личная беседа с информантом была достаточно распространённым способом получения информации. Изучение явлений, обрядов, которые к настоящему времени уже утратили свое важное значение в жизни социума, но еще сохранились в памяти отдельных людей, так называемый метод пережитков, также активно ими использовался. Кросскультурный метод, который позволяет выявлять суть и происхождение тех или иных явлений, общее у разных народов, достаточно широко использовался в работе таджикскими этнографами, особенно при сравнительно-функциональном анализе терминологии таджикского народа, которая была воспринята другими народами Центральной Азии.

Основными фактическими данными для этнографов являлись полевые материалы, хотя они использовали в своих исследованиях и разнообразные

междисциплинарные источники. Понятно, что фиксация полевых материалов исключительно в форме текста не давала возможности полноценно отразить имеющийся материал. Поэтому, необходимо было одновременно с рукописными материалами делать рисунки на листах бумаги, готовить негативы и фотоотпечатки. Из-за отсутствия магнитофонов и другой необходимой техники участники экспедиций почти не вели аудиозаписи и видеосъемку. В итоге в их деятельности преобладали публикации полевых материалов и их первичный анализ, а затем – теоретическое осмысление документов предшественников и собственных материалов.

Многие эксперты отмечают, что сейчас в этнографии много проблемных и аналитических работ, но очень мало публикаций полевых материалов [50, С.48].

В XX веке в СССР, в том числе и Таджикистане, были организованы специальные экспедиции для сбора музейных коллекций из различных регионов Таджикистана, в том числе и в Зарафшане. На основе данных А.К.Писарчик [139, С.54-112] и материалов этнографического архива можно составить картину полевых работ в районе Верховьев Зарафшана. Они обрели системный этнографический характер в 20-х годах XX века, а после 1958 г., как показывают данные, проводились почти каждый год в разнообразном формате: в виде экспедиций, индивидуальных поездок для сбора этнологической информации или же приобретения коллекций. В настоящее время все эти данные далеко не полно отражают экспедиционную деятельность отдела, поскольку в архиве сохранились не все документы. Однако, эти материалы представляют собой большую ценность в контексте изданных работ различных авторов и являются важной базой данных. Следует указать, что автор диссертации выделила среди материалов только те документы, которые были непосредственно связаны с ремесленным производством и промыслами.

Первые материалы этнографического архива по данной проблеме относятся к 1908 г. и представляют коллекцию известного ученого,

академика, директора Таджикского филиала Академии наук СССР Е.Н.Павловского [23, Ед.хр. № 1]. Этот блок документов включает в себя самые ранние фотографии в данном архиве, многие из которых сделаны им в 1908 г. и 30-х гг. XX в., в частности в Самарканде [23, Ед.хр. № 1].

Впервые в Среднюю Азию Е.Н.Павловский приехал в 1908 г., т.е. за год до окончания Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. Все выпускники академии обязаны были пройти госпитальную практику летом, и он выбрал Самаркандский военный госпиталь. Этим же годом датируется часть фотоснимков, хранящихся в этнографическом архиве. На одном из них, представляющем портрет самаркандца (№ 1-22), рукой Е.Н.Павловского написано «лето 1908 г.». Биографы ученого отмечают, что первая поездка студента в древний город буквально сразила его восточной экзотикой. Впоследствии пешком, или же используя гужевой транспорт, он исходил и объездил всю Среднюю Азию [80, С.48-52].

В инвентарных книгах и описи коллекции указано, что «Бытовые снимки» коллекции № 1, сделанные Е.Н.Павловским (всего 42 фото: 17х 23см), являются его даром Таджикскому филиалу Академии наук СССР (ТФАН СССР). Часть снимков была утрачена. Почти все сохранившиеся 29 отпечатков имеют атрибуцию, указывающую на их принадлежность одному автору – Е.Н.Павловскому, а также его личную подпись. Фотографии размещены в конвертах в произвольном, а не в хронологическом порядке. В конце описи указано, что коллекция зарегистрирована 2.X.61 г. и имеет подпись Андреева. Возможно, произошла ошибка, так как известно, что М.С.Андреев скончался в 1948 г. и, следовательно, он никак не мог зарегистрировать данный фотоматериал. Возможно, при написании даты была допущена ошибка и вместо 1941 г. появилась другая дата из-за описки. Следует отметить, что атрибуция снимков сделана достаточно приблизительно [80, С.50].

Все экспедиционные снимки Е.Н.Павловского можно разделить на несколько групп. Прежде всего, это фиксация топографических

особенностей местности в различных регионах Таджикистана, затем следуют снимки политических преобразований, социального и производственного характера, различного рода портреты и архитектурные виды, а также фотографии бытовой тематики. Хотя снимков, отражающих историю ремесла в коллекции мало, определенные данные по костюму и резьбе по дереву в них сохранились. Например, здесь представлен мастер, который занимается резьбой деревянной колонны (№ 1-32). На других фотографиях с изображением казиев (№ 1-38), фокусника (№ 1-27), сапожников (№ 1-34), проповедника на базаре, окруженного людьми разных сословий (№ 1-29), угощение чиновника (№ 1-37), запечатлены особенности традиционного мужского костюма таджиков начала XX века, а также белый китель российского офицера. Одна из фотографий «Чадолюбие» (№ 1-24) изображает двух самаркандцев с ребенком на балконе своего дома. Она представляет особый интерес не только одеждой, в которую облачены двое жителей дома, но и оформлением экстерьера здания.

Цикл снимков Е.Н.Павловского, посвященных Зарафшану с его суровым климатом, ледниками, быстрыми реками, особой каменной архитектурой жилища (№ 1-1, 1-2, 1-5, 1-6, 1-7, 1-9) весьма убедительна. Не менее интересны отпечатки с изображением жилища в кишлаке Такфон у Анзобского перевала, история которого, по мнению отдельных ученых, насчитывает более тысячи лет (№ 1-8). Экспедиционные фотодокументы академика Е.Н.Павловского являются важным историческим источником состояния таджикского общества после присоединения Средней Азии к России, а также состояния ремесла этого периода.

Важный вклад в изучение народного искусства Верхнего Зарафшана внес выдающийся этнограф М.С.Андреев. Первая экспедиция в этот регион при его участии состоялась в 1921 г., когда была образована Комиссия по изучению племенного состава России (с 1922 г. СССР), Туркестанский отдел которого возглавлял выдающийся исследователь В.В.Бартольд. Под эгидой данной организации была проведена рекогносцировка под руководством

М.С.Андреева в Самаркандской области «для создания этнографической карты Туркестана» [46, С.121-140]. Помимо дневниковых записей в архиве сохранились и фотографии, сделанные ученым в поездках по Самаркандскому, Каттакурганскому, Джизакскому и Ходжентскому уездам (1921-1922 гг.), в Матчу и Ягноб (1924 г.). Именно в эту поездку были обнаружены шедевры Зарафшанской резьбы: Искодарский михраб и колонна из Курута. Об этих поездках сохранились документы и фотографии в этнографическом архиве ИИАЭ НАНТ [78, С.32; 13, Ед.хр. № 18; 15, Ед.хр. № 28; 18, Ед.хр. № 52; 8, Ед.хр. № 57].

Другая поездка в Верхний Зарафшан, которые М.С.Андреев называл “Беловежской пущей”, состоялась в 1927 г. Она проводилась в формате “Общества для изучения Таджикистана и иранских народов за его пределами”, которое было создано в 1925 г. в Ташкенте. Тогда Таджикистан в статусе Автономной республики входил в Узбекскую ССР до 1929 г. Общество было представлено выдающимися исследователями А.А.Знаменским, Н.Л.Корженевским, И.И.Бездека, А.А.Семеновым, М.С.Андреевым.

В фонде М.С.Андреева сохранились документы, собранные им в Ягнобе и Матче при содействии Комиссии по изучению племенного состава России 1924 г. Также материалы полевых работ 1927-1928 гг., которые он вел с Е.М.Пещеревой, Н.В.Русиновой, Н.В.Мещеряковой под эгидой «Общества по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами» в Ягнобе, а также самостоятельно в отдельных пунктах Верхнего Зарафшана, где были собраны материалы, касающиеся языка, жилища, утвари, орудий труда [78, С.32; 8, Ед.хр. № 14, 17, 27, 28, 29, 45, 46, 58, 70, 71, 100, 101 и др.]. К ним относятся:

1. Экспедиционные записи М.С.Андреева и Е.М.Пещеревой, сделанные в Ягнобе в деха Хшартоб 15, 16 июля 1924 г. (Ед.хр. № 52).

2. Этнографические записи, сделанные в Матче 30 июля, 6 и 8 сентября 1924 г. вместе с копиями восьми эстампажей (38x22,5см), надписей на камнях на таджикском языке (арабская графика) из деха Есиз - 30 июля

1924 г., Сурхкят - 6 сентября 1924 г., Обурдон - 8 сентября 1924 г. и Палдорак (*Ед.хр. № 95*).

3. Сведения этнографического характера, записанные М.С.Андревым в деха Думзон и Анзоб - 18 июня 1925 г., Ягнобе - 13 июля 1925 г. (*Ед.хр. № 100*).

4. Записи, сделанные в Ягнобе 7 мая, 12 октября 1927 г. (*Ед.хр. № 46*).

5. Материалы экспедиции в Ягноб 1927 г. (*Ед.хр. № 17*).

6. Записи, сделанные в деха Хшартоб 14-16 июня 1925 г.; 7 и 23 июня 1927 г.; 6-9, 20, 23, 27 июля, 1, 6, 9 августа, 5 января 1928 г. (*Ед.хр. № 270*).

7. Машинописная версия дневников полевых работ М.С.Андреева в Ягнобе (*Ед.хр. № 28*).

8. Дневниковые записи М.С.Андреева в Ягнобе. 1927-1928 гг. (*Ед.хр. № 57, Ед.хр. № 101*).

9. Отчет М.С.Андреева о работе летом 1928 г. в Ягнобе. Таджикско-памирская экспедиция 1934 г: Полевой отчет по этнолингвистической поездке в Ягноб через Шахризьябский район в долину Шинка и среднее течение реки Зарафшан (деха Маргизар с 5-ю зарисовками жилищ, очагов - 3, 4, 10, 12, 28, 29 июля, 1 августа 1934 г.) (*Ед.хр. № 62*).

Объем фотодокументов, посвященных Зарафшану, в фонде М.С.Андреева не столь велик и включает себя около десятка снимков, которые имеют копии:

1. Коллекция № 1 (бывшая № 27) состоит из фотографий, сделанных ученым в Ягнобе 1924-1925-1927 гг.; 3 – в Фалгаре и Кумураде в 1925 г.

2. Коллекция № 99 “Горный Таджикистан” 1924-1925 гг. включает в себя отпечатки, которые были сделаны Вывинским и М.С.Андреевым в деха Дашти миёна.

В 1936 г. в Ягнобе побывал известный советский этнограф Н.Н.Ершов [139, С.65]. Однако, никаких материалов его полевых отчетов не сохранились в архиве ИИАЭ НАНТ.

В 1958 г. в составе этнографической экспедиции работали М.Р.Рахимов

(начальник экспедиции), А.С.Давыдов, М.А.Хамиджанова, З.А.Широкова, С.Дадабаева, А.Буриев, Б.Ганиев [25, Ед.хр. № 39]. Это была одна из самых плодотворных акций по изучению быта и этнографии Верховьев Зарафшана. Исследователи посетили деха Сангистон, Пакшиф, Рогиф, Тобуш, Мадрушкат, Ярм и Пастигав, Зосун, Рарз, Ревомутн, Рог. Палдорак, Хидгифи боло.

В этнографическом архиве сохранились дневники участников экспедиции: у М.Рахимова – на таджикском языке 1 тетрадь, 2 блокнота (185 л.), 1 машинописный переплетенный вариант (330 л.) (*Ед.хр. № 262, 263*). У А.С.Давыдова – 1 машинописный переплетенный вариант на таджикском языке (108 л.) (*Ед.хр. № 267*). У М.А.Хамиджановой – на таджикском языке 5 общих тетрадей, 1 блокнот (488 л.) (*Ед.хр. № 258*), 1 машинописный переплетенный вариант (506 л.) (*Ед.хр. № 264*). У С.Дадабаевой – 1 машинописный переплетенный вариант (51 л.) (*Ед.хр. № 260*). У З.А.Широковой – 1 общая тетрадь, 1 блокнот (136 л.) (*Ед.хр. № 261*), 1 машинописный переплетенный вариант (99 л.) (*Ед.хр. № 265*). У А.Буриева – 1 машинописный переплетенный вариант на таджикском языке (124 л.) (*Ед.хр. № 266*). У Б.Ганиева – машинописный переплетенный вариант на таджикском языке (131 л.) (*Ед.хр. № 259*). Сохранились также небольшие отчеты о проведенной экспедиции, принадлежащие М.Рахимову, С.Дадабаевой, А.С.Давыдову, З.А.Широковой, которые не имеют номера единицы хранения.

Фотографированием во многих поездках занималась З.А.Широкова, благодаря которой была составлена фотоколлекция № 39, состоящая из 325 снимков. В настоящее время она насчитывает только 265 снимка.

В 1957-1960 гг. под руководством известного этнографа и театроведа Н.Х.Нурджанова были проведены экспедиции искусствоведческого отряда в Верховья Зарафшана [139, С.90], материалы которой хранятся в другом архиве ИИАЭ НАНТ и широко отражены в его публикациях.

В 1959 г. экспедиция в составе М.А.Хамиджановой (начальник отряда),

А.С.Давыдова, К.Кадырова, А.Р.Мардоновой, З.А.Широковой вела полевые работы по темам: поселение, жилище, одежда, сельское хозяйство, ремесла, домашние промыслы, антропологический тип жителей и т.д. [26, Ед.хр. № 42]. Они посетили деха Магиан, Газани боло, Газани Поён, Рашнаи поён, Киёкли, Панджруд, Падруд, Фароб, Шинг.

В архиве сохранились дневники, без указания единицы хранения: М.А.Хамиджановой – на таджикском языке в виде 2 общих тетрадей (165 л.); З.А.Широковой – в виде 1 общей тетради (79 л.), 2 переплетенных тетрадей (92 л.) и 1 машинописного переплетенного варианта (131 л.); С.Дадабаевой – в виде 1 общей тетради (79 л.), 2 переплетенных общих тетрадей (92 л.), 1 машинописного переплетенного варианта (131 л.); А.С.Давыдова – в виде 2-х переплетенных общих тетрадей (110 л.); Р.Кадырова – в виде 4-х общих тетрадей (230 л.), 2 машинописных переплетенных вариантов (118 л.); Б.Ганиева – в виде 5 общих тетрадей (316 л.), 2 переплетенных общих тетрадей (70 л.); А.Мардоновой – в виде 1 общей тетради (154 л.), 1 машинописного переплетенного варианта (50 л.). Представлены отчеты о результатах экспедиции М.А.Хамиджановой, З.А.Широковой, А.С.Давыдова, С.Дадабаевой, Р.Кадырова.

В 1960 г. экспедиция в составе М.Р.Рахимова (начальник отряда), А.С.Давыдова, Р.Кадырова, А.Р.Мардоновой, З.А.Широковой, А.М.Хамиджановой и Г.И.Ишанкулова вела полевые работы в деха Анзоб, Такфон, Ремон, Шурмашк, Пормин, Джиджик, Сараток, Нарват, Хайронбент, Канте, Пиньён, Урметан, Пасруд, Маргузор, Дар-дар, Зеробод, Зиндакон, Габирут, Макшеват. Фотографом экспедиции была Л.И.Соловьева [27, Ед.хр. № 57] иногда ей помогал М.Р.Рахимов. Их снимки вошли в фотоколлекцию № 57, которая состоит из 479 отпечатков.

Сохранились подробные дневники участников экспедиции без указания номеров хранения и их машинописные экземпляры: у М.Рахимова – 3 блокнота, 2 тетради (143 л.), 1 машинописный экземпляр в переплете (102 л.); у Р.Кадырова – 6 блокнотов (452 л.), 1 машинописный экземпляр в переплете

(162 л.); у Г.И.Ишанкулова – 6 тетрадей (99 л.), 1 машинописный экземпляр в переплете (50 л.); у А.С.Давыдова – 1 машинописный экземпляр в переплете (131 л.); у З.А.Широковой – 6 блокнотов (452 л.), 1 машинописный экземпляр в переплете (162 л.); у А.Мардоновой – 5 блокнотов (433 л.), 1 машинописный экземпляр в переплете (162 л.); у А.Каримовой – 2 блокнота, 1 тетрадь (124 л.), 1 машинописный экземпляр в переплете (105 л.). В архиве хранятся краткие отчеты начальника отряда М.Рахимова, членов экспедиции Г.И.Ишанкулова, Р.Кадырова, З.А.Широковой, которые не имеют инвентарных номеров.

В 1961 г. экспедиция в составе М.Р.Рахимова (начальник отряда), А.С.Давыдова, Р.Кадырова, А.Р.Мардоновой, З.А.Широковой, А.М.Хамиджановой и Г.И.Ишанкулова вновь вела полевые работы в Зарафшане, но уже в деха Сартак, Панджруд, Мазори Шариф, Ёри, Негнат, Зимтут. Съёмки вели З.А.Широкова и Л.И.Соловьева, А.С.Давыдов, которые составили фотоколлекцию № 58 (319 снимков).

В архиве сохранились дневники участников экспедиции без указания номера хранения: М.Р.Рахимова – 1 машинописный экземпляр в переплете (62 л.); Р.Ш.Кадырова – 2 блокнота (146 л.), 1 машинописный экземпляр в переплете (68 л.); Г.И.Ишанкулова – 3 учебные тетради (34 л.), 1 машинописный экземпляр в переплете (71 л.); А.Каримова – 2 блокнота (222 л.), – 1 машинописный экземпляр в переплете (75 л.); А.С.Давыдова – 1 машинописный экземпляр в переплете (88 л.); З.А.Широковой – 1 машинописный экземпляр в переплете (112 л.); А.Мардоновой – 4 блокнота (367 л.), 1 машинописный экземпляр в переплете (134 л.); А.Каримовой – 5 блокнотов (304 л.), 2 машинописных экземпляра в переплете (109 л.) [28, Ед.хр. № 58].

В 1962 г. А.С.Давыдов (начальник отряда), Б.Бахтоваршоева, Г.И.Ишанкулов, М.А.Хамиджанова провели изыскательские работы в деха Урметан, Рарз и Сангистон. Из 65 снимков фотоколлекции № 62 сохранилось только 28 фотографий, которые подготовил лично А.С.Давыдов. В этом

же году А.К.Писарчик совершила индивидуальную поездку в Самарканд, для сбора материалов для альбома «Народное прикладное искусство таджиков» [137].

В 1962 г. была проведена Матчинская этнографическая экспедиция под руководством А.М.Хамиджановой [32, Ед.хр. № 66], фотографом которой был А.С.Андреев. Фотоколлекция экспедиции, состоящая из 493 снимка, в основном отражает новый быт матчинцев.

В 1963 г. М.А.Хамиджанова (начальник отряда), а в 1964 г. Г.Х.Ишанкулов, З.А.Широкова провели исследования в Новоматчинском районе. К сожалению, многих материалов этой поездки не сохранилось, но они отражены в публикациях её участников. Большая часть снимков фотоколлекции № 79 посвящена повседневной истории населения [30, Ед.хр. № 79].

В 1965, 1966 гг. А.С.Давыдов, З.А.Широкова, М.А.Хамиджанова провели этнографические исследования в Верхнем Зарафшане. Фотоколлекция № 81 1965 г. состоит из 393 снимков, которые были сделаны в Пенджикенте, деха Колхозчиён, Шинг, Зосун, Шамтуч, Джиджик, Гусар, Мадм, Маргидар.

Фотоколлекция № 83 включает 206 фотографий 1966 г., которые отражают быт и ремесла деха Вору, Газа Мури, Газарни Боло, Сор, Урметан, Даштти Кози, Падруд, Анзоб, Искодар, Дарг, Пиньён, Такфон, Чоре, Миндона, Шинг, Ёри, Хушкат, Дарг.

В эти же годы О.Муродов совершил индивидуальные поездки в Самарканд, документы о которых не сохранились в архиве.

В 1966 г. была проведена Ягнобская этнографическая экспедиция, текстовая информация о которой не сохранилась. Фотоколлекция № 82 состоящая из 282 отпечатков, отражает быт и ремесла населения деха Думзой, Бидев, Кули Дахана, Кули Боло, Семич, Кансе, Питеп, Пекон, Хшартоб.

В 1967-1970 гг. А.М.Хамиджанова совершила индивидуальные поездки

в Верхний Зарафшан, материалы о которых не сохранились в архиве, но они были отражены в ее публикациях.

В 1970 г., 1971 г. – О.Муродов, вновь предпринял индивидуальные поездки в Самарканд.

В 1971 году М.А.Хамиджанова начала свои изыскания в местах переселения ягнобцев и матчинцев. В 1971 г. она совершила поездку вместе с А.С.Давыдовым. Фотограф Кильягаров подготовил фотоколлекцию из 93 снимков, в которой отразил быт переселенцев на новом месте.

В 1972 г. М.А.Хамиджанова продолжила изучение жизни переселенцев Матчи и Ягноба, быт которых на новом месте отражен в ее публикациях.

В этом же году совершили индивидуальную поездку в Самарканд А.К.Писарчик и О.Муродов по сбору материалов для альбома «Народное прикладное искусство таджиков».

В 1973 г. М.А.Хамиджанова, А.С.Давыдов, О.Муродов исследовали места переселения ягнобцев и матчинцев. Тогда же, в 1973 году, в долину Зарафшана и Самарканд выезжала. Н.Бабаева, но архивных документов об этой поездке не сохранилось.

В 1974 году была проведена Матчинская этнографическая экспедиция под руководством А.М.Хамиджановой, которая была сфокусирована на изучении быта переселенцев (матчинцев и ягнобцев) на новом месте. Этнографы посетили Зафарабад, Кажровуд, Зуманд. Фотоколлекция № 100 состоящая в настоящее время из 88 снимков, отражает в основном новый быт матчинцев и ягнобцев, переселенных на новые места. В ней крайне мало снимков, посвященных ремеслам.

В этом же году в Самарканд вновь совершила индивидуальную поездку А.К.Писарчик по сбору материалов для альбома «Народное прикладное искусство таджиков». В 1975, 1976 годах М.А.Хамиджанова проводила экспедиции в местах переселения ягнобцев и матчинцев.

В 1977 году была проведена Ягнобская этнографическая экспедиция под руководством А.М.Хамиджановой. В фотоколлекции № 106 почти не

отражены ремесла, главное внимание сосредоточено на передаче повседневной жизни населения, характеристике его хозяйства.

В 1979 году экспедиция под руководством М.А.Хамиджановой проводила свои исследования в местах нового переселения матчинцев и ягнобцев. В полевых материалах мало отражены ремесла. В этом же году А.К.Писарчик совершила индивидуальную поездку в Верхний Зарафшан.

В 1980 году была создана Зеравшанская этнографическая экспедиция в составе начальника отряда М.А.Хамиджановой, филолога Мухаммадиева, З.А.Широковой, Н.Э.Тошматова, М.С.Шовалиевой. Ее участниками были проведены изыскания в г.Пенджикенте, деха Шинг, Рарз, Дар-Дар, Ёри, Колхозчиён Саратоқ Айнинского р-на, Махала Яси, Яккатол, в г.Ура-Тюбе (Истаравшан) [166]. Сохранилось несколько снимков коллекции № 107, сделанных З.А.Широковой и Н.В.Русиновой в г.Пенджикенте и деха Ёри, которые отражают ремесленное производство таджиков этого региона [31, Ед.хр. № 107].

С 1981 по 1985 года состоялись экспедиции под руководством М.А.Хамиджановой в Верхний Зарафшан [139, С.104]. К сожалению, материалы по этим полевым работам не сохранились в архиве.

После обретения Республикой Таджикистан политической независимости обстановка в стране не позволяла вести широкие этнографические исследования. Только в 2013 году возобновились первые полевые работы сотрудников отдела этнологии и исторической антропологии в горных и предгорных районах Гиссарского хребта. Затем были проведены исследования и в Верхнем Зарафшане.

В 2014 году Зарафшанской экспедицией в составе Л.Додхудоевой (руководитель), З.Юсуфбековой, М.Шовалиевой, Н.Васитовой были проведены полевые изыскания в регионе, что нашло отражение в отдельных изданиях данных исследователей [160; 147]. Члены экспедиции вели полевые работы в городе Пенджикент, джамоатах Магиан (деха Гул гирдоб, Обилой, Обиборик), Шинге (деха Шинг, Рашнаи поён, Падруд, Маргузор, Нофин) и

Фароб.

В 2019 году также были проведены исследования в Верховьях Зарафшана Л.Додхудоевой, З.Юсуфбековой, М.Шовалиевой, Т.Ашурмадовой [127; 74], в г.Пенджикенте, джамоатах Саразм, Вору, Лоик Шерали, Рудаки, Шурча, Чинор, Хурми. Две последние этнографические экспедиции призваны были восполнить, хотя бы частично, имеющуюся базу данных новыми материалами, которые могли бы показать преемственность или напротив – исчезновение отдельных характерных черт ремесленного производства, быта и занятий местного населения.

В целом архивные документы свидетельствуют о том, что далеко не все полевые материалы зарафшанских экспедиций XX века были отражены в публикациях. Фундаментальным изданием до настоящего времени считается коллективная монография сотрудников этнографического отдела Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша А.С.Давыдова, М.А.Хамиджановой и З.А.Широковой «Материальная культура таджиков Верховьев Зеравшана» 1973 г., а также отдельные публикации М.А.Ха-миджановой [117, С.29].

Каждый из авторов этой публикации представил свое исследование тех или иных аспектов материальной культуры Зарафшана. А.С.Давыдов изучил жилище, М.А.Хамиджанова – пищу горцев, а З.А.Широкова посвятила свой очерк одежде зарафшанцев. Каждый раздел книги начинается с указания того, что специальных обобщающих работ по конкретной тематике автором пока не подготовлено, хотя существовал ряд публикаций выдающихся этнологов, в которых приводились определенные сведения по предмету изучения [117, С.7-8; 138, С.182]. Все три автора в своих исследованиях основывались на полевых материалах, собранных ими в 1958-1961 гг. З.А.Широкова, как она сама пишет, привлекла для анализа и музейные коллекции этнографического фонда Института истории и Музея этнографии в Ленинграде [117, С.138].

Помимо отдельных дневников, отчетов таджикских этнографов,

фотоколлекций, которые сопровождали их тексты, в архиве сохранилось несколько работ А.С.Давыдова, которые непосредственно касаются ремесла таджиков Верховьев Зарафшана. Но они не были опубликованы. Судя по тексту документов, автор основывался в своем исследовании исключительно на полевых материалах и блистательно отразил собранные сведения в своей работе, которая так и не увидела свет. Среди них надо особо выделить такие машинописные копии работ А.С.Давыдова как «Ремесла Зарафшана», «Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958 года», «Сведения о селениях, жилищах и ремеслах таджиков Зеравшана» [21, Ед.хр. № 15; 22, Ед.хр. № 267, С.18-21, С.34-35, С.50-108; 20, Ед.хр. № 19, 15].

Первый очерк состоит из следующих разделов: ткачество, кожевенное и кузнечное дело, гончарство, деревообработка. Последняя достаточно объемная часть посвящена охоте. Именно она вкратце в 1985 г. была опубликована А.С.Давыдовым в сборнике «Этнография Таджикистана» под названием «Некоторые представления таджиков, связанные с животным миром». В архивных материалах автор широко рассматривает охоту, охотничьи снаряжения Верхнего Зарафшана и бытующие здесь представления о животных, а также связанные с ними обряды и обычаи. В своей публикации он лишь кратко останавливается на отдельных понятиях таджиков, связанных с животным миром [68, С.92-97].

В данной работе А.С.Давыдов рассматривает воззрения местного населения на разные темы: происхождение диких животных от домашних, значимость чистоты горных козлов, медведя-лекаря, птиц, осла, лошади, покровителей охоты, магических животных, которые снимают порчу с оружия и пуль [21, Ед.хр. № 15.-Л.12-70].

Таким образом, архивные документы А.С.Давыдова, посвященные ремеслам Верхнего Зарафшана, являются важным источником по истории ремесленного производства этого региона. В них сохранены многие сведения, которые автор собрал во время комплексных полевых работ в

данном крае, живого наблюдения и опросов. Мы обратимся к анализу этих документов в следующих главах.

Как показывают приведенные выше материалы, начало изучению ремесел и промыслов Верхнего Зарафшана советскими учеными положили полевые работы М.С.Андреева, Е.М.Пещеревой (1924, 1925, 1927 гг.) И.И.Зарубина, А.Л.Троицкой (1926-1927 гг.). Их начинания продолжил в 1934-1936 гг. этнограф А.Н.Кондауров в Ягнобе. Исключение составляют лишь 40-е гг., когда из-за военного положения, связанного с Великой Отечественной войной, приостановились эти изыскания. С 1958 г. начинается сплошное обследование региона сотрудниками отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Тадж.ССР, которые, как свидетельствуют архивные документы, велись вплоть до 1985 г. включительно. Наиболее плодотворными стали 50-е середина 70-х гг. XX века, тогда специалисты выезжали в Верхний Зарафшан практически каждый год. В 90-е года XX века политическая обстановка в стране, связанная с вооруженным конфликтом, не позволила развернуть полевые работы в каком либо регионе. К тому же многие выдающиеся этнографы как А.К.Писарчик, А.С.Давыдов, З.А.Широкова и другие покинули страну в беспокойные годы. И лишь в 2013 г. удалось возобновить полевые исследования при поддержке директора Института академика Р.М.Масова.

Особо отметить, что в конце XX начале XXI веков заведующий отделом Центральной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого – Кунсткамеры, уроженец Зарафшана Р.Рахимов совершил более 40 экспедиционных выездов в разные регионы Центральной Азии, в том числе и в Верхний Зарафшан. Под его руководством в 2006 году сформировалась научная школа изучения этнографии Центральной Азии и успешно работала Центральноазиатская этнографическая экспедиция (ЦАЭЭ МАЭ РАН), членами которой были молодые сотрудники отдела К.С.Васильцов, Н.С.Терлецкий и другие.

В 2007 г. районами полевых исследований в Таджикистане стали горные и предгорные долины Таджикистана и ГБАО, которые, как они сами утверждали, были выбраны по причине недостатка полевых материалов по традиционной культуре и религии указанных регионов [132, С.24-26]. Члены экспедиции неоднократно приезжали в регион и затем публиковали свои исследования по различным проблемам этнологии Зарафшана [145; 146; 189; 59, С.324-328]. Однако, их публикации не входят в формат нашего исследования, так как наш фокус сосредоточен на ремесленном производстве.

Материалы, приведенные в данном разделе, далеко не полно освещают деятельность выдающихся советских этнографов, так как в этнографическом архиве сохранились не все документы. Поскольку данный архив, как и его фототека, несколько раз переносили из одного помещения в другое, утратились многие ценные документы. А.К.Писарчик указала, что научный архив отдела этнографии до середины 1970-х гг. комплектовался в соответствии с принятой системой обработки и хранения полевых материалов, а с 1977 г. прекратилась контролируемая сдача основных полевых материалов, отчетов, дневников, фотоколлекций [139, С.47]. Это утверждение совершенно верно, т.к. материалы многих экспедиций нам не удалось найти в архиве.

Настоящая информация той части архива, которая связана с ремесленным производством Верховьев Зарафшана нами собрана на основе сохранившихся документов, а также публикаций, в которых можно было найти какие-либо сведения об экспедициях. Несмотря на скудность имеющихся архивных материалов, следует сказать, что важным источником для нас остаются публикации выдающихся советских этнографов М.С.Андреева, А.К.Писарчик, А.С.Давыдова, З.А.Широковой, М.А.Хамиджановой, Е.Пещеревой, Ишанкулова, М.Рахимова и многих других. Однако следует учесть, что во всех этих классических изданиях изложена только часть полевых материалов по теме исследования. В научном обороте

в основном использовались текстовые материалы, а рисунки, фотографии и в том числе фотографии вещей, как правило, служили иллюстрациями к текстам весьма редко.

Этнографические материалы по повседневной истории Таджикистана XX в. – особый аспект видения эволюции таджикского социума, его духовной и бытовой культуры. Они способны служить достоверными сведениями в процессе формирования национальной идентичности. С этой целью в настоящее время необходимо выявление, изучение тех неопубликованных документов, которые зафиксировали этническую, социальную и экономическую жизнь различных районов страны в XX веке.

Таким образом, следует отметить, что этнографический архив Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана обладает чрезвычайно богатой коллекцией архивных материалов по этнографии Верховьев Зарафшана, самыми ранними из которых являются документы 1908 г. Изучение этнографии таджиков в советский период велось по выработанной методике: сбор полевых материалов, их дальнейшая обработка и публикация. В XXI веке имеющийся материал этнографического архива пополняется из года в год новыми текстовыми и фотоматериалами.

1.2 Фотоколлекции экспедиций Верховьев Зарафшана в собрании этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Этнографический архив ИИАЭ НАНТ обладает обширной коллекцией фотографий, зарисовок, освещающих повседневную историю Таджикистана XX - начала XXI веков. В большей своей части они собраны выдающимися советскими этнографами М.С.Андреевым, А.К.Писарчик, И.Мухиддиновым, Н.Н.Ершовым, З.А.Широковой и другими.

Иллюстрации, приведенные А.С.Давыдовым, А.М.Хамиджановой, З.А. Широковой в сборнике «Материальная культура таджиков Верховьев

Зеравшана» 1972 г., значительно уступают тому количеству снимков, которые были сделаны ими в период полевых исследований 1958-1961 гг. и сохранились в архиве. Фотоколлекции других экспедиций также многочисленны и, к сожалению, лишь частично были воспроизведены в изданиях. Таким образом, большая часть иллюстрированного материала остается неизвестной широкому кругу исследователей. Поскольку некоторые снимки вошли в качестве иллюстраций в известный сборник «Материальная культура таджиков Верховьев Зеравшана» мы не будем останавливаться на их изучении, так как они подверглись анализу самими авторами в 1972 году.

Фотоколлекция № 39 была подготовлена в 1958 г. М.А.Хамиджановой и З.А.Широковой, и состояла из 325 снимков, из которых в настоящее время сохранилось только 265 отпечатка.

Помимо других тем они отражают состояние ремесел и промыслов таджиков Зарафшана, на которых мы остановимся подробнее. Надо сказать, что на оборотной стороне некоторых фотографий указаны номера и страницы, на которых они должны быть воспроизведены в их совместном труде «Материальная культура таджиков Зеравшана». Однако, их сопоставление с иллюстрациями и рисунками сборника показывают, что порой они не все были использованы. Вероятно, авторы планировали классифицировать все снимки и намеревались их воспроизвести в книге. По каким-то причинам они не были включены в публикацию издания.

Прежде всего, в монографии представлены примеры архитектурных строений Верхнего Зарафшана, но в разделе «Жилище» (автор А.С.Давыдов) не была воспроизведена фотография пятничной мечети *чумъахони* из деха Сангистон (№ 39-25), которая судя по надписи на оборотной стороне отпечатка, должна была быть представлена в сборнике в качестве рисунка. Это фото представляет мечеть с красивой оградой, идущей по периметру айвана культового здания. Известно, что из-за отсутствия дворов при мечетях в горных районах их айваны были окружены деревянными решетками,

которые в данном случае отличаются особым изяществом и изысканностью.

Другая пятничная мечеть из деха Ревомутк (№ 39-124) также не была воспроизведена в сборнике. Между тем она привлекает той особенностью, что имеет два уровня. Ее айван установлен на столбах нижнего полуподвального помещения. Такие сооружения возводятся до сих пор, например, в Саразме. Нижнее помещение служит для хозяйственных нужд.

В данной фотографии мечеть получает как бы прочную платформу, которая позволяет ей возвышаться среди других построек деха.

Снимок мазара Хазрати Довуд из деха Рог (№ 39-201) также остался в собрании экспедиции. Это скромная постройка, украшенная священным знаком горного козла – его рогами и большими палками. На обороте фото сделана надпись карандашом о том, что предположительно в этом помещении и погребен пророк Довуд. Естественно предположить, что данное сообщение может рассматриваться исключительно как легенда.

Особую часть занимают снимки колонн, которые, как известно, являются особым достоянием Верхнего Зарафшана. А.С.Давыдов привел в своем разделе о жилище прекрасные рисунки и прорисовки этих опор, воспроизведения которых сохранились в архивной коллекции.

Дымоход *мури* занимает особое место в визуальном материале зарафшанских экспедиций. В разных регионах он имеет совершенно различные формы. В данной же коллекции приведены образцы из деха Сангистон (№ 39-23) и Мадрушкат (№ 39-245), но их изображения не были использованы авторами в качестве иллюстраций в сборнике «Материальная культура таджиков Зеравшана».

Во время экспедиции, как свидетельствуют материалы, особо авторами были выделены образцы резьбы по дереву и ганчу, многие из которых не вошли в указанный выше сборник. Среди них дверь мечети из деха Парз (№ 39-92), архитрав *мехмонхона* жилого дома из деха Худшери Боло (№ 30-251), *айвон* жилого дома с нишами из деха Пастигав (№ 39-330), *панчара* в доме из деха Рогиф (№ 39-342). Потолок жилого дома с вассой и

балками, оформленными геометрическими выборками (№ 39-82), его ниши с ганчевой резьбой (№ 39-24), которые должны были войти в сборник, также не были воспроизведены.

Что больше всего поражает в коллекции № 39, так это множество примеров стенописи *нақшу нигор* различного рода. К настоящему времени утвердилось положение, что стенопись была крайне неразвита в Верховьях Зарафшана, а потому резьба по дереву получила примат в декоре зданий. Материалы данного собрания свидетельствуют об обратном, поскольку среди них сохранилось много примеров росписи айванов жилых домов, потолков мечетей, которые не были проиллюстрированы в упомянутом выше сборнике. Правда, А.С.Давыдов отмечал, что многие росписи были сделаны неумело и примитивно. Однако, они в полной мере отражают вкусы и представления населения о прекрасном, о дизайне интерьера, которые к настоящему времени уже исчезли под натиском новых веяний.

Так, в деха Палдорак в то время еще сохранилась роспись потолка мечети Гулдор (№ 39-226). Но больше всего в середине XX в. старались расписывать *меҳмонхона* в жилом доме, примерами чему могут служить многочисленные фотообразцы. Так, в деха Худгиф на стенах айвана представлен рисунок ивы *мачнун бед* и панно с изображением цветов (№ 39-243). В деха Худжери боло предпочтение было отдано рисунку вазаращения, где большой пышный розовый куст поднимается из сосуда (№ 39-245), такой же, как в жилых домах Худшери Боло с тем лишь различием, что в отдельных случаях он дополнен изображением куста сирени, различных полевых цветов (№ 39-248), одуванчиков (№ 39-249). Многие образцы росписи из деха Худшери боло 1946 г., которые сфотографировала А.М.Хамиджанова, имеют на обороте записи, подтверждающие ее авторство. В другом случае на айване жилого дома представлен орден Победы и стих написанный на арабской графике (№ 39-244) [75, С.140-144].

Объектом живописных композиций могли стать балки, васса потолков и архитравы. Так, в деха Худшери боло Матчинского района *меҳмонхона*

жилого дома (1946 г.) украшена росписью в виде растительных и геометрических узоров (№ 39-251), орнаментальных медальонов (№ 39-257, 39-258). В другом случае роспись балок потолка включает в себя изображение чайника и дату постройки дома (№ 39-253), стенопись и различные изречения на арабской графике.

Что касается женских ремесел, то по утверждению З.А.Широковой, в высокогорных селениях Зарафшана было наиболее распространено лоскутное шитье *гулбурй*, *куроқ* в отличие от вышивки, которая здесь не занимала ведущего положения. Коллекция № 39 во многом подтверждает это высказывание ученой. Все зафиксированные во время экспедиции образцы свидетельствуют о том, что *гулбурй* являлся излюбленным видом женского рукоделия.

Чодар из деха Сангистон (№ 39-1,2) и Хугиф (№ 39-228), покрывало из деха Рарз (№ 39-47), Постигав (№ 39-310) и Пакшер (№ 39-263), а также курпача (№ 39-264) выполнены в технике лоскутного шитья. Непременным объектом оформления лоскутами служила детская одежда, что по представлениям местного населения, могло уберечь ребенка от сглаза и порчи. В фотоколлекции сохранились две фотографии: детский лоскутный халат из деха Рог (№ 39-184), на спинке которого представлен квадрат, собранный из отдельных лоскутов и сетка. В другом случае в центре спинки халата проходит вертикальная полоса, созданная из треугольников и других геометрических мотивов (№ 39-349). Отдельные образцы вышивального искусства в данной коллекции представлены вышивкой крестом *савлати қултуқ* подмышки девичьего халата (№ 39-183) из деха Рог, а также вышитым покрывалом, которое закрывает постельные принадлежности в нише *тахмон* (№ 39-81).

Надо особо отметить, что в фотоколлекциях Верховьев Зарафшана часто запечатлены сами ремесленники. Так, в данном собрании представлен плотник Эхсон Шарипов из деха Рарз, который выделывает балки для здания школы (№ 39-87); женщина за прядением шерстяной пряжи с веретеном

урчуком, чаллаком (№ 39-101); вязальщица из деха Рог за изготовлением носков *чурабов*, которые, как и памирские образцы имеют геометрический орнамент (№ 39-216).

Обработка дерева велась не только в области изготовления архитектурных деталей и резьбы, но и при изготовлении посуды и даже детских игрушек. Так, в деха Рог этнографы запечатлели подержанную деревянную посуду для молочных продуктов (№ 39-221), а в деха Пакшиф – ступку *огурак* и детский автомобиль из дерева (№ 39-279), отличающийся особой простотой конструкции.

Фотоколлекция № 42 основана на полевых исследованиях 1959 года и состоит из 72 фотографий. Среди отпечатков также можно найти образцы, на оборотной стороне которых отмечено, что некоторые из них будут воспроизведены в сборнике «Материальная культура таджиков Зеравшана». Однако не всегда это соответствует реальному положению дел.

Как почти во всех зарафшанских коллекциях здесь встречается много типов различных сооружений, колонн, которые впечатляют своими художественным своеобразием. Так, в этой коллекции можно встретить снимки мечети в деха Газани боло (№ 42-9, 42-29), жилого дома в деха Рашнаи поён (№ 42-40), старинного дома в деха Газани боло (№ 42-9). А.С.Давыдов так описал его функции. Старое жилище считалось местом пребывания духов, причем, по поверью они обитали в западной его части. Считалось, что если построить новое жилище на месте старого, то духи обрадуются. Перед сносом старой постройки угощали уважаемых старцев селения, которые просили у духов позволения на слом дома и благославляли мастеров на строительство. В деха Вору перед сносом дома полагалось вечером понедельника или в пятницу совершить обряд чтения Корана *хатми Куръон* [117, С.128].

Зарафшанская школа резьбы по дереву имеет свои типы колонн, которые детально рассмотрены в сборнике [117, С.106-113, С.116-119]. В фотоколлекции № 42 представлены колонны мечети и старого дома в деха

Магиан (№ 42-94). Но более всего поражает колоннами *айван* жилого дома в деха Рашнаи Поён. Их капитель имеет орнаментальный символ *кучкорак* (*қушқорак*) – в виде спаренных рогов горного козла (№ 42-40). В сборнике А.С.Давыдовым представлены различные капители, рисунок которых напоминает мотив рогов горного козла [117, С.:107, 108, 113, 117], но подобное четкое очертание знаменитого орнамента в колоннах этого региона встречается редко.

В коллекции сохранился снимок старого паласа из бараньей шерсти *бугчума*, который был изготовлен за 75 лет до того времени, когда экспедиция посетила деха Газанги Поён, т.е. в 1884 году. Он типичен для ковровых изделий этого региона и имеет композицию, составленную из полос по всему пространству *гилема* (№ 42-45). На оборотной стороне снимка указано, что он хранится в Музее этнографии им. М.С.Андреева под № 404-220.

Участники экспедиции, следуя установившейся традиции фиксировали и работу мастеров. В данной коллекции представлены сапожник Сафар Махмудов из деха Магиан (№ 42-20), мастертокарь из Газани Поён (№ 42-44) за современным станком, а также водяной токарный станок из деха Панджруд (№ 42-34). В Панджруде, на родине Рудаки, был сделан групповой снимок участников экспедиции у входа в мавзолей поэта. Как известно, этот памятник, который сейчас значительно перестроен, был открыт в 1957 г. к празднованию 1000-летия классика поэзии А.Рудаки под эгидой ЮНЕСКО.

Фотоколлекция № 57 была составлена на основе полевых работ 1960 года и включает в себя 479 снимка сделанных М.Рахимовым, которые широко представляют ремесла и промыслы региона. В них зафиксированы мазары с айваном на окраине Анзоба (№№ 57-20, 57-25, 57-27, 57-29, 57-30) и Биби Робии в деха Дар-Дар (№ 57-356), мечети в деха Зеробод (№№ 57-250, 57-252), в деха Дар-дар (№№ 57-273, 57-275, 57-276), в кварталах Маслукои и Лангар в деха Урметан (№№ 57-453, 57-463, 57-464). Здесь же немало

снимков, в которых запечатлены жилые постройки: старые дома 20-х годов XX века в деха Джиджик (№ 57-108), в 30-х гг. XX века в деха Ремон (№ 57-34), ворота жилого дома в деха Зиндагон (№ 57-349).

Особое внимание этнографов привлекло художественное оформление культовых строений, которое включало в себя роспись балок мазара на окраине Анзоба (№ 57-27а), колонну, решетку *панчара*, расписанные геометрическими мотивами васса и балки с резным орнаментом мечети в деха Зеробод (№№ 57-250, 57-251, 57-252), деревянные решетки и резную дверь в мечети деха Дар-Дар (№№ 57-273, 57-275, 57-368), колонны и резные двери в деха Урметан (№№ 57-453, 57-447).

Особое место занимают в коллекции снимки очагов *оштонов* и печей *тануров* для выпечки лепешек в жилых домах деха Зиндакон, верхняя часть которого имеет рисунок стрельчатой арки (№ 57-323) и другие формы в образцах деха Дар-Дар (№ 57-338) и деха Джиджик (№ 57-116).

Дымоходы *мури* имеют разнообразные формы: в виде трубы в селениях деха Анзоб (№ 57-17), квадрата с трубой в деха Джиджик (№№ 57-96, 57-103, 57-116), квадрата с несколькими треугольными отверстиями в деха Шурмашк (№№ 57-191, 57-202, 57-204, 57-300, 57-301).

Значительная часть фотографий представляет роспись *нақшу нигор* в культовых и жилых строениях, в арсенале которой сохранились как традиционные мотивы, так и новая тематика. Как правило, в мазарах и мечетях васса всегда была расписана, тогда как балки чаще украшались резьбой. Но среди снимков коллекции (№ 57) встречаются примеры росписи балок, например в мазаре на окраине деха Анзоб (№ 57-27а).

Совершенно неожиданно оформлена была мечеть в махалле Лангар деха Урметан, интерьер которой просто насыщен растительным декором и эпиграфическим орнаментом (№№ 57-463а, 57-463б). Здесь васса, архитрав и потолок украшены росписью. Стены оформлены растительными узорами, выдержками из Корана (арабский шрифт) и письменами на кириллице. Так, на одной из стен просматривается слово «мебаранд», а в скобках – частично

«В.М.Мол». Очевидно, здесь было приведено какое-то высказывание В.М.Молотова. Как известно, в это время известный политический деятель СССР был уже в опале. В 1957 году он был назначен послом СССР в Монголию, а в 1960-1961 годы руководил советским представительством при штаб-квартире агентства ООН по атомной энергии (МАГАТЭ) в Вене. Следовательно, роспись была сделана раньше, скорее всего в первой половине 50-годов XX века [75, С.140-144].

На другом панно в той же мечети сохранилось такое же сочетание кириллицы и арабского шрифта (№ 57-464). Здесь призывами «Рафикони колхозчиён», «Ба суи коммунизм!» оформлены ваза-растение и розетки.

Главными объектами для росписи в жилых домах оставались айваны и гостевая *мехмонхона*. Так, в деха Дар-Дар стены террасы дома покрыты росписью с мотивом ваза-растение в виде розового куста или же просто ветвей деревьев, чаще *маджднунбеда*, а также рисунками пятиконечной звезды, различных медальонов и розетками (№№ 57-219, 57-220). Айван в доме учителя в том же деха также украшен подобными панно, но его внешние стены оформлены в виде рисунка куста (№ 57-278). А в доме раиса колхоза того же селения васса и архитрав оформлены резьбой (№ 57-293).

В мехмонхоне другого жилища в деха Дар-Дар роспись потолка произведена в виде панно с розеткой в центре. Архитрав расписан тремя орнаментальными полосами (№№ 57-339, 57-340). Стенопись внутри жилой комнаты в деха Махшеват напоминает по своей композиции структуру *гулбурӣ*, *куроқ* или же рисунка вязаных изделий. В другой части помещения – стенопись представлена в виде небольших изображений роз, которые группируются вокруг самой большой из них в центре (№№ 57-435, 57-437). В этом же селении встречается панно, в котором вместо традиционного рисунка ваза-растение изображена стеклянная ваза со сладостями в орнаментальной арке. Над ней идет надпись «СССР – сулх. 29 сол» (№ 57-436). Другое панно в *мехмонхона* трактовано также в контексте времени. Здесь представлен бокал, из которого вырастает куст с раскидистыми

стеблями (№ 57-438); чайник, из которого в чашку льется чай, а над ним растительный орнамент с геральдическим изображением птиц на ветвях (№ 57-439).

В жилых помещениях расписывались не только стены, но и шкафы-стенки *сандуки*. Так, стенной шкаф дома в деха Дар-Дар оформлен достаточно пышно (№№ 57-217, 57-218). Над створками, обрамленными гирляндами, представлены птицы (белые голуби), летящие навстречу друг другу. В нижней части шкафа над его створками представлен герб СССР и красноармейская звезда, вокруг которых расположены пышные цветы, перемеживающиеся с медальонами и розами. Потолок состоит из квадратов, расписанных цветочным орнаментом.

Среди тканых паласов сотрудниками экспедиции были отмечены полосатые *гилемы*, а также кошма из деха Урметан (№ 57-167). В деха Зиндакон в их ленты введены четырехугольники (№№ 57-347, 57-376). На летовке в Саратоке показано тканье паласа (№ 57-371). Членами экспедиции запечатлен станок *дукони заминаки* в деха Габирут, на котором ткут шерстяной мешок *чувол* (№ 57-426), а также *хурчин* из деха Урметан (№ 57-452).

Вышивка представлена единичным примером в виде скромного изображения мотива спаренных рогов горного козла у подмышки женского халата (№ 57-404). В деха Джиджик экспедицией были зафиксированы вязанные чулки *чироби*, ковер с геометрическим орнаментом (№ 57-109).

Обработкой дерева в Верховьях Зарафшана активно занимались и во второй половине XX века, поскольку здесь сохранились традиции этого ремесла. Среди изделий в коллекции представлены многочисленные образцы колонн, дверей, панджара, а также изделия утилитарного назначения: светильник в мазаре на окраине деха Анзоб, который напоминает базу колонны (№ 57-25), блюдо *табак* для замешивания теста и детская игрушка-колыбель *гахвора* из деха Джиджик (№№ 57-114, 57-183, 57-184).

В поле зрения членов экспедиции всегда оставались мастера-

ремесленники. В коллекции № 57 представлены сапожник за работой из деха Зеробод (№ 57-245) и кузнец из деха Махшеват, который делает только подковы (№ 57-432), ткачиха из деха Зиндакон (№ 57-348). Особый интерес представляет фото с изображением мужчины из деха Урметан (№ 57-375), который опираясь двумя руками на палку, занимается валянием шерсти.

Орудия труда и инструменты мастеров всегда фиксировались экспедицией. Например, в деха Джиджик были сфотографированы соха (№ 57-120) в деха Пасруд – плуг (№ 57-188), в деха Ремон – столярные инструменты мастера, а в деха Дар-Дар – печь для обжига известняка (№ 57-318).

Фотоколлекция № 58 состоит из 319 снимков, которые были сделаны З.А.Широковой и А.С.Давыдовым во время экспедиции в 1961г. Она отличается от других собраний тем, что в ней много текстильных изделий, образцов вышивки, которые редко встречаются в других фотосериях.

Среди архитектурных сооружений А.С.Давыдовым запечатлены жилой дом в деха Кохозчиён, васса и балки потолка которого декорированы узорами розеток и растительного орнамента, а переход от потолка к стене представлен в виде ряда выступов с мотивами орнаментального декора (№№ 58-258, 58-260). Впечатляют и другие фото этнографа, которые представляют деревянную водяную маслобойку *обуччавоз* в деха Ёри (№№ 58-249, 58-251). Ее основу составляют огромные колоды *кунди чувоз*, пест *дукорноя*, пресс, приводной механизм. Важно, что водяные маслобойки были редкостью не только в Северном Таджикистане, но и по всей Средней Азии в конце XIX-начале XX веках [73, С.24]. В коллекции также представлены прекрасные колонны мечети в деха Негнат (№ 58-85).

Женское рукоделие получило довольно широкое освещение в данной фотосерии. Ткачество, как известно, занимало важное место среди женских ремесел, о чем свидетельствуют снимки шерстяного полосатого мешка с кислым молоком из деха Ёри (№ 58-164) и палас, вытканый в деха Панджруд (№ 58-44).

Большое количество приведенных в коллекции образцов *гулбури* позволяет сделать вывод, что лоскутное шитье было ведущим видом женского ремесла. В коллекции представлены различные типы подушек *болишит* из деха Ёри, которые оформлены гулбури, куроком (№№ 58-160, 58-163, 58-168) и имеют разные личные названия соответственно: *чини куроқ* (№ 58-160), *чици куроқ* (№№ 58-160, 58-161), *ойнақуроқ*, *гулпарто*, *казак* (№ 58-163), *туррақуроқ* (№ 58-162) и даже *остин* (№ 58-89).

Столь же были распространены лоскутные покрывала, которые служили для покрытия спальных принадлежностей в нишах *ток*, как в Зимтут. В композиции могут чередоваться как полосы, так и квадраты, поставленные на угол (№№ 58-10, 58-315). Они выполнялись в технике гулбури и *болинпуши*, один из которых из деха Панчруд выполнен из лоскутных квадратов, украшенных равноконечными крестами внутри (№ 58-50). Курпача всегда была одним из главных изделий, которые выполнялись в технике гулбури, о чем свидетельствует тюфячок из Панджруда (№ 58-51).

Местные мастерицы готовили небольшие изделия техникой гулбури: *ойнакхалта* и *монахалта* (№ 58-87)

Среди фотографий коллекций немало вышитых изделий: несколько *ручо* с узором пышного цветка-куста, *гули шохон* или *гули шох* из деха Ёри (№№ 58-169 а, б, 58-189 а, б), с узором *гули лола*, *абай сангдон*, *кунгра* (№ 58-172). Во втором *ручо* цветущий куст гули шохон украшает основное поле изделия, в бордюре которого вышиты большие розетки с гули кукнор. В деха Ёри вышивали болинпуши с мотивом гули лола (№ 58-173), большими и малыми розетками (№ 58-182).

Старинное сузани из деха Ёри интересно своей свободной композицией, в центре которой расположена 10-ти конечная звезда, а по углам – цветущие кусты *бутта* (№ 58-86). Сузани с символом *чор чирог* и этого же селения представлено в виде панно с каймой, расшитой цветами *лолоча*. (№ 58-174) и светильниками в виде раскрывшегося тюльпана. Другое сузани (№ 58-181) имеет изображение вихревых розеток, а также больших розеток, внутри

лопастей, которых представлен узор лолагул.

Не менее интересно сузани из Пенджикента с большими мохнатыми и малыми розетками в виде концентрических кругов, в которые вписан мотив *лолоча* (№ 58-234).

Молитвенные ковры *чойнамос* из деха Ёри интересны тем, что некоторые из них имеют узор следа лошади *нъали асп* (№№ 58-180, 58-207), широко использовавшийся в вышивке Худжанда, розетки с изображением цветов лолача внутри лопастей (№ 58-183). Весьма характерны для Пенджикента и *чойнамос* для двоих молящихся *кушчойнамос*. Один из них имеет узор *лаби бом* или *бом* (№ 58-233), другой – узор *гули шох* (№ 58-236). Традиционна была композиция покрывал на колыбель *гахворануш*, о чем свидетельствует изделие из Пенджикента, имеющее название *гаранг* с узором ироки (№№ 58-206, 58-235).

В коллекции достаточно много примеров женских платков и мужских камарбандов. Так, женский платок из деха Ёри украшен тонким графическим рисунком гул в виде изящной веточки (№ 58-178). Как свидетельствуют материалы фотоколлекции № 58, узор перца *мурчадузй* был очень распространен в вышивке. Он украшает женский головной платок из приданого невесты в деха Ёри (№ 58-171). Другой элемент *гули кирмак лабичуй* встречается на камарбандах деха Ёри, в которых вышита водная гладь в виде узких полос, а извивающейся формы узор *гули кирмак* – в виде S-образной формы, был не менее популярен (№№ 58-186, 58-187). Другой женский платок из этого же селения имеет узор *нускаи зангири* (№ 58-185), а тот же предмет из деха Артуч украшен по углам цветущим кустом (№ 58-87). Паранджа *фаранчи* из приданного невесты из деха Панджруд (№ 58-47) украшена по краям пуговицами, а на уровне груди – нашивками, напоминающими тумор. Редким образцом коллекции может служить подзор для кровати *гирди каровот*, чрезвычайно чисто и тонко вывязанный крючком в деха Панджруд (№ 58-54).

Членами экспедиции была зафиксирована кузница в Панджруде, в

которой мастер точил серп на электрическом станке (№ 58-277). Традиционным инструментом для прядения для мастериц Зарафшана оставалось веретено *урчуқ*, которое запечатлено было в деха Панджруд (№ 58-56). В деха Ёри этнографами был запечатлен процесс подготовки мастерицей глины для создания очага (№ 58-242).

Фотоколлекция № 62 состоит из 28 фотографий, подготовленных в 1962г. В основном в ней представлены архитектурные объекты и детали. Вызывает интерес, как пишут этнографы, «легендарная колонна *сутуни гайб* из мечети в деха Урметан (№№ 62-25, 62-270) колонны айвана старинной мечети в деха Парз (№№ 62-36, 62-37, 62-47).

Коллекция № 81 – из 393 снимков, подготовленных в 1965г., в основном связана ремесленным производством.

Во всех регионах Верхнего Зарафшана особое внимание этнографов привлекала прежде всего деревообработка, которая, как правило, всегда была выполнена на высоком уровне. В деха Колхозчиён была зафиксирована резьба по дереву в беседке и айване усадьбы Алиева Шодмона. Мастер изготовил резные панно шкафа, выполнил резьбу по дереву и украсил айван пейзажем в стиле академической живописи (№№ 81-173-175, 81-176-178, 81-183-814, 81-221, 81-227). Также членами экспедиции были зафиксированы колонны мечети, резные ворота с орнаментом в деха Мадм (№№ 81-309-310, 81-311-312), а в деха Зосун – колонны, потолочная резьба в мечети (№ 81-324-329).

Ткачество в коллекции представлено гилемами, которые были изготовлены в деха Маргидаре и в деха Гусар – как 45 лет назад (№ 81-95), т.е. в 20-е годы XX века, так и 80 лет назад (№ 81-96), т.е. в конце XIX века.

Многочислены в фотосерии № 81 примеры местного вышивального искусства. Так, в деха Колхозчиен были изготовлены два камарбанда с узором *занҷиракканде* (№ 81-4) и мотивом *гули қирмак* (№ 81-5) в виде линии повторяющихся выпуклостей. Редким украшением двери *пеши дар* является изделие с своеобразным орнаментом, украшенным вихревыми розетками.

Здесь же были вышиты несколько *яккабандов* (№ 81-6) швом *чинда хаёл* (двусторонняя гладь) узорами *гули руичо*, *панчаи мушпанча*, *дандона*, 8-ми конечными звездочками *гули мохтоб* и ломаной линией *занчира*. Второй халат имеет изображение зигзагообразного рисунка *кирмак* в рамке (№ 81-17), а третий узор кирпича *хишт* (№ 81-21).

Среди этих образцов особо выделяется полотенце вышитое крестом с изображением птицы, пытающейся съесть вишню, которое было несомненно, навеяно уже современными европейскими образцами (№81-16), маленькие платочки, раздаваемые в день обрезания (№ 81-12, 81-13).

Сохранился снимок руиджо с мотивом *гули бед*, выполненное в Пенджикенте (№ 81-137), вышитый головной женский платок из деха Зосун, носящий название *карси торкаш* (№ 81-147). В деха Мадм были изготовлены два камарбанда, один из которых был украшен вышитым узором *дандонак* в виде буквы «ш» арабского алфавита и – *качак*, а другой – узором *ле-ле* (№№ 81-149, 81-151, 81-152). В деха Зосун небольшие вышивки принято называть руиджо. Одно из них украшено мотивами цветка лола, завитками в виде спаренных рогов горного козла *кушқорак*, прямыми полосами *оби*, а по краю – темной полосой *мағзи* (№ 81-277-278).

Лоскутное шитье гулбури оставалось одним из ведущих видов рукоделия местных матсериц. Интересно сузани с мехробными нишами, а также занавес для двери *пардаи дар*, созданные в деха Шамтуч (№ 81-73-75,769), лоскутное покрывало *курпапуш* – на стопку одеял из деха Джиджик (№ 81-83). Из лоскутов в деха Мадм изготавливают *зардевор*, который здесь называют чаще *гирди хона* (№ 81-276). Особенно впечатляют шахматные рисунки лоскутных изделий. Так, в деха Зосун был изготовлен *сандалипуш* с узором в виде шахмат (№ 81-279-281).

Также в деха Шинг были сфотографированы ювелирные женские украшения *минчок* из 3-х рядов ряда монет. Участники экспедиции зафиксировали плетение корзины женщиной в деха Шамтуч (№ 81-132), а в Пенджикенте – усто и его шогирда за работой в кузнице (№№ 81-246, 81-

249).

Фотоколлекция № 82 сохранила 242 снимков 1966г., созданные в Ягнобе. Однако отпечатков, которые отражали бы ремесленное производство региона, достаточно мало в данном собрании.

В основном они касаются деревообделочного производства, гончарства и конструкции очагов. Так, в деха Кули Боло члены экспедиции зафиксировали колонну мечети (№ 82-100). В деха Думзой ими были сделаны снимки дымохода *руча* в жилом доме (№ 82-20), очага *калаба* в мехмонхоне (№ 82-31), а также внутренний вид очага *инкира*. Керамика Ягноба отличается монументальным характером, лаконичностью и функциональностью своих характеристик. Так, в деха Думзой участниками экспедиции была сфотографирована маслобойка *тугма* (№ 82-22), два кувшина *кала* (№ 82-38, 82-39). Все керамические образцы находятся сейчас в собрании музея этнографии Национальной академии наук и были представлены в альбоме «Народное искусство Верховьев Зарафшана» [129, С.38].

Фотоколлекция № 83 стоит особняком среди Зарафшанских собраний, так как в ней не указана дата полевых материалов, членов экспедиции. Несмотря на это сохранившиеся 206 снимков свидетельствуют о том, что ее участники побывали в таких деха, как Вору, Газа, Гезани Боло, Сор, Урметан, Дашти Кози, Падруд, Анзоб, Искодар, Дарг, Пиньён, Такфон, Чоре, Миндона, Шинг, Ёри, Хушкат, что свидетельствует о широкой географической территории полевых исследований. Что касается фотографий, отражающих ремесленное производство этих пунктов, то они немногочисленны.

Прежде всего, члены экспедиции зафиксировали архитектурные сооружения и детали. Так, в деха Сор был снят потолок мечети, насыщенный великолепной резьбой (№№ 82-24, 82-34) и резные двери (№ 83-106), а также потолок мазара Бурхони Джандапуш в деха Анзоб (№№ 82-76, 82-77), колонны мазара Хазрати Мир в деха Искодар (№ 83-94), и айвана мечети в

деха Панджруд (№ 83-184).

Все эти образцы древнейшего местного ремесла *кандакори* отличаются высоким художественным вкусом и составляют богатый арсенал местной традиционной школы. В то же время надо отметить, что А.С.Давыдов на основании изучения многих образцов резьбы по дереву пришел к выводу, что в Верхнем Зарафшане не сложился единый стиль, единая школа декоративного оформления, что было обусловлено тем, что здесь трудились приглашенные мастера или резчики, обучавшиеся в разных местах. Например, в Матче и Фалгаре - трудились кандакоры из Истаравшана (в Верхней Матче – частично и из Ферганы), в Кштуте, Шинге, Магиане – из Ургута, Самарканда, Шахрисабза [117, С.108]. Несмотря на это важно, что в деха Верхнего Зарафшана сохранились замечательные образцы кандакори, представляющие примеры различных школ кандакори.

Дереобделочные работы велись во всех деха. Наряду со строительными и архитектурными деталями изготавливались и предметы домашнего обихода, которые отличались лаконичностью форм и сдержанным декором. К ним можно отнести сундук типовой форма со скупым орнаментом из деха Сор (№ 83-51).

Как известно, одним из главных объектов, которые подвергались изучению членами экспедиции, были очаги, камины. В данной коллекции были зафиксированы дымоход *мури* в деха Сор (№ 82-38), *танур* для выпечки лепешек внутри дома в деха Шинг (№ 83-105, 83-164) и тануры *тукуми* в деха Миндона (№ 83-136), домашний камин *касаба* в деха Дарг (№ 83-122).

К образцам лоскутного шитья и вышивального искусства относится лишь один образец сузани из деха Дарг, которое отличается особой оригинальностью композиции. Оно представляет собой три мехробрные ниши разного цвета в центре, которые обрамлены сверху квадратами в виде архитрава. Каймой служит широкая полоса с цветами в виде звезд внутри квадратов. Это пример креативного отношения к традиции.

Члены экспедиции фиксировали орудия и инструменты мастеров региона. Так, в коллекции представлен горизонтальный ткацкий станок из деха Паруд (№ 83-70), а также короб *согу* из известняка, который обычно изготавливали из дерева. Возможно, он служил общественной ступкой, которую видел известный этнолог Г.Г.Гульбин в Зарафшане. Такие изделия находились на улице, где-нибудь в стороне от дороги. Как сообщили исследователю в деха Хундехум, нередко такие ступки делались по обету. Если была ступка прикреплена к одному месту, то она обычно имела вид большого камня с выдолбленной в нем глубокой дырой, которая делалась при помощи инструмента *чок*, напоминавшего кирку. Подобные ступки могли сильно выступать над поверхностью земли, а иногда находились почти вровень с нею [140, С.110].

Фотоколлекция № 100 состоит из 90 снимков, сделанных в 1974 году в местах переселения ягнобцев и матчинцев. Экспедицией руководила известный специалист в этой области М.А.Хамиджанова. Поскольку перед этнографами в это время стояла задача показать совершенствование быта переселенцев на новом месте в орошаемых землях Голодной степи, все свое внимание этнографы сосредоточили именно на этой проблеме. В коллекции имеются снимки, отражающие нововведения в социальной жизни, быте населения.

Судя по фотоматериалам, экспедиция побывала в Зафарабаде, деха Кажровуд и Зуманд. Среди снимков, посвященных ремесленному производству, сохранилась лишь одна фотография, представляющая матчинку, идущую на свадьбу в национальном костюме в Матче (№ 100-88).

Фотоколлекция № 104 сохранила 90 фото, которые были сделаны А.К.Разыграевой в Верховьях Зарафшана в 1975 году. Как и предыдущая коллекция, она посвящена новведениям в социальной жизни и быту ягнобцев и матчинцев на новых землях. Этой проблемой занималась М.А.Хамиджанова, и, несомненно, коллекция была собрана во время одной из экспедиций под ее руководством.

Среди снимков есть несколько примеров, посвященных традиционным изделиям матчинцев и ягнобцев, которые они привезли с собой на новое место поселения. В деха Марзич сохранилась старая мечеть с айваном (№ 104-69) и ее скромное декоративное оформление резьбой по дереву и фигурной кирпичной кладкой (№ 104-48).

Дереводелочное дело представлено высокой деревянной маслобойкой из деха Марзич (№ 104-9). В употреблении жителей этого деха остался и деревянный плуг (№ 104-49). Совершенно удивителен по своей форме замечательный глиняный кувшин с крышкой, строгие формы которого украшены налепами из глины и насечками (№ 104-43).

К образцам изделий в технике *гулбурӣ* и вышивки относится *зардевори* из деха Марзич (№ 104-62) с мотивами цветов, среди которых читаются образцы тюльпана *лола*, звезд в виде равноконечного креста и розеток. Среди вышитых изделий имеются несколько фриз *зардевор* из деха Марзич (№ 104-1, 104-2), а также образцы *ойнакхалта* из деха Марзич и Дараи Ягноби (№ 104-34).

Этнографами были сделаны портрет мастера *чубкора*, стоящего около построенного им жилища в деха Марзич (№ 104-45), а также его инструментов для изготовления деревянных элементов зданий (№ 104-7). В деха Зуманд они сняли способ плетения мастерицей на узком станке тесьмы для осла.

Фотоколлекция № 110 состоит из 4 снимков и является результатом полевых исследований этнографов в Пенджикенте и Магиане в 1977 году. Сохранились фотографии, отражающие ремесленное производство населения, например, изделие для переработки зерна крупорушку *обчувоз* (№ 110-36). В коллекции представлены резные деревянные ворота в деха Магиан (№ 110-3а).

В целом с полевыми материалами разных видов, как и в других архивных собраниях, наблюдается следующая картина: было собрано много материалов разных видов, значительно меньше было архивировано, еще меньше было опубликовано и использовано [50, С.48].

1.3 Коллекция образцов ремесленного производства Верховьев Зарафшана в Этнографическом музее им. М.С.Андреева Института истории, археологии и этнографии им А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Национальная академия наук Таджикистана имеет разветвленную музейную сеть, в которую входят многочисленные мемориальные музеи, посвященные выдающимся деятелям культуры и науки, геологический музей и другие. Среди них два учреждения имеют художественный характер и пользуются наибольшей популярностью. Это Национальный музей древностей и Музей этнографии им. М.С.Андреева, которые находятся при Институте истории, археологии и этнологии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана (ИИАЭ НАНТ).

Вначале был образован Музей этнографии, который открылся в 1949 году при секторе истории Института истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР по инициативе члена-корреспондента АН СССР, выдающегося историка и этнографа Михаила Степановича Андреева, чье имя было впоследствии присвоено этому центру. Как самостоятельное подразделение он был открыт для публики только в сентябре 1981 года [57, С.259-261; 60, С.136-138].

Основой музея послужили две коллекции М.С.Андреева, которые он собрал во время экспедиций 1929 и 1943 годов в долине Хуф на Памире. Коллекция этнографического музея, одного из лучших в Центральной Азии, впоследствии систематически стала пополняться, благодаря проведению этнографического коллекционирования выдающимися этнологами А.К.Писарчик и Н.Н.Ершовым, М.А.Хамиджановой, З.А.Широковой, А.С.Давыдовым, И.М.Мухиддиновым, А.Мардоновой, Т.И.Мезурновой, Н.Бабаевой, Н.Р.Тошматовым и другими.

В настоящее время собрание музея насчитывает около 11 тысяч подлинных экспонатов, которые достаточно полно демонстрируют своеобразие культур различных регионов Таджикистана: Согда, Памира,

Хатлона и других районов страны. Они отражают традиционный быт таджиков, развитие народного искусства и ремесленного производства, также другие области этнокультуры таджиков и других народов, населяющих Таджикистан. В музее представлены разнообразные коллекции керамики, медных изделий, одежды, вышивки, ювелирных изделий, различных орудий производства и т.п.

Посетители могут познакомиться с такими видами творчества таджиков и других народов Таджикистана, как керамика *кулолгарӣ*; металлообработка *тунукасоzӣ*; кузнечное дело *охангарӣ*; художественная обработка дерева *кандакорӣ*; алебастровая лепка *гачкорӣ*; художественная роспись *расмкаши*; кожевенное производство *махсидӯzӣ*, *музадӯzӣ*; ювелирное дело *заргарӣ*; вышивка *гулдузӣ*, *сузанидӯzӣ*, *кашидадӯzӣ*, *зардӯzӣ*; ковроткачество *гилембофӣ* и валяние кошм *намаатбофӣ*; вязание *турбофӣ*; обработка шерсти *нашмресӣ*; изготовление музыкальных инструментов *даторсоzӣ*, *дойрасоzӣ*, *найсоzӣ*; роспись по рельефной поверхности *кундал* и многими другими ремеслами.

Многообразно в музее представлена коллекция народного костюма таджиков и других этнических групп конца XIX - начала XXI веков. Это праздничные костюмы и повседневные платья, обрядовые одеяния, головные уборы, поясные платки, обувь. Подобные материалы представляют широкую панораму различных комплексов одежды и позволяют рассматривать этнографический костюм в его эволюции.

Собрание Этнографического музея им. М.С.Андреева служит базой для проведения широких научных изысканий. В советский период известным специалистом З.А.Широковой был опубликован каталог «Этнографические коллекции Института истории» [173], ею и Н.Н.Ершовым был издан «Альбом одежды таджиков», а А.К.Писарчик – «Альбом прикладного искусства таджиков» [137; 89]. Также были выпущены комплекты открыток. Коллекции и фонды музея постоянно изучаются специалистами, которые публикуют многочисленные монографии, альбомы и другого рода издания,

выпускаемые Институтом истории, археологии, этнологии им. А.Дониша, а также зарубежными издательствами [128].

Музей этнографии часто принимает участие в различных республиканских и зарубежных выставках. За время его существования было организовано множество выставок, из которых пятьдесят – за рубежом. За последние годы экспонаты музея были представлены в Германии, Японии, Австралии и других странах.

После обретения Таджикистаном политической независимости значительно расширились формы музейной работы, увеличилось количество научных, научно-методических публикаций, монографий и альбомов, шире проводятся научно-массовые работы, организуются многочисленные научно-практические конференции, семинары, тренинги и конкурсы с участием местных и зарубежных специалистов.

В настоящее время Этнографический музей им. М.С.Андреева обладает великолепной коллекцией образцов народного творчества Верховьев Зарафшана, которые частично представлены в альбоме, посвященном народному творчеству Зарафшана [129]. Другие экспонаты музея пока не стали предметом научного анализа, но они в полной мере отражают весь набор ремесел таджиков. Среди них керамика, обработка дерева, кожи, камня, металла, ювелирное дело, ткачество (текстиль и ковры), игрушки, орнаментальная роспись, музыкальные инструменты, вязание, вышивка, лоскутное шитье и др. [52, С.140-145].

Особое внимание привлекают гончарные изделия Ягноба середины XX века. Лепные, чаще небольшого размера, сосуды отличаются лаконизмом, монументальностью и простотой. Их поверхность практически не декорирована, лишь изредка на ней появляются небольшие отверстия или же вдавленный рисунок в виде печати. Таким же своеобразием отличается деревянная посуда Ягноба. Она незамысловата, но весьма функциональна. К подобным примерам можно отнести небольшую маслобойку *майдахак согу*, выполненную из единого деревянного обруча, закрепленную небольшими

вставками и охватывающую круглое плоское дно. Среди предметов домашнего обихода привлекает внимание сундучок для хранения чая. Его верхняя поверхность декорирована геометрическими рисунками в виде треугольников и стреловидных форм.

Такое же декоративное решение имеет и деревянный сундучок, который по периметру украшен выбитыми на поверхности кружками, точками и зигзагами. Поверхность ягнобских экспонатов музея практически всегда оставалась неоформленной, без орнаментального украшения. По своей форме и орнаментальному решению сундучки очень напоминают изделия *табанг* другого горного края Таджикистана – Бадахшана. Они также имеют круглую или прямоугольную форму и подобную же орнаментацию.

Чрезвычайно необычен халат *чома*, выполненный в технике *гулбурӣ* лоскутного шитья из деха Гезани Поён 1959 года, который был описан З.А.Широковой в книге «Материальная культура таджиков Зеравшана» [117, С.98]. Он своеобразен тем, что лоскуты различных тканей здесь настроены на одежду в виде широких горизонтальных полос различного цвета. До сих пор широко распространено в Верховьях Зарафшана и вязание *тор*, которое украшает в виде тесьмы различные изделия или же является самостоятельным изделием в виде салфеток, дорожек и т.п.

Домотканая белая мужская рубашка из Ягноба интересна как пример местного ткачества середины XX века. Она имеет оторочку из черной материи вокруг горловины и вставки по бокам, выкроенными вместе с рукавами. Наиболее интересным образцом этого типа изделий является передник для девочки из деха Палдорак 1958 года. Он был описан и воспроизведен известным специалистом по одежде таджиков З.А.Широковой в книге «Материальная культура таджиков Зарафшана» [117, С.89]. Передник из красной материи одевали перед приемом пищи, чтобы девочка не испачкала платье. У ворота изделия нашиты четыре белые пуговицы, чуть ниже – несколько оберегов в виде зубов волка, медведя, бус, отдельных украшений (всего 9 подвесок).

Музей этнографии располагает обширной и уникальной коллекцией ювелирного искусства. Разнообразны по форме ожерелья *тавқ* и *хайкал*, включающие в свою композицию монеты царского и советского чекана. Они могут быть двухрядными и состоять из одной короткой верхней и нижней длинной нити, или же иметь одну нить со вставками из камней (кораллы, полудрагоценные камни). Немало в коллекции нагосных украшений *заркокул*, также составленных из монет царского чекана России в виде четырех полос монетного ряда.

Среди образцов ювелирного искусства выделяются изделия Пенджикента из серебра и золота. К ним относится девичий пояс, составленный из различных вставок, а также браслеты *дастпона*: широкий ажурный из серебра, золотой – со вставками из бирюзы, золотые серьги *ҳалқаи газали* и многие другие изделия.

Особый раздел составляют подвески с туалетными принадлежностями, своеобразные наборы с зубочистками, скребком для языка, ногтечисткой, расческой для бровей, флаконами с благовониями, щипцами, ухверткой. Один из таких косметических наборов был изготовлен в Пенджикенте в конце XIX века из серебра. Он прикреплен к прямоугольной подвеске и оформлен кораллами, бирюзой и другими полудрагоценными камнями. Интересно пенджикентское налобно-височное украшение *силсила* начала XX в., которое состоит из пластинок, декорированных цветами из кораллов и бирюзы, и спускающимися вниз круглыми и каплевидными пластинками, также украшенными бирюзой.

Среди образцов ювелирного искусства *заргари* можно найти различного рода амулеты (*тумор*, парные амулеты *коштумор*, *бозубанд*). Форма талисмана *чавак* представляет собой матерчатый элемент в виде треугольника или квадрата, чаще красного цвета, в которое вложена молитва. От него спускаются на бисерных лапках многочисленные небольшие треугольники *тумор*.

Кожаные изделия из собрания музея своеобразны и весьма

функциональны. К ним, например, относятся охотничий пояс середины XX века, к которому прикреплены различные охотничьи принадлежности. В путешествие брали пиалу, для которой специально изготавливали футляр *торкаши пиёла*. В каждой семье непременно была скатерть *сурфа* из тонко обработанной шкуры овцы или же коровы, на которой раскатывали тесто. В коллекции музея сохранены многочисленные образцы кожаной обуви для всех возрастов, например, детские сапоги *чоруки бачагона* из Айни 1960 года, мужские рабочие сапоги *чорук* из деха Зосун 1958 года. Здесь также хранятся женские туфли кустарной работы из Пенджикента, которые украшены вставками из кожи различного цвета.

Главными центрами керамических изделий, выполненных на гончарном круге в середине XX века в крае, являлись Урметан и Айни. Среди них можно найти рукомойники *даштиу*, плевательницы *ностуфкун*, кувшины *офтоба*, простые сосуды *дулча*, или с двумя ручками *дугуша*. Некоторые изделия полностью расписаны глазурью, иногда облиты красками поверхности хумов, сосудов, маслобоек. Некоторые изделия лишь частично облиты глазурью зеленого или коричневого цвета, что придает им особую живописность.

В Верховьях Зарафшана изготавливали немало деревянной посуды: миски *табақи чубин*, различные чаши *косаи гури заранг*, *косаи чубин*, *косаи чумок*, ложки и другие предметы домашнего обихода, которые были широко распространены в быту зарафшанцев. Среди них деревянные ножи, которые использовали в процессе ткачества, различные шкатулки и корзины. Особый интерес вызывают музыкальные инструменты: рубоб, *сози нафасии буқ* (буғи осие) и другие.

Верховья Зарафшана славятся своими бронзовыми и медными изделиями. В музее сохранились образцы кувшинов *офтоба* конца XIX-XX веков, которые производили в форме миндаля *офтоба бодомча*, а также самовары. Здесь также имеются ножны с чеканным узором первой половины XX века, секира с чеканкой конца XIX века, кожаный футляр для ножа с

чеканкой и вставкой из сердолика начала XX века. Среди косметических принадлежностей женщины Зарафшана использовали бронзовый флакон *сурмадон* для хранения сурьмы.

Ткачество было основным занятием женщин, которые производили из шерсти различные войлочные ковры *гилем*, *шол*, *намат*, переметные сумки *хурчин*, скатерти *дастархан*, сумки для ложек *қошуқдон* и соли *намакдон*, а также канаты *ресмон* и даже амулеты, чаще всего треугольной формы. Подобные экспонаты конца XIX-XX веков во множестве представлены в музее этнографии. Они привлекают необычным дизайнерским решением, смелыми красочными сочетаниями.

Широчайший ассортимент вышитых изделий *гулдузӣ* Верховьев Зарафшана представлен в фондах музея. Они являются классическими образцами женского ремесленного производства, которым порою нет равных среди известных образцов. Это, прежде всего, различного рода изделия разнообразных декоративных решений конца XIX-XXI веков: покрывала; настенные ковры *сузанӣ*; простыни для новобрачных *руиҷо*; покрывала на приданое невесты *борпуш* и на колыбель *гаҳворапуш*; молитвенный ковер *ҷойнамос*; фриз для верхней части стен дома *зардевор* и другие. Лоскутное шитье *гулбури* (*қуроқ*) использовалось мастерицами Зарафшана для украшения занавеси для новобрачных *чодар*, подушек, ухваток *гушагир*, покрывала над очагом *сандалипуш*, различных мешочков *халта* для гребней, ложек, чая, соли и других мелких вещей.

Особое место занимают в коллекции накосники. *Чочпунак* или просто *чоч* – это длинные, сплетенные из черных нитей ансамбли, украшенные внизу серебряными вставками и кистями. Более сложными по конструкции являются накосники для невесты *кокул*, которые крепятся на тюбетейку. Нередко основная их часть представлена в виде длинных косичек, сплетённых из черных нитей, которые украшены поперечными горизонтальными вставками в виде бусин, серебряных пластин, полос золотого шитья *зардузӣ*. Особое внимание привлекает накосное украшение

чоч *попуки нукра*, которое было изготовлено в Пенджикенте в конце XIX века. Оно представляет собой длинные узкие полосы черной ткани, скрепленные наверху единой широкой матерчатой пластиной. Внизу *чоч* украшен изящными серебряными вставками и кораллами, оканчивающимися кистями *пупаками*. В коллекции музея немало деталей украшения накольников, например, *пешовез* в виде вставок из серебряных украшений, связанных друг с другом кистями *пупаками*.

Научное изучение коллекций Верховьев Зарафшана Этнографического музея ИИАЭ НАНТ предполагает в первую очередь объединение усилий специалистов разных областей (археологов, историков, искусствоведов, этнографов и др.), что позволяет разрабатывать новые приоритетные направления по изучению, сохранению, использованию его историко-культурного наследия, а также привлекать данный материал в культурно-просветительских и образовательных целях.

Резюмируя материал, изложенный в данной главе, можно сделать ряд выводов:

1. Выдающимися этнографами Таджикистана XX века была подготовлена обширная база данных по ремесленному производству и промыслам Верховьев Зарафшана, которая базируется на материалах этнографических экспедиций и частично на их научных публикациях по изучаемой проблеме.

2. Изучение полевых материалов – текстовых документов и фотоколлекций этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана позволяет выявить новые ценные данные по ремесленному производству Верховьев Зарафшана, большая часть которых еще не введена в научный оборот.

3. Изыскания, проведенные в Этнографическом музее им. М.С.Андреева Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана с целью выявления выдающихся экспонатов

народного искусства, позволили прийти к выводу, что большая их часть мало знакома исследователям и требует детального их изучения.

4. Памятники народного искусства в Этнографическом музее им. М.С.Андреева – источник художественных образов и форм для современных мастеров кисти и резца, дизайнеров, деятелей кино и телевидения, которые могут их вдохновить на создание живописных и скульптурных произведений различного жанра, а также модных коллекций, кинофильмов и т. д.

5. В целом весь собранный диссертантом научный материал и образцы визуальной культуры Верховьев Зарафшана в Этнографическом музее и этнографическом архиве позволяет провести исследование ремесленного производства Верховьев Зарафшана в широком аспекте на основе еще не введенных в научный оборот текстовых документов и фотоколлекций.

ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС РЕМЕСЛЕННИКА В ВЕРХНЕМ ЗАРАФШАНЕ В XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ.

2.1 Статус кузнеца, чугунолитейщика, мастера по обработке кожи, сапожника, ткача, ковродела, шерстобита в городском и сельском социумах Верховьев Зарафшана

Ремесленное производство Верховьев Зарафшана – одно из ярких проявлений особенностей этнокультуры таджиков. Оно включает в себя различные отрасли, направленные на создание изделий с утилитарными и художественными функциями, предназначенные для практического применения в повседневной жизни. Ассортимент изделий ремесел и промыслов региона весьма широк, и включает в себя многообразные виды ремесел. Отдельные области народного искусства, такие как ткачество, ювелирное дело, керамика, резьба по кости появляются уже в эпоху энеолита, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки в регионе и прежде всего памятники Саразма (IV-VI тыс. до н.э.) [21, Ед.хр. № 15. Л.59].

В горных регионах, как правило, отдельные профессиональные дома, цехи *қасаба*, клубы, места для мастеров *устоён* никогда не существовали, поскольку отсутствовало необходимое число ремесленников. Здесь издревле существовало недифференцированное ремесло. Каждый мастер имел несколько специальностей и был своего рода универсалом. В связи с этим ремесленные союзы и кварталы ремесленников в Верховьях Зарафшана существовали не везде. Исключение составляют г.Пенджикент и такие большие поселения, как Магиан, Урметан, Рарз, Мадрукашт [125, С.51-53]. Подобные организации сохранялись в среднеазиатских ханствах вплоть до 1921 г. и, в зависимости от конкретных историко-экономических условий, находились на различных ступенях развития, от самых примитивных форм до развитых городских ремесленных организаций, имевших сходство с западноевропейскими цехами [152, С.61].

Н.А.Кирпичников указывал: «Обыкновенно в мастерской работают два человека – сам мастер и наемный подмастерье, чаще ученик. Встречаются также мастерские с двумя учениками или с наемным рабочим и учеником. Ученики чаще всего члены семьи столяра, хотя принимаются также и посторонние. Причем жалованья они не получают, а пользуются только хозяйскими харчами и редко одеждой» [107, С.110-162].

Учеников брали обычно в возрасте 13-14 лет и в обучении они находились 6-8 лет. Официальным покровителем ремесла (*пир*) везде считался святой Давид, от которого, согласно легенде, мастерство перешло к остальным людям. Обучавший ученика мастер также был для него пиром и о самом поступлении в обучение, например, в Дарвазе и Каратегине, так и говорилось: «*Дасти пир гирифтан*» – «Взяться за руку пира». За время обучения ученик усваивал весь ритуал, связанный с почитанием мастерской и культом *арвохи-пирон* (духов предков – покровителей ремесла) [135, С.48-52].

Широко известно, что всякие собрания ремесленников проходили в пятницу, когда и проводилась церемония посвящения в мастера. Все приглашенные члены цеха, помимо подмастерья, прямо из мечети, после утреннего намаза, шли в дом будущего мастера, где их ждало угощение. После приема пищи цеховой старшина или кто-нибудь из членов цеха совершал обряд подпоясывания *камарбасте*, *қамарбандон*, что означало официальное посвящение шогирда в мастера.

В горных селениях обряд посвящения в мастера, *қамарбандон* исполняется лишь частично. Традиционно эта церемония означала окончание срока обучения ученика *шогирда*, где его подпоясывали платком *қамарбандом*. Наставник *усто* благославлял *фотиҳа додан* молодого специалиста и вручал ему орудие труда. В честь мастера устраивали угощение, на которое приглашались все члены цеха и родственники. Этот обычай также соблюдался и в больших селениях горного Зарафшана.

За неимением собственной школы ремесла, а также искусных мастеров

сельчане до настоящего времени заказывают те или иные изделия в других центрах Зарафшана. Поэтому многие ремесленники из горных селений проходили и проходят обучение не в самом деха, а в других ремесленных центрах региона. По окончании обучения проводили важный ритуал *қамарбандон* и возвращались в родное селение. В селении существовала и практика приглашения мастеров для работы из других центров, которые могли обучать ремеслу жителей деха [117, С.26].

Какие-то аспекты обрядовой церемонии *қамарбандон* в горных деха сохраняются и проводятся до сегодняшнего дня. На местном уровне обучение ремеслу также передается по системе мастер *усто* – ученик *шогирд*, но в основном от деда к отцу, от отца к сыну. Церемония завершается только благословением наставника, который дает свое разрешение *устои ичозат* на занятие промыслом [74, С.68].

Как отмечал И.И.Зарубин, из социальных пережитков в Верхнем Зарафшане в 1926 г. сохранились общинные способы вознаграждения кузнеца, мельника и цирульника [92, С.351-360]. Ремесленники обслуживали своих односельчан безвозмездно, а они в свою очередь оказывали им любое содействие при исполнении любых работ методом коллективной помощи *ҳашара* [92, С.354].

А.А.Семенов писал, что зима была обычным временем для тканья, поскольку жители были свободны от полевых работ. Он также отмечал, что помимо молока, масла, сметаны скот доставлял таджику шерсть для производства грубой ткани, зимних чалм, халатов, чулок и т.д., а также овчины и кожи для постелей, одежды и обуви.

Благодаря обнаруженным архивным документам А.С.Давыдова мы располагаем сейчас интересными документами о ремесленниках Верхнего Зарафшана XX века. Он указывал, что ремесло не могло обеспечить мастерам – плотникам, столярам необходимого заработка и служило подсобным занятием к основному – сельскому хозяйству [117, С.29], т.к. приходилось конкурировать с фабричной дешевой бытовой продукцией. Уже в 1966 г., по

информации А.С.Давыдова, народных мастеров по строительству насчитывалось только 67 человек, что было явно недостаточно для региона [117, С.26].

Ремесленное производство в Зарафшане, как в целом и по Таджикистану, носит преимущественно кустарный (надомный) характер, а умения и навыки передаются в семье из поколения в поколение. В настоящее время в эту деятельность чаще вовлекаются молодые женщины, которые надеются получить за свои изделия дополнительный доход в семейный бюджет.

Город Пенджикент, возникший в середине XVIII века, имел разветвленную ремесленную сеть, где в 70-е годы XIX века насчитывалось 70 ремесленных мастерских, в которых были заняты производством 107 человек.

В отличие от таких городов как Ходжент, Канибадам и Исфара, для подавляющей части ремесленников Пенджикента сочетание ремесла с садоводством и полеводством было правилом. В этой связи ремесленников можно разделить на три категории. Те, кто не производил продукции, а был связан с загородными садами, мастера, для которых участки были важным подспорьем в собственном хозяйстве и те, для которых загородные угодья были товарным хозяйством, а ремесло являлось занятием только зимним.

Домашнюю промышленность в Северном Таджикистане называли *касби худ бар худ* (сам по себе). Сельские ремесленники, работавшие по заказу, назывались *хунармади нуг* (получающий долю), а оплата их труда означала *нуг*. Кузнецы, сапожники, плотники и брадобрееи содержались общиной земледельцев сообща. Их вознаграждал каждый земледелец. Такая оплата называлась *кафсан*.

Подобная форма ремесла существовала в следующих видах работ: обработка кожи, дерева, пищевая отрасль, сапожничество, подготовка бумажного волокна, ковроделие. Из них два последних вида являлись женским промыслом, а мужским – все остальные. Разделение труда

существовало по полу возрастному цензу [164, С.: 240, 252, 264].

Кузнец (*оҳангар*) и **чугунолитейщик** (*рехтагари оҳан*) представляли одно из самых важных видов ремесла в Верховьях Зарафшана, поскольку оно позволяло изготавливать не только разнообразные предметы домашнего обихода, но и обеспечивать орудиями труда другие сферы хозяйства: аграрное, строительство и т.д.

В ремесленном производстве с начала каменного века ведущее место занимала обработка металла. Памятники Саразма свидетельствуют о том, что литье бронзы *рехтагари* составляло здесь самостоятельную и весьма развитую отрасль. В силу особенностей производства кузнечное дело никогда не существовало в форме домашнего производства, т.е. промысла, ограниченного потреблением в рамках отдельных хозяйств. В 1877 г. в Пенджикенте было 8 кузниц: две – чугунолитейные мастерские, одна – по ковке медных изделий, две – другие были заняты пиротехникой [164, С.241].

К середине XVIII в. производство художественного металла в Согде и в частности в Пенджикенте достигает своего наивысшего расцвета. Особое место занимала чеканка *сикказанӣ*, *зарб задани*, *парчинкунӣ*, чеканка монет *сикказаниши танга*, чеканка заклепочных швов *парчинкуниши пайвандичизе*, золотая чеканка *кандакориши заркубӣ*. Глубокая гравировка *кандакори*, плоская *чизма*, прорезная чеканка *шабака* выполнялась особым зубилом, каламом, молотком и напильниками ранда и мискал. Другие методы нанесения узора представляли собой тиснение посредством деревянных форм и гравировки.

Чеканка по металлу была сконцентрирована исключительно в городах и прежде всего в Пенджикенте. Ею декорировали всевозможного вида изделия: чаши, сосуды для воды *кумганы*, кувшины с коротким *чойпуш*, куза и длинным носиком *офтоба*, подносы *лаъли*, шкатулки, светильники *чарог*, рукомойники *дасташуи*, люстры *кандил*, сосуды для курения *табакачили*м, жаровни *манкалдон*, пластинки для дверей *пулакча*. В особую отрасль

выделилось производство колокольцев и бубенцов, которое требовало сложной технологии бронзового литья.

Еще в середине XIX века в Верхнем Зарафшане в силу особенностей кузнечного дела мастеров было мало, и иногда на десятки деха приходился лишь один кузнец. Так, кузнец из деха Рарз обслуживал весь район Фалгара. В силу этих обстоятельств население привозило металлические изделия из городов, а свои местные мастера обеспечивали в основном ремонт изделий.

После присоединения Центральной Азии к России многие жители стали ходить в города обучаться кузнечному делу и организовывать у себя этот промысел. Благодаря этому, к концу XIX - началу XX веков, почти в каждом поселении появились мастера, например: в деха Рог, Настигав, Рарз, Урметане и т.д. [21, Ед.хр. № 15. Л.35].

В районах Верхнего Зарафшана из-за рельефа местности невозможно широкое применение сельскохозяйственных машин. Напротив, роль старых ручных орудий труда в обработке земли велика и они по-прежнему, в основном, изготавливаются кузнецами. Замкнутость горного сельского района, по сравнению с равнинным, до сих пор способствует сохранению в быту населения традиционных орудий труда, изготавливаемых местными кузнецами. Это обстоятельство делает весьма значимым кузнечный промысел в системе хозяйства.

Кузнецы в Верховьях Зарафшана занимались своим ремеслом круглый год, а имеющиеся у них сельские угодия обрабатывались членами их семей. Со временем они пополняли ассортимент своих изделий. Например, кирка, являющаяся главным орудием возделывания земли, раньше изготавливалась очень маленьких размеров и без отверстия для вставки рукоятки. Она делалась дугообразной формы с заостренным концом. Из-за отсутствия отверстия для ручки такая кирка лишь одной стороной вбивалась в палку, служащей ручкой [21, Ед.хр. № 15. Л.36].

По сообщению А.С.Давыдова, основными изделиями мастеров Верхнего

Зарафшана были (остаются и сейчас) следующие изделия: топор *табар*, топор с согнутым лезвием *теша*, серп *дос*, кирка для обработки земли *чок* или *метин*, ножницы для стрижки овец и коз *кайчи* *молтароши*, нож *корд*, лопата *оханбе*, щипцы для углей *оташигирак*, дверная цепочка *занциру зулфин* и другие предметы. Некоторые образцы, требующие большого мастерства, изготавливаются только опытными мастерами, как, например, нож *пойтеша* – топор с согнутым лезвием больших размеров, применяемый мастерами строителями для обчистки и стругания бревен и т.д. Чаще такие изделия население привозило из городов. В советское время колхоз или отдельные организации, иногда и сами заказчики выдавали мастеру материал, привозили железо, чаще сталь [21, Ед.хр. № 15. Л.37]. В настоящее время доставка материала особых затруднений не представляет.

Мастерская *корхона* кузнецов, ее принадлежности и инструменты ничем не отличались от таких же мастерских в городах Верхнего Зарафшана. Более того ее конструкция сохранилась до сих пор в разных деха. Вот как А.С.Давыдов описывал ее в советское время. Под рабочее место 4-5 м в длину с сырцовыми (раньше каменными) стенами отводилась часть мастерской, расположенная у входа, и в этом случае открытая дверь являлась основным источником освещения. Перекрытие крыши было чаще двойным с центральным прогоном посередине. Напротив входа, у стены располагался горн с мехом. Перед горном, ближе к двери, был вкопан в землю деревянный чурбан, который выступал на 60-70 см. Посередине него стояла наковальня. С двух сторон деревянного чурбана были сделаны небольшие углубления, в которых кузнец или его ученик *шогирд* стояли во время работы. Все инструменты мастера делали сами. Топливом служил древесный уголь [21, Ед.хр. № 15. Л.38].

История чугунолитейного дела в Верхнем Зарафшане, как признается А.С.Давыдов, не была выяснена в советское время [21, Ед.хр. № 15. Л.39]. В селения региона часто приходили мастера-литейщики из Каратегина и других мест. В деха Магиан до революции было несколько мастеров,

обладающих квалификацией литейщиков, однако, по свидетельству информантов, тогда в кишлаке не было организовано кузнечное дело и мастера работали в основном в городах. Поэтому местное население выезжало в города Самарканд, Ургут, долину Ферганы, чтобы заказать подобные работы.

А.С.Давыдов считает, что «существование этого промысла в отдельных кишлаках не играло никакой роли для всего района, распространение его изделий ограничивалось населением кишлака, в котором оно существовало» [21, Ед.хр. № 15. Л.39]. Даже в городе Пенджикенте, по-видимому, мастера работали только на население самого города и близ лежащих деха. А о чугунолитейном деле, существовавшем в некоторых вышеназванных деха Матчи, никаких сведений ему собрать не удалось [21, Ед.хр. № 15. Л.36].

С середины XX века, как указывал А.С.Давыдов, чугунолитейное дело существовало в г.Пенджикенте и деха Магиан. В городе оно было представлено отдельным цехом в системе промкомбината, а во втором – мастерской в колхозе «Коммунизм». Их оборудование было исключительно современным по тем временам. Эти литейные центры обязаны были обеспечивать сельскохозяйственные районы региона наконечниками сохи *амача* для пахоты [21, Ед.хр. № 15. Л.38].

По свидетельству потомственного мастера усто Раззока, в начале XIX века его дед усто Шариф переехал из Шахрисабза в Пенджикент, где стал заниматься литейным делом. На рубеже XIX-XX веков в городе работали уже три мастера-литейщика, которые изготавливали в основном котлы. Этнографическая экспедиция, в которой участвовал А.С.Давыдов, собрала также сведения о том, что в деха Рог и Парз также существовали подобные мастерские, но их производство прекратилось впервые годы после присоединения района к России. Однако, в начале 30-х годов в ряде деха Матчи (Полдарак, Рог, Мадрушкат) было налажено отливание лемехов [21, Ед.хр. № 15. Л.37].

Однако, уже к концу XIX века местные литейщики не производили

большие изделия, ибо они в массовом количестве стали ввозиться из России. Продолжало существовать только производство лемехов и принадлежностей водяных мельниц. Напрмиер, в деха Рог и Рарз отливались только лемеха.

Мастера-литейщики были заняты производством только три весенних месяца в году (март-май). Остальное время года, когда не было у населения потребности в их работе, они уделяли внимание сельскому хозяйству. Работали литейщики на материале заказчика, в основном на металлоломе, который он сам и приносил. За сезон мастера занимались процедурой отливки изделий 3-4 раза, с перерывами в 20-25 дней между каждой процедурой. За это время они при помощи членов семьи готовили из песка формы для отливки. В день литья 20-25 человек приходили оказать помощь *хашар* и за свою работу брали по два лемеха [21, Ед.хр. № 15. Л.38].

Как и везде, в советское время по мере распространения машинного производства промышленных товаров и механизации сельского хозяйства, этот промысел стал терять свое прежнее значение. В настоящее время роль и значение кузнечного ремесла в быту городского населения сведены на нет, хотя и сократилась его значимость в сельских районах, но до сих пор изделия остаются востребованными. Чем выше уровень механизации в том или ином деха, тем менее значительна роль кузнечного дела и наоборот.

Опросные сведения, которые получил А.С.Давыдов во время этнографических экспедиций 60-70-х гг. XX века, позволили ему проследить значительные изменения и модернизацию традиционного ремесла «в составе оборудования, инструментов и принадлежностей, а также в приемах и технике работы кузнецов Верхнего Зеравшана». Так, он отмечал, что из важнейших новшеств в кузнечном деле было появление меха фабричного изготовления, называемого *дами уруси*.

Распространение этого меха по всему Верхнему Зарафшану произошло не одновременно. Сначала он появился в «нижних» крупных деха приблизительно к концу 30-х годов XX века. В связи с этим сузилось использование традиционного самодельного местного меха *дами саночи*.

Последний в сравнении с фабричными изделиями было трудно раздуть, для этого требовался специальный навык, к тому же он был маломощным [21, Ед.хр. № 15. Л.38].

Во второй половине XX века стал применяться и электроточильный станок, но в большинстве мест был широко распространен точильный станок, приводимый во вращательное движение при помощи природного ремня другим человеком. Появился ряд новых инструментов и принадлежностей, усовершенствовались приемы и техника работы и т.д. Как рассказывал А.С.Давыдову потомственный кузнец Хамид Курбанов из деха Рарз, его дед не знал этого станка и точил свои изделия на камне.

Станок, как и напильник, в Верхнем Зарафшане появился в конце XIX-начале XX веков. Взамен маломощных и несовершенных тисков старого ручного изготовления литейщики стали использовать новые заводские тиски, и именно поэтому количество мастеров несколько сократилось. В отдельных деха работал лишь один мастер, поэтому в некоторых деха кузнечное ремесло вообще перестало существовать [21, Ед.хр. № 15. Л.34].

Когда-то широко распространенное кузнечное дело в Зарафшане ныне обрело формы узкого домашнего промысла. Например, ранее в Пенджикенте работали 22 мастерские, а ныне здесь функционирует одна корхона Абдурахмона Бакоева (1936 г.р.). В сельской местности ремесло кузнеца традиционно более востребовано, а сам мастер пользуется большим уважением. Так, в селении Рукнобод джамоата Вору потомственный мастер Ахмад Умаров (1964 г.р.), представитель известной династии кузнецов, занимается в дедовской мастерской с 11 лет. Он изготавливает более пятидесяти видов изделий и имеет собственное клеймо «мӯҳри устоАхмадшоҳ».

В селения Гусара джамоата Лоик Шерали, братья Бахриддин, Наби, Маъруф, Сабур, Фармон, Фахриддин Назаровы продолжают дело своего отца потомственного мастера усто Шарофа (род. 1919 г.). Некоторые из них имеют свои мастерские, но все работают исключительно по заказу. В деха

Сохибназар джамоата Саразм большим спросом пользуются изделия Улмаса Ерматова, а в селении Шурнова продолжают дело своего отца, жестянщика Саъдуллоева Турсункула его сыновья, которые изготавливают некоторые виды хозяйственных предметов: ведра *сатил*, чайники *чойник*, тазы *тагора* из готовых жестяных листов [180].

Многие инструменты, изобретенные в древности, сохранились в Вору и в наши дни, а главными из них остаются те, что используются для возделывания земли. Как и раньше, они включают в себя деревянную соху *омоч*, *умоч*, с железным наконечником мотыгу *каланд*, борону *мола*, деревянную лопату *бели чубин*, серп *дост*, вилы *панчшох*, тесло – кирку *дусара*, *зогнули* различные приспособления для перевозки и переноски урожая. Пахотные орудия таджиков были довольно примитивны, однако хорошо приспособлены к местным условиям и не требовали больших затрат на их изготовление [91, С.34; 72, № 6, С.109-113].

Таджикскими этнографами Л.Додхудоевой и Т.Ашурмадовой был опрошен пахарь *чуфтрон*, *чуфтгар* Мирзоев Искандар (род. 1954 г.) из деха Вору, который до сих пор использует архаичный тип сохи *амоч*, *омоч*, *умоч*, распространенный во многих горных районах страны. Он рассказал, что использует только детали *омоча*, который делает местный кузнец в деха Вору [74, С.77].

Как правило, в высокогорных селениях располагалась одна кузница, что справедливо и для деха Вору, где работает потомственный кузнец *оҳангар* Султонали Довутов (род. 1952 г.). В его роду три поколения занимались этим промыслом и сейчас ему обучаются его дети. Как правило, местные *оҳангары* владеют в основном свободной ручной ковкой, одним из экономичных способов получения заготовок деталей, известным как древний способ обработки металла еще с IV тыс. до н.э. Набор инструментов мастера состоит из ручника, кувалды и молота. Свой горн, напоминающий по конструкции традиционную печь для выпечки лепешек (тадж. *танӯр*) С.Довутов называет по-согдийски *қура*.

В основном местный кузнец производит неприхотливой формы инструменты, детали сельскохозяйственных орудий, дверей, подковы, топоры *табар*, топоры с согнутым лезвием *теша*, серп *дос*, кирку *чок*, *метин*, кетмени, ножи и другие изделия, лишенные какого-либо декора. Своим обликом они в некоторой степени напоминают металлические артефакты, найденные в Саразме. Кроме керамических очагов в Верхнем Зарафшане готовят железные очаги для приготовления пищи, например, треножник *сепоя* в виде обруча, установленного на трех ножках. В Матче, Фане и Фальгаре иногда такой треножник ставят внутри традиционного универсального очага, а на него – котел.

Несмотря на обилие заводских изделий в магазинах деха Вору существует большой спрос на его простые и незатейливые изделия. Эту ситуацию сам мастер объясняет тем, что готовые заводские инструменты менее прочны, чем его изделия. Словом, местный кузнец почти полностью удовлетворяет потребность населения в хозяйственно-бытовом инвентаре [83, С.165-181].

Крупнейшими центрами ювелирного искусства Зарафшана в XIV-XVIII вв. были Бухара, Самарканд, Пенджикент. Местные мастера владели такими техниками обработки золота, серебра, меди и бронзы, как литье,ковка, чеканка, тиснение, чернь, ажурная и накладная филигрань, эмаль, скань, зернь, просечная резьба, гравировка, перегородчатая инкрустация, штамповка и позолота.

Сегодня в центре Пенджикента в махалле Дарвозаи Бухоро функционируют два ювелирных дукона, принадлежащих заргарам Джахонгиру Шафиеву (1983 г.р.) и Умеджону Шамсиддинову. Первый мастер имеет также свое малое предприятие «Заргар», где обучает этому ремеслу четырех учени-ков *шогирдов*. Вместе они изготавливают как традиционные национальные изделия, так и современные ювелирные украшения [180, С.187]. Традиционной техникой остается и бисероплетение, которое в основном представлено в виде сетчатого нанизывания. Орнаменты

бисерных украшений перекликаются с узорами вышивок и тканых изделий, о чем свидетельствуют изделия мастерицы Муниры Шахмаевой из деха Нофин, которая изготавливает ожерелья *гардихазина*, различного рода сумочки, нашейные украшения и браслеты [127, С.92].

Мастера по обработке кожи.

Ещё в древности население Заравшанской долины занималось выделкой кожи и обработкой шкур, из которых изготавливали одежду, обувь, предметы бытового назначения: нитки, сумки, пояса, мешки для перевозки жидкости, разного рода шкатулки, сосуды для хранения мяса, молочных продуктов и др.

Кожевенное производство Зарафшана V-VIII вв. известно не только по археологическим находкам, но и сведениям, содержащимся в документах архива с горы Муг VII-VIII вв. В них упоминается селение Мадрушкат, где был зафиксирован весь процесс производства изделий из кожи, в частности ее вымочка в специальных бассейнах. Среди находок на горе Муг имелись образцы и дорогих изделий из кожи: крышки корзин и шкатулок, обтянутые тонкой кожей вишневого и черного цвета; сапог с невысоким голенищем. В Верховьях Зарафшана выделяли пергамент отличного качества, о чем свидетельствуют образцы документов на согдийском языке из архива на горе Муг, написанные черной тушью на пергаменте.

О развитии здесь особого искусства росписи на коже свидетельствует церемониальный щит с красочным изображением вооруженного всадника, который воспроизведен на пергаменте, натянутом на деревянный каркас. В пещере горы Кухи Сурх Айнинского района вместе с деревянной статуей Митры (V-VI вв.) был найден сапог (высота голенища 34,5 см), сшитый из двух кусков темно-коричневой кожи и виртуозно украшенный тиснением.

Выделку кожи в Зарафшане производили только сельские ремесленники, которую приобретали городские мастера для изготовления сапог, кафши, чувяки, чоруки, а также для починки обуви. В 1877 г. в Пенджикенте обработкой кожи были заняты 15 человек [164, С.241].

А.С.Давыдов в разделе «Сапожничество», достаточно подробно рассмотрел деятельность мастеров по выделке кожи *устодони пуст*, почти не подвергавшейся до него изучению. По его мнению, сапожное дело прошло путь от домашнего промысла, когда в каждом хозяйстве сами не только шили обувь, но и изготавливали материал для нее, до ремесла, когда изготовление обуви стало занятием профессионалов [21, Ед.хр. № 15. Л.1].

В конце XIX - начале XX веков значительного развития достигло сапожничье дело, но к 30-м годам XX века оно практически сошло на нет, так как появилась фабричная одежда и обувь, с которыми было трудно соперничать местным кустарям. Повсеместное же появление и распространение сапожного дела, по мнению А.С.Давыдова, относится к началу XX века [21, Ед.хр. № 15. Л.2]. Известный этнограф замечает, что, например, в Магиане некоторые только помнили что их деды и отцы сами шили себе обувь. В деха Рог, Падаск и многих других старожилы вспоминали такое событие, как появление первых сапожников.

Выходцы из Верховьев Зарафшана, которые обучались сапожному делу в городах, могли шить все виды обуви, которые изготавливали и городские ремесленники. Но в сельской местности они не могли найти применение своим способностям, поскольку предложение значительно превышало спрос сельчан, из-за чего мастера готовили в основном простые виды *махси* и *мукки*.

Местный сапожник, как правило, располагал следующим набором инструментов: шилом *бигиз дарави*, иглой *сузан*, ножом *бурранда*, приспособлением для скручивания ниток *риштатоб*, колодками различных форм и размеров *қолаб*, шаблонами для кожи *андозаи чарм* и для голенища *андозаи танавор* [21, Ед.хр. № 15. Л.4].

Одним из древнейших видов обуви, изготавливавшейся в регионе, была архаическая обувь *хома*, которую делали из сырой шкуры, не подвергавшейся предварительной обработке. *Махси* ичиги делали из специальной, как правило черного цвета упругой кожи, за что и получили

название «упругий» *каши*. Сапоги *мукки* с мягкой подошвой без каблука и твердого задника отличались от первых материалом и формой пришивания подошвы.

Основным видом обуви были *чоруки яккуна*, а в Матче – *чоруки хай-дарбеги* чулкообразной формы до колен. Их шили из одного куска кожи, поэтому обувь имела лишь один шов спереди сапога; сначала по середине голенища, затем по середине носка и подошвы до задника. Если их шили из 2-х кусков, то сначала сшивали оба куска. Их изготовление прекратилось уже в 30-е гг. XX века, поскольку мастера стали шить более современные виды сапог [21, Ед.хр. № 15. Л.4].

Материалом для подобного рода обуви служила сыромятная кожа *пусти сафедмол* или *хомчарм*, которая готовилась в любом доме примитивным способом из шкуры любого животного. Предпочтение отдавали шкурам коровы, горного и домашнего козла. Прежде всего, с нее удалялась шерсть, затем ее при помощи различных растворов дубили *ош додан*. Потом на доске ее очищали, соскабливали при помощи серпа или каменного скребла *сангтег*, *санги хоро* оставшиеся загрязнения. Затем ее мяли 2-3 дня, замазывали жиром и снова мяли, чтобы шкура впитала его. Сыромятная кожа чаще красилась в красный цвет, который получали в результате кипячения корня *карма* миндального или урюкового дерева. В деха Рарз, Рог Палдорак дубящим средством служила солончочная земля *хоки шур* [21, Ед.хр. № 15. Л.3]. В свое время О.Шишов указывал, что фалгарцы отыскивали корень таран, который затем кожевники употребляли для дубления кожи [175, С.48].

Кроме распространенных в Верхнем Зарафшане *махси* и *мукки* (*чорук*) лучшие местные мастера еще шили *кауши* и сапоги различных фасонов. Например, в Магиане изготавливали не только *муки* и *махси*, которые пользовались большим спросом, но и знаменитые сапоги *музай бухорча* с высоким каблуком (около 10-15 см). Считалось, что из-под их каблука пролетал голубь, и потому они получили название *кафтагузар* [21, Ед.хр. № 15. Л.5].

Уже к середине XX века значительно сократилась численность мастеров сапожного дела. Они стали заниматься своим ремеслом от случая к случаю, а потому со своей продукцией нередко ездили сами по кишлакам с предложением продать свои изделия. Только некоторые мастера были зачислены в колхозы на должность сапожников и обслуживали членов артели, что позволяло им иметь более-менее постоянную работу. Но в целом ремесленники, являясь членами колхозов, были заняты сельским хозяйством. Только в деха Магиан два мастера работали по специальности, а в деха Айни и Пенджикенте существовали специальные мастерские от быткомбината, к которым они были прикреплены.

Основным видом обуви в этот период оставались *мукки*, и только в Пенджикенте и деха Магиан также шили другие виды изделий. Колхозные мастера работали с материалом заказчика и получали от колхоза трудодни, а на комбинатах их труд оплачивали согласно выработке.

До сих пор не только в Верхнем Зарафшане, но и в других горных районах Таджикистана, несмотря на большой ассортимент предлагаемой обуви в магазинах, работа сапожника остается весьма востребованной, поскольку традиционные виды обуви *махси* еще широко используется во время проведения сельхозработ, охоты, работы в горах, особенно пастухами *чабанами* [21, Ед.хр. № 15. Л.12].

В настоящее время в Зарафшане кожей *чарм* оформляют отдельные части сундуков *сандук*. Мастера по-прежнему занимаются производством национальной обуви: женской *махси* и мужской *музаи чармин*. *Сурфа* скатерть покрывало из тонко обработанной шкуры животных (овцы или коровы), на которой раскатывают тесто *хамир*, является сакральным предметом невесты. Именно *сурфа* – символ благополучия в семье, которое должна обеспечивать будущая жена. Считалось большим грехом, если она оставалась открытой, ее всегда хранили свернутой и складывали в специально сшитый для неё футляр *сурфадон* [127, С.28].

Ткачи (бофанда).

Ткачество было и остается одним из главных направлений ремесел и промыслов Верховьев Зарафшана. В Саразме, например, были обнаружены косвенные данные о развитии текстильного ремесла еще в IV-VI тыс. до н.э. [127, С.30].

Хлопчатобумажное и шерстяное ткачество широко было развито в Верхнем Зарафшане, кроме Пенджикента, где, как и в других городах Центральной Азии, оно отсутствовало. Однако, в окрестных селениях Пенджикента был широко распространен женский промысел по обработке шерсти, где изготавливали для себя и продажи ткани, платья, попоны, тесьму, пряжу, мешки, арканы, ковры, паласы и кошмы. Наиболее развито было ткачество в таких поселениях как Рарз, Фалгар, Рог в Матче, Сор в Магиане и т.п. [21, Ед.хр. № 15. Л.14]. На Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. были представлены образцы шерстяных изделий пенджикентских мастериц. В 1877 г., 1897 г. в городе занимались ткачеством всего 11 человек, которые ткали карбос, суси, калами, бумажный адрас, делали набойку [164, С.241].

Хлопкоткачество, шерстоткачество, шелкоткачество продолжало активно развиваться в Зарафшане до XX в., но нередко в качестве надомной мануфактуры. Так, участник Искандеркульской экспедиции Мирзо Мулло Мустаджир в 1870 г. писал в своем сочинении «Рузномаи сафари Искандаркул» («Дневник Искандеркульского путешествия»), что в горных дегах Зарафшана часто встречались кузнецы, гончары, сапожники, но весьма редко ткачи-кустари, так как одежду каждая семья изготавливала для себя сама [123, С.92].

В суровом климате региона востребованы были ковровые изделия и одежда из шерсти. Так, например, самодельные мужские халаты *чапон*, костюм чабанов, носки *чураб*, камзолы до настоящего времени пользуются большим спросом в силу их экологичности и органики исходного материала. Из домотканной шерстяной материи и ныне шьют мешки для зерна,

переметные сумки *хурчин* и другие предметы хозяйственного и бытового назначения.

А.С.Давыдов подробно описал подготовку овечьей и козьей шерсти к ткачеству. Он указал, что стрижка животных производилась мужчинами при помощи специальных ножниц *қайчи молтароши* один раз в году, весной в мае, тогда как ягнят стригут только осенью. Лучшим исходным материалом по качеству, необходимым не только для прядения пряжи и изготовления ткани, но и для употребления, в Зарафшане считается баранья шерсть.

Отметим, что до сих пор в регионе сохраняется традиционная технология подготовки шерсти, которую вначале моют, очищают от примесей, сушат, затем делают из нее пух *табит*. Как указывает А.С.Давыдов, отделение пуха от шерсти *саркашкун* было известно не только в Матче. Очищенную от пуха шерсть называли *шаму*. Пух отделяют от шерсти одной рукой, а другой придерживают. Он идет для изготовления чисто пуховой ткани и для изготовления ткани в смеси с хлопчатобумажным сырьем.

Шерсть для прядения вначале разрыхляли и теребили. Обычно и чаще это делали сами женщины, сперва расщипая шерсть руками, а потом ее взбивая при помощи палкирогатки *савачуб* на подстилке. Имелись и специальные мастера шерстобиты *наддоф* в Матче, *устои шанданда*, которые взбивали шерсть при помощи специального инструмента *камони наддофи* [21, Ед.хр. № 15. Л.12].

В Верхнем Зарафшане, как утверждает А.С.Давыдов, пряжу прядут только женщины, в отличие от Хуфа, где этим занятием занимались и мужчины, имея специальное веретено [21, Ед.хр. № 15. Л.14]. Взбитую шерсть скатывают в валик *даста мекашад*, придавая ему форму каната и заматывают на круглую палку. Отрывая от нее по частям шерсть и наматывая ее на запястье руки, прядут пряжу на ручном веретене с пряслицем. Крестообразная часть пряслицы первого типа зарафшанского веретена *чиллак* или *чаллек*, создается из двух палочек, а третья образует его ось. Другой тип

веретена *урчук* изготавливали на ручном ткацком станке. Оно состояло из пряслицы и посаженной на неё перпендикулярно ось. Во время прядения следовало помнить о плотности ткани будущего ковра, толщине его нитей и их закрутке.

Большинство сортов и видов шерстяных тканей, вырабатываемых в Верхнем Зарафшане, известно под одним общим названием *рагза* (в Фалгаре, Матче) и *шол* – в остальных регионах. Они отличались качеством шерсти, технологией изготовления и назначением. Пряжа, которая затем подвергалась окраске, кипятилась в растворе с краской, в мучном растворе ее просто замачивали [21, Ед.хр. № 15. Л.15].

Шерстяные ткани в Верхнем Зарафшане ткались и до настоящего времени ткются на примитивном горизонтальном станке, который называется не станком, а просто местом работы *сари кор* или реже – земляным станком *дукони заминаки*. Он располагается горизонтально на земле. На нем готовилась не только шерстяная, но и полушерстяная ткань *шамили*, а также хлопчатобумажная. В Верхнем Зарафшане, по утверждению А.С.Давыдова, используют и вертикальный станок, который является точной копией вертикального станка для тканья паласов зафиксированный М.С.Андреевым в Хуфе в 1925-29 гг. и впоследствии подробно им описанный [47; 48].

Каждый вид шерсти – грубой или более мягкой – шел в производство в зависимости от предназначения изделия. Так, на изготовление одежды верхнего мужского халата *чакмон* и зимних шаровар *изоррагза*, *шорагза*, а также различных предметов домашнего обихода, хозяйственного и бытового назначения паласа, гилема, мешка *халта*, переметной сумки *хурчин* и т.д. шла достаточно мягкая шерсть.

Сукно для верхней одежды перед шитьем подвергалось валянию. Ткань, идущая на изготовление паласов, мешков и переметных сумок, делалась чаще всего из козьей шерсти, иногда в смеси с бараньей, или даже из чистой бараньей шерсти. Однако, как правило, её берегли больше для халатов. Характерная особенность изготовления этой ткани заключалась в том, что

пряжа для нее была очень прочной, сильно крутой. Пряжа для утка, идущая для тканей паласов, прялась сильнее, чем для утка ткани, идущей на *чапон*. Ткань для верхней одежды ткалась также из чисто пуховой пряжи, и исключительно из бараньего пуха.

Шерстяное ткачество в Верхнем Зарафшане, по утверждению А.С.Давыдова, не переросло в ремесло и осталось женским домашним промыслом, что подтверждают исследования современных этнографов Таджикистана. По мнению А.С.Давыдова, «наличие в системе госторговли хороших и дешевых тканей самых разнообразных сортов и расцветок сделало ненужным примитивное кустарное производство ткани, которое требовало большой затраты рабочей силы и времени». В то же время надомное ткачество шерстяных тканей, «которое является еще более трудным, может быть объяснено сохранностью традиции употребления их в быту населением» [21, Ед.хр. № 15. Л.12].

В Ягнобе в силу ландшафтной расчлененности территории и изолированности региона занимались дома кустарным изготовлением шерстяных тканей на горизонтальном станке.

А.Шишов отмечал, что в Ягнобе во время холодов (почти три четверти года), во всех хозяйствах горные жители проводили время в приготовлении для себя одежды. Они занимались мотанием и кручением ниток из шерсти, получаемой с собственного скота. Из крученых ниток мужчины ткали шерстяную ткань, называемую *барака*, употребляемую на чекмени и редко на штаны. Делали хлопчатобумажную ткань карбос, которая шла на рубашки, штаны и прочие элементы одежды, шитьем которых занимались женщины [175, С.225-228, С.252-258]. Сохранившаяся фотография ягнобского ткача 1925 г. из личного фонда М.С.Андреева [13, Ед.хр. № 1], свидетельствует о том, что ткачами в Ягнобе были не только женщины, но и мужчины, которые ткали шерстяные полотна за вертикальным станком.

По сведениям А.С.Давыдова, тканьё хлопчатобумажной ткани на земляном станке существовало издавна и первоначально в регионе.

Специальный же станок для этого типа материала появился, возможно, в середине XIX века [21, Ед.хр. № 15. Л.16]. По сведениям А.С.Давыдова, для тканья пряжу из хлопка готовили следующим образом. Хлопок при помощи специального приспособления *халочи* очищали от семян и взбивали *сохтан, зоз додан*, что делалось при помощи упомянутых *самачуб* или же приглашались мастера-шерстобиты. Подготовленный хлопок скатывался в валики *сама кардан* и из него выделяли куски *як тутум*. Затем из них скручивали жгутики *пилта*, из которых и пряли пряжу на прялке *чарх*. Иногда шерсть ткалась в смеси с хлопком, причем основа – из шерсти, а уток – из хлопка. Иногда даже основа и уток ткались из хлопковой пряжи.

А.С.Давыдов, ссылаясь на сведения информантов, указывал, что хлопчатобумажную ткань на земляном станке ткали в годы Великой Отечественной войны, когда был большой перебой с обеспечением тканью. Мастеров, ткущих подобный вид материала, уже не было, и поэтому люди вынуждены были ткать ее на земляном станке [21, Ед.хр. № 15. Л.18]. Местные мастера различных регионов, которые в совершенстве владели технологией набивки бумажных материй, вырабатывали разреженную материю *хоса* в Гиссаре, Дарвазе, Каратегине, долине Зарафшана, Худжанде с разнообразными, порой довольно сложными узорами [64, С.24; 122, С.26-28; 60, С.63-65; 126, С.66].

Широко была распространена *алоча* («пестрая»), которая имела множество видов дизайна и была хлопчатобумажной, полушелковой и шелковой. О.А.Сухарева подчеркивала, что в Самарканде «производство ее находилось в руках таджиков, и было распространено всюду, где проживало таджикское население» [157, С.28]. Разновидности *алочи суси* и *калами* производили в Верховьях Зарафшана [117, С.184]. Техника изготовления ткани способом перевязки *гулбаст* широко практиковалась во многих центрах ремесленного производства, в том числе и в Верхнем Зарафшане.

В Верхнем Зарафшане основным типом ткани был гладкий, белый материал *карбос*, который шел на женские платья, мужские штаны, рубахи,

подкладку халатов, одеял. Другую ткань гладкобелую *хоса*, которую в Матче называли *борики*, использовали для тканья женских платков, чалмы. Кроме упомянутых хлопчатобумажных тканей в Верхнем Зарафшане ткали белый материал с одноцветными узкими полосками, чаще красного цвета *қалами*, а также ткань с узкими полосами фиолетового, желтого и зеленого цветом *алоча* и ткань в клетку *катак* или *сарфика*.

Еще в XIX- начале XX веков ткачество было представлено шерстяным и хлопчатобумажным производством, которое в разных регионах развивалось и до сих пор развивается неравномерно. В настоящее время кустарное производство хлопчатобумажных тканей полностью прекратило свое существование, в то время как производство шерстяных тканей, хотя и в незначительной степени еще сохраняется.

В настоящее время в Верхнем Зарафшане, как в г. Пенджикенте, так и в провинциальных центрах, функционируют многочисленные центры по возрождению древнего ткацкого ремесла, по выделке натуральной ткани из шелка и хлопка *адраса*. При его производстве для основы используют тонкие нити шелка, для утка – более крупные хлопковые, благодаря чему поверхность материи приобретает специфический рубчатый эффект. Ткани имеют в основном *абровый* рисунок (от тадж. слова *абр* – облако), который получают путем резервации отдельных участков нитей основы путем перевязки и последующим окрашиванием в соответствии с выбранным узором.

Например, в настоящее время искусство *адрасбофи* преподает потомственная ткачиха Джумаева Замира в отделе народных промыслов Учреждения по внешкольной работы в Пенджикенте. В различных джамоатах Верхнего Зарафшана действуют цехи, где молодые девушки также занимаются ткацким ремеслом [74, С.89; 180, С.184].

Ковроткач (*қолинбоф*), шерстобит (*наддоф*) или шанианда.

Древний промысел ковроделание предположительно возник в позднем неолите III-I тыс. до н.э. в условиях натурального хозяйства земледельцев,

ведущих отгонное и придомное скотоводство, т.е. являлся занятием оседлого населения [111, С.10]. По утверждению А.С.Давыдова, в Зарафшане мастерами по выделыванию кошм *намагов* были мастера-шерстобиты *устои наддоф* или *шанианда*, которые занимались взбитием шерсти и хлопка для прядения [21, Ед.хр. № 15. Л.15].

Паласы в разных районах Зарафшана имеют различное название *гилем*, *олача*, *чу(и)лпуш* (деха джамоата Саразм) или *шол* (Магиан, Шинг), *ко(х)кма* (деха Вору), *чул(б)арак* (деха Кухдоман) или *гаچار* и т.д. Гилемы имеют разные названия в зависимости от технологических особенностей. *Имом-султани* – это ковер, который ткут в два слоя, т.к. орнаментируется как его лицевая, так и обратная сторона. Другой тип ковра *ироки* не имеет двухстороннего лица и украшен узкими полосами с мелким орнаментом. Гилемы под названием *курбоққа-пушти* (спинка лягушки) имеют ромбовидные рисунки и красные оттенки. По своей стилистике и колориту гилем *бурома* весьма лаконичен, т.к. его композиция состоит из простых, гладкокрашенных полос, между которыми проходит узкая орнаментальная линия.

Название *ко(х)кма* относится к простому, не орнаментированному гилему в гладкокрашеную полоску. Полоски, из которых он сшит, многоцветные и разные по рисунку, имеют общий колорит. Они хорошо komponуются в единую орнаментальную композицию, где преобладают коричневые, жёлтые, белые, красные, зелёные и синие цвета [127, С.46].

Ткань для паласов делалась разноцветной. В первую очередь это достигалось использованием различных цветов шерсти – от белого до черного оттенка. Часто для изготовления паласов пряжу окрашивали в различные цвета: красный, зеленый, синий, желтый. Колорит кошмы достаточно сдержан и состоит в основном из серых, коричневых или черных цветов, согласно цвету используемой шерсти, но может быть и цветным, если мастера предварительно окрашивали шерсть. Столь же скромны и спектр геометрических мотивов кошм, которые имеют чёткие силуэты, не

требующие детальной проработки. В них достаточно часто используют древний символ лидерства и вечности спираль *гирдоб*, рисунок сетки *четан*, как идеограммы вспаханного поля, охранительного знака и другие фигуры [127, С.50].

В Шинге существовал особый сорт шерстяной ткани для паласов, так называемая узорная ткань – *шоли нақшин*. Она изготавливается на горизонтальном земляном станке, а ее декор создается переплетением добавочного утка с основой. Для подбирания узора в нити основы вставляли палочки *чубак*, поэтому по технике нанесения узора эта ткань называлась также *шоли чубакмон*. В XX веке, как утверждает А.С.Давыдов, такое ткачество было развито меньше и со временем о нем забыли. Однако членам экспедиций, которые работали в Зарафшане, позже удалось приобрести ряд изделий, сшитых из этой материи [21, Ед.хр. № 15. Л.17], которые ныне хранятся в Музее этнографии им. М.С.Андреева ИИАЭ НАНТ.

В отличие от длительного процесса изготовления гилемов, войлочный ковер может быть создан в течение короткого времени с помощью подручных средств, без использования какого-либо станка. Для работы с шерстью требуется утрамбованная площадка и веревки. Мастерицам важно также чувствовать материал, чтобы изготовить впечатляющие и лаконичные по своему решению монументальные *намат*. Их создание в основном является женским занятием и происходит под руководством женщин-профессионалов *кайвону*, хотя на последнем этапе включается и «мужской компонент».

А.С.Давыдов указывает, что в большинстве деха Зарафшана ему говорили, что самый трудный, требующий большой физической силы и напряжения, процесс валяния кошмы, выполняется мужчинами. Только в одном кишлаке Рарз сообщили, что раньше это делали женщины. В деха Урметан валять *намат* могли как мужчины, так и женщины, последние из числа молодых и сильных. По всей вероятности, раньше валяние кошмы от начала до конца было женским делом. А.С.Давыдов считал, что

свидетельством этому может служить тот факт, что знатоками этого ремесла в основном являлись именно женщины [21, Ед.хр. № 15. Л.24]. Как правило, до сих пор человек, желающий изготовить кошму, созывает родственников и соседей в качестве взаимопомощи на *хашар* и часто этот день превращается в своего рода пиршество.

Обладающий хорошей теплоизоляцией и износоустойчивостью войлочная кошма *нама*т являет собой образец коллективной работы *хашара*. Разные мастерицы выполняют различного рода трудоёмкие работы. Они взбивают овечью шерсть, очищая ее от пыли и мусора, после чего ее замачивают на несколько часов в молочной сыворотке или в тёплой мыльной воде с целью размягчения и оседания оставшейся грязи. Затем исходный материал промывают, полощут, сушат на солнце и формируют нити из войлока. На подготовленную шерсть, разложенную на грубой материи, сверху укладывают настил с орнаментальным трафаретом, вырезанным из светлой ткани. Ковер часто поливают горячей водой, чтобы войлочные волокна хорошо скрепились. На заключительной стадии за работу принимаются мужчины: скатывают заготовку в рулон и плотно обвязав его прессуют, стремясь добиться плот-ности фактуры *намата* [74, С.48].

В Матче, Фане и Фалгаре готовят *нама*т в два этапа. Сначала шерсть сворачивают вокруг круглой палки в ширину паласа и получают сверток из уплотненной шерсти *урда*, который перевязывают поперек веревкой. Мужчины берутся за ее концы и начинают катать заготовку около 30 минут. На следующей стадии сверток раскрывают и скатывают вновь. Четверо мужчин садятся около принесенного ими бревна и отбивают скатанную кошму об него.

В Магиане, Шинге и Кштуте, а также в деха Вору кошму скатывают, не вставляя в нее палку. При этом несколько раз *нама*т разворачивают для того, чтобы сбрызнуть его водой. Затем вновь сворачивают ковер с другой стороны и начинают катать. Эта процедура продолжается несколько часов [21, Ед.хр. № 15. Л.29-30].

В настоящее время женщины охотно занимаются изготовлением *гилемов*. Так, после выхода на пенсию Мусалламо Абдуджаборова из деха Шинг активно занялась ткачеством ковров *гилембофй*. Этому ремеслу в детстве научила ее бабушка, которая была большой мастерицей. По традиции для тканья в основном она использовала козлиную шерсть, которую красила собственноручно. Но сейчас достать шерсть очень трудно, ее мало. Несмотря на это М.Абдуджаборова участвует в различных проектах по ремеслу и учит молодых ткать *шол*. От бабушки она знает секреты получения красителей из натуральных растений: красный цвет из красной глины *хоки сурх* или древесной массы миндаля *чуби бодом*, желтый – из корней барбариса *зирк*, черный – из скорлупы орехов и кожуры граната [160, С.77-78].

В настоящее время традиции древнего ткачества продолжают развивать мастерицы Зарафшана. Так, Ахмадова Шарифа (1955 г.р.) уроженка селения Рукнобод, вместе со своими дочерьми готовит прекрасные ковры *чулхирс*, шерстяную ткань *рагза* и ковровые дорожки *гилемча* средних размеров (2,5х3м). Сангинова Нодира обучает молодых учеников ковроткачеству *қолинбофи* в отделе народных ремесел Учреждения по внешкольной работе г.Пенджикента. В деха Вору большие паласы *кок(х)ма* виртуозно ткут Фотима Гадоева, Мавчуда Носирова, Ойша Рауфова, работая на 3-х метровых станках. В деха Шинг своими изделиями известны Шаропова Хабиба и Мусалламо Абдуджаборова, последняя занимается окрашиванием ниток самостоятельно согласно традиционным рецептам. Созданием больших ковровых изделий *чулхирс*, *чулпуш* занимаются многие мастерицы Зарафшана, для чего используют большой широконавойный станок. По их мнению, изделия из шерсти – это благо *савоб дорад*. Шаходат Язданова из деха Кухдаман, Кам-барай Ахмедова, Худоят Каримова из деха Раджабали и Хамида Абду-рахманова, ее невестка Рано Норбоева из деха Тегерман джамоата Саразм и многие другие бережно сохраняют традиции древнего ткачества. Одним из любимых орнаментальных элементов они называют рисунок *қасри сафед* (белый дворец), представляющий собой ромб с

отходящими от его углов четырьмя парами рогов горного козла *қуч(ш)қорак*.

Многие жительницы Зарафшана посредством развития различных учебных программ по подготовке мастериц *чевар* в различных областях ремесленничества получают профессиональные навыки в области ткачества и ковроделия. Одна из них учительница младших классов Наргиза Бардимуратова из деха Сохибназар джамоата Саразм стала искусной ковровщицей и готовит сама шерстяные нити для *гилемов* различных размеров и контента на вертикальном станке. Другая выпускница подобных курсов *гилембоф* Нигора Назирова из деха Кухдаман также готовит небольшие ворсовые изделия на маленьком вертикальном станке *дуконе* [74, С.113-124].

Процесс изучения рассмотренного в данном разделе материала позволяет прийти к следующему заключению. Кузнецы, чугунолитейщики, мастера по обработке кожи, сапожники, ткачи, ковроделы, шерстобиты Верхнего Зарафшана внесли и вносят важный вклад в развитие ремесла в данном регионе. Важно, что они сохранили древние традиции творчества и производства, которые свидетельствуют о культурной преемственности и во многом определяют характер этнокультуры таджиков в настоящее время.

2.2 Социальная страта мастеров по обработке дерева, гончаров, вышивальщиц, мастериц лоскутного шитья и плетения в городском и сельском социумах Верховьев Зарафшана

Плотник дуредгар, токарь харрот, резчик по дереву кандакор, косатарош. Поскольку в горных регионах редко украшали интерьер стенной росписью, деревянные детали всегда играли одновременно роль несущих конструкций, а также декора. Такие классические образцы этого ремесла, как произведения Пенджикента V-VII вв., колонны из деха Оббурдон, Урметан, михраб из Искодара IX-X вв., открытые М.С.Андреевым в Верховьях Зарафшана, «настолько совершенны, что ничего подобного этой изысканной абстрактной пластике в исламском искусстве не найти» [170, С.117].

Резьба по дереву *кандакорӣ* в Таджикистане разнообразна и имеет несколько видов техники: рельефная *кандакории барҷастаи муқарнасӣ*, плоская *кандакории ҷамвор*, глубокая *чуқур*, двусторонняя *дутарафа*, облицовочная *руйбаст*. Валиком *пилта* отделяют крупные и ответственные геометрические формы, круги и другие мотивы с обтекаемыми формами. Полуквадратные в сечении линии *нимор* пригодны в бордюрной орнаментике. Резчики знали и другие линии с сечением в половину шести- и восьмиугольника *нимаша* и *нимхашт* [37, С.14]. В городе Пенджикенте в 1877 г. всего работало 10 плотников, а в 1897 г. – 14, которые в основном были заняты строительными работами [164, С.241].

Пенджикент являлся древнейшим центром художественной обработки дерева наряду с Бухарой, Самаркандом, Истаравшаном, Худжандом, Исфарой. Мастера в основном использовали такие породы дерева, как чинара, шелковица, арча, орех и другие. Твердые сорта шли на изготовление архитектурных деталей (колонны *сутун*, жерди *васса*, двери *дар*, ставни *дарича*, ворота *дарвоза*, решетки *панджара*, кафедры *мимбары* в мечетях и медресе, а так же на другие поделочные работы.

В сельской местности Верховьев Зарафшана обработка дерева, как и другие ремесла, не имела особой дифференциации. Обычно мастер-плотник, занимавшийся строительным делом, умел изготавливать все те деревянные предметы, которые были известны и применялись в быту населения. Только в некоторых, обычно крупных деха, работали специальное мастера токари *харрот*. В отличие от равнинных токарей здесь они занимались не только токарным делом, но также другими работами, связанными с изготовлением деревянных изделий в виде орудий труда и предметов домашнего обихода.

Г.Г.Гульбин, совершивший в 1926 г. поездку в Зарафшан в составе комплексной Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР под руководством В.В.Бартольда и при участии И.И.Зарубина, отмечал: «Разнообразие резьбы, виденной повсюду на всевозможных деревянных изделиях, как то сундуках, ящиках, предметах домашнего хозяйства, как то:

веретенах, собу (деревянные цилиндрические сосуды) и т. п. заслуживает изучения, гораздо более тщательного, чем можно было сделать это в минувшую поездку». При этом он был удивлен тем обстоятельством, что мастера при обтесывании досок использовали самый простой инструмент топор [140, С.110-132].

Из орудий труда мастера деревообработчики изготавливали для прядения хлопчатобумажной пряжи *дук*, веретено с пряслицей для прядения шерстяной пряжи *урчук*, ткацкий станок для тканья *дастгоҳи бофандагӣ*. Сельскохозяйственный инвентарь составляли: деревянная лопата *бели чубин*, ярмо для упряжки быков *юг*, принадлежности и приспособления мельничного и маслобойного дела. Такие изделия, как ткацкий станок, приспособление для очистки хлопка, маслобойного и мельничного дела, требующие значительного мастерства, изготавливались мастерами только в некоторых селениях, а в большинство деха они привозились чаще всего из равнинных центров.

В XV111-X1X вв. мастера Зарафшана помимо колонн и дверей продолжали изготавливать посуду, мерки для зерна, сапожные колодки, пеналы, гребни, филенки, резные доски-штампы калыбы для набивки тканей, сундуки. Основной ассортимент принадлежностей домашнего обихода составляли: сосуд с круглой цилиндрической формой для молочных продуктов и зерна *согу*, колыбель *гаҳвора*; ложки *қошук*, половник *кафлез*, блюда *тавоқ*, глубокий сосуд для хранения масла *чора*. Особо ценились небольшие по диаметру глубокие чаши *косаи гур* за их прочность и блеск темно-красного оттенка, получаемой после натирания их жиром.

А.С.Давыдов особо подчеркивал, что в Верхнем Зарафшане изготовление деревянной посуды местными мастерами не было широко распространено, оно существовало только в сельских поселениях. В маленьких деха местные мастера на водяном токарном станке изготавливали различную деревянную посуду. Это ремесло называлось *косатарошӣ*. К 30-м годам XX века из-за широкого потребления фабричной посуды это ремесло

почти исчезло, хотя кое-где мастера продоолжали работать, поскольку существовал спрос на их изделия.

Мастерская токарей, без стен, размером приблизительно три на три метра, имела четыре стойки высотой около двух метров. Под навесом был установлен токарный станок для выделки посуда. По своему устройству этот станок был очень прост. Основной его частью являлся деревянный вал около двух метров длины и сантиметров 20 в диаметре. В обрез одного конца вала был вбит железный наконечник, а с другого конца – четыре металлических шипа *чангак*, расположенные по кругу [21, Ед.хр. № 15. Л.41].

Вал был установлен горизонтально, так что его конец с шипами приходился на углубление, сделанное в середине пола мастерской. Это углубление, имеющее 70-80 см в длину, служило рабочим местом мастера. Три его стенки были выложены из камня, а четвертая, деревянная – состояла из двух стоек, вертикально вбитых в пол и возвышающихся на 40 см над уровнем пола, и закрывающих пространство между стойками досок. Доски имели отверстие, в которое был пропущен конец вала с шипами. Вал в этом отверстии мог свободно вращаться. Эта деревянная конструкция *гардани дукон* и служила опорой одного конца. Для другого конца вала в соответствующем месте в землю была вбита деревянная стойка, на верхней части которой был железный брусок с пятью углублениями. В одно из углублений этого железного бруска и был вставлен другой конец вала, имеющий железный наконечник. На этом конце вала, выходящем за пределы мастерской, перпендикулярно к его плоскости было установлено 12 деревянных лопастей [21, Ед.хр. № 15. Л.42].

Токарный станок *дукони харрати* использовался для изготовления деталей и изделий круглой формы. Этот станок являлся специфическим приспособлением мастеров-токарей Центральной Азии. В Верхнем Зарафшане существовал водяной токарный станок, подобный тому, что использовался в Каратегине и Дарвазе. На нем мог работать один человек. Второй тип токарного станка, который требовал участия еще и помощника,

мог применяться только в городе, где он экономически мог оправдать себя.

Обе разновидности станка работали по одному принципу, но имели определенные различия в своей конструкции. Первый тип станка работал при помощи лучка тетева, который обворачивался вокруг вытачиваемого изделия, причем лучком работал сам мастер, держа его правой рукой, а левой – держа резец, которым он обтачивал изделие. В другом виде станка ось вращались при помощи обводного ремня [21, Ед.хр. № 15. Л.30].

Для изготовления деревянной посуды мастера использовали в основном следующие породы дерева: иву *бед*, тополь *сафедор*, клен *фарк*, другой вид клена *заранг*, отличающийся твердостью, арчу *бурс*, а также абрикосовое дерево *зардолу* урюковое, ореховое *чормагз* и другие.

Приступая к изготовлению посуды, мастер вначале делал ее заготовку, полуфабрикат *каландак*. При помощи большого топора *пойтеша* он очищал и разравнивал поверхность бревна. Затем при помощи большой пилы *аррай гулабур* его распиливал на несколько брусков определенной толщины. Их мастер, обтесывал специальным топором с дугообразным лезвием *пойтеша* и придавал приблизительную форму будущей посуде. Таким образом, сделав заготовку посуды, мастер затем для придания ей окончательного вида вытачивал ее на специальном токарном станке.

Старый мастер усто Исрофил рассказал А.С.Давыдову, что ремесло *косатарошӣ* было занесено в деха Вору, лет 80 тому назад, из деха Рашнаи Поён неким усто Раджабом. Тот пришел на работу в горы и обучил сельчанина по имени Махмуд. По мнению известного этнографа, в пользу подобного рассказа старого мастера свидетельствуют особенности техники и приемов изготовления предметов, терминология и ассортимент изделий, которые используются мастерами кишлаков ущелья Шинга [21, Ед.хр. № 15. Л.31].

Недалеко от устья реки Магиан, в которую впадает Шинг, расположен кишлак Косатарош. Но вовремя экспедиционного обследования в этом селении, как пишет А.С.Давыдов, уже не существовало *ало косатарошӣ*.

Однако, по свидетельству населения, свое название селение получило именно от ремесла *косатарош*, которое еще в начале XX века было здесь широко развито. В конце XIX - начале XX веков ремесло по выработке деревянной посуды в Верхнем Зарафшане достигло значительного развития. Только в одном кишлаке Рашнаи Поён функционировало до 7-8 мастерских [21, Ед.хр. № 15. Л.42].

По свидетельству вышеупомянутого информанта изготавливалась посуда четырех типов: в виде глубокого сосуда больших размеров с относительно ровными стенками *карсон*, используемого для хранения зерна, замешивания теста, а также в качестве мерки для измерения зерна *паймона*. Другой неглубокий сосуд средних размеров с пологими стенками *тавоқ*, *табақ* использовался для подачи пищи, а глубокий сосуд *чора* – для хранения масла.

Основным и единственным инструментом, при помощи которого мастер вытачивал свои изделия на станке, был своеобразный резец с плавно согнутым рабочим концом и длинной деревянной ручкой *качкорд* (буквально кривой нож). Он имел несколько таких резцов, отличающихся друг от друга размерами и степенью изгиба рабочего конца. Чем больше был резец, тем больше было согнуто его лезвие. Крупными резцами производилась первичная, грубая заточка, а меньшими – отделочная окончательная работа. А.С. Давыдов так описал занятие токаря.

Свою работу за станком мастер начинал с взбивания заготовки дном, наружной стороной в шип вала. В это время вал останавливался. В одной из стенок нижней части желоба имелось отверстие, в которое пропусклась специальная палка *шовагирак*, концом упирающаяся в другую стенку желоба. Вбив заготовку в шип, мастер удалял палку, и тогда вода попадала на лопасти и начинала вращать вал, а вместе с ним и заготовку.

Косатарош придерживал правой рукой ручку резца и прижимал ее конец к правому плечу, а левой рукой держал изделие, несколько отступя от рабочей части, выпуклой стороной прижимая к заготовке. Чтобы держать

резец в устойчивом состоянии, он опирался на специальную доску - прямоугольный брусок с несколькими гнездами на одном ребре для резца [21, Ед.хр. № 15. Л.38-44].

До обработки на токарном станке заготовки держались в воде для того, чтобы не трескалось дерево при точении. После этой процедуры дерево легче поддавалось обработке. Сушили дерево медленно, чтобы оно не трескалось во время точения. С этой целью его сначала оставляли в тени, прикрыв тряпкой. После сушки посуды, вручную, при помощи маленького резца или специального напильника изделие подвергали шлифовке и полировке. Готовые предметы в зависимости от пород дерева красили в красный цвет или натирали жиром, чтобы они получили блеск. Посуду из ивы красили в красный цвет, продержав в растворе из красной глины в горячей воде. Посуду из орехового дерева кипятили в воде вместе с корнями для того, чтобы она обрела красный оттенок [21, Ед.хр. № 15. Л.43].

Ремесло по выработке деревянной посуды на водяном токарном станке существовало и в других районах Таджикистана и Центральной Азии: в Варзобе, на Памире, Каратегине и т.д. По своему устройству станки Варзоба и Каратегина имеют единую конструкцию и отличаются от верхнезеравшанских только вертикальным своим положением. Станок Памира, как и верхнезеравшадский, имеет горизонтальное положение, но от последнего его отличает ряд деталей.

Древнее ремесло резьбы по дереву *кандакойи* остается одним из ведущих видов деятельности местных ремесленников, примером чему могут служить работы Орифова Ислома из селения Зебон, джамоата Халифа Хасан, Каюмова Юсуфа из Рукнобода. Оба мастера занимаются изготовлением ворот и входных дверей, резных шкафов, столов и т.п., а чубтарош Дилмурод Хомидов из деа Кухдаман – резьбой шкатулок.

Известный мастер резьбы по дереву *кандакор* Абдукодир Бободжонов (усто Бободжона) из Магиана почти все крупные деревянные изделия изготавливает из тополя *дарахти сафедор*, более мелкие – из сосны *қала-*

зайс и можжевельника *арчи*. Для создания колыбели он использует иву *дарахти бед* и ель. Он считает, что в люльке из этой древесины младенцу «дышится легко», потому что она наделена особыми магическими свойствами.

Лучшие традиции зарафшанской резьбы по дереву продолжают *дуредгар* Илаш Каюмов из деха Кухдаман, известный своими монументальными работами в виде декоративных ворот *дарвоза* и Мухаммад Наби Алиев из деха Шурча. Последний вместе со своими учениками *шогирдами* может полностью оформить жилые помещения (потолок, колонны, двери, окна, шкафы), используя резьбу или же шлифовку поверхности изделий [160, С.90].

Мастера *сандуксоз* используют в работе древесину сосны *санавбар* и ели *коч*. Сундуки выделяют 2-х видов: резные – с орнаментальным рисунком и гладкие, обшитые кожаменителем с синтетической подкладкой. Для удобства на передней стороне сундука мастера делают дверцы со створками. В Зарафшане славятся своим искусством потомственные *сандуксоз* Фаттоевы из селения Озодагон (Гарибак) джамоата Хурми: отец Урокбой Фаттохов (1954 г.р.), его сыновья Шахзод (1985 г.р.), Сомон (1990 г.р.) и Ориён, а также усто Хакберди Ганиев из деха Вору.

Дуредгары и *чубкоры* выделяют и разные виды шкатулок *дурч* для ювелирных украшений, сундучки без орнаментального декора *хамма* предназначенные для хранения лепешек. Для мастера Каюмова Юсуфа из селения Рукнобод этот вид изделий составляет главный домашний промысел.

В Пенджикенте семейные династии деревоотделочников *чубкоров* Тошбековых и Равшановых занимаются изготовлением колыбелей *гахвора*, деревянных лопат *бели чўбин*, сита *галбер*, седел *элакзин*, ложек *чумча*, корзин *сабад*, клеток для птиц *қафас*, сосудов для размельчения злаков *угурча*, различного рода подставок для раскатывания теста *оштахта* и др.

Плетение корзин *сабадбофӣ* развито в настоящее время повсеместно в Зарафшане. В селении Озодагон джамоата Хурми их изготовлением

занимается семья Нарзуллоевых, члены которой плетут корзины для лепешек *нонбардорак*, различного рода подносы *нонгирак*, большие подвесные корзины для продуктов *маҳсулотгири*, клетки для птиц *қафас* и т.п. В Панджруде джамоата Рудаки усто Хушбахт Худойдодов, продолжая дело своего отца Сафарова Худойдода (1986-1906) и в деха Шурнова Рахмон Караулов плетут из камыша, веток тополя, чинары корзины для хлеба *нонгири* и молочных продуктов *маҳсулоти шири*, цветов *гулсабад*, горшки для *гулдон*, подсвечники *чароғмонак*, маленькие корзинки для рукоделия *сабадча*, клетки *қафас* [127, С.51].

Гончар кулолгар.

В Средней Азии повсеместно имеются залежи лессовых глин. В Пенджикенте ее добывали рядом с селением, но она уступала по качеству самаркандской. Самым лучшим сортом считалась пластичная огнеупорная гильбота в силу своей жирности и белого матового цвета, который она приобретала после обжига. Встречалась она не повсеместно (чаще в разных местах Ферганской долины). Гончары Худжанда и Пенджикента ее расходовали бережно, смешивая с обычной гончарной глиной для улучшения качества изделия. Эта глина шла как на ангобирование посуды, так и на изготовление цветных ангобных красок, в чистом виде ее использовали только при изготовлении ложного фарфора. При лепке разнообразных видов посуды в Самарканде и Пенджикенте в гончарное тесто добавляли пух лух из растрепанных плодов тростника или рогозы.

У таджиков глиняная посуда была обязательной при совершении всех обрядов жизненного цикла, поскольку она считалась всегда халол чистой.

Новую глиняную чашку употребляли для приготовления обрядовых кушаний при совершении ритуалов *рухуарвох* символического кормления духов предков, *париталбон* призывания пари и обряда кормления дэвов.

В ХУ111-Х1Хвв. крупными центрами керамического производства наряду с Самаркандом, Бухарой оставался Пенджикент. Ассортимент керамических изделий был разнообразным и включал в себя блюда *тавок*

различных форм и размеров, сосуды *хурма*, *хурмача*, *чоргуша*, *дугуша*, большие и малые, сложные по конструкции или лаконичные по пропорциям чаши *коса*, *шокоса*, *пиала*, кувшины *куза*, *офтоба*, лохани *тагора*, поддоны и т.д. До конца XIX в. производилась и полуфаянсовая посуда *чини* с высококачественной поливой и богатой орнаментальной росписью. Колорит глазурированной керамики Истаравшана и Пенджикента больше построен на сочетании желтого и зеленого тонов. Среди орнаментальных мотивов мастера чаще выбирали изображения цветка граната *аноргул*, миндаля *бодомгул*, листа *барг*, спирали *салиб* и другие.

Наряду с росписью, изделия украшались орнаментом из оттисков штампов из дерева и глины *накиин колиб*, использовалась техника процарапывания узора *харош* на сырых образцах перед обжигом (Пенджикент, Самарканд, Гиджуван, Каратаг, Урметан). Весьма распространенным был прием *абр*, *абри бахор* (весеннее облачко), который позволял расплескивать по поверхности изделия краски перед обжигом, благодаря чему на поверхности возникали абстрактные цветные композиции.

В Верховьях Зарафшана гончарное дело представлено женской ручной лепной керамикой и мужским ремеслом с применением гончарного круга. Роль деревянной посуды в быту населения Верховьев Зарафшана была весьма значительна. Только в деха Урметан существовало гончарство городского типа, способное обеспечивать своими изделиями также и некоторые другие селения.

Женское гончарное дело было распространено в Ягнобе и частично в селениях Верхней Матчи. В основном все гончары работали у себя в деха и удовлетворяли спрос своих односельчан. В других районах Верхнего Зарафшана, как утверждает А.С.Давыдов, не только не занимались гончарством, но о нем даже не было известно [21, Ед.хр. № 15. Л.45].

Мужское гончарное производство существовало в г.Пенджикенте и Урметане. Оно имело небольшие размеры в городе. Им занимались всего несколько семей. В 1877 г. в городе работали 4 мастера, в 1897 г. – всего

трое. В основном они изготавливали чашки, блюда, сосуды крупных размеров, корчаги кувшины [164, С.241]

По утверждению А.С.Давыдова, во время экспедиций в Пенджикент во второй половине XX века ее участникам не удалось выявить никаких свидетельств того, что гончарное дело как таковое здесь существовало. Его информантами были Бобо Зисев и Тухта Джололов, являвшиеся выходцами из семей пенджикентских гончаров. Первый в молодом возрасте занимался этим ремеслом с отцом, а затем перешел на административную работу. Второй, работая в системе быткомбината, изготавливал печи для выпекания лепешек *танур* [21, Ед.хр. № 15. Л.46].

Е.М.Пещерева считала, что гончары деха Урметан были учениками пенджикентских мастеров [134, С48-90]. Информаторами А.С.Давыдова в этом селении стали два прославленных потомственных мастера братья Мусо и Рахмат Ходжаевы. Первый к тому времени уже не мог работать по старости, а второй, являясь прекрасным гончаром, работал в колхозе, занимаясь своим ремеслом в свободное время. Именно этот мастер изготовил по заказу экспедиции прекрасную коллекцию гончарных изделий, в числе которых не только те, что делал он сам, но и такие, которые создавали его отец и дед. Следует заметить, что оба мастера могли не только работать на гончарном круге, но и изготавливали изделия и без него, посредством лепки, а также делали печи для выпечки лепешек *танур* и очаги *оштон* [21, Ед.хр. № 15. Л.47].

Достаточно много неопубликованного материала о Рахмате Ходжаеве из Урметана сохранилось в архиве известного этнографа и искусствоведа О.И.Жданко. Так, мастер в своем письме к ней сообщает, что он заключил договор с Худфондом Таджикистана и жалуется на местные власти, которые не спешат обеспечивать его дровами для обжига. Худфонд разрешение на выдачу ему дров получил, а возить дрова ему было не на чем, т.к. не предоставили транспорт.

Мастер пишет: «Я человек уже не молодой, мне 60 лет, но честно при-

знаю, когда с вашей стороны оценивается моя скромная профессия, чувствую себя бодро, мне кажется, что будто молодею день изо дня» [88, С.34]. Письмо мастера свидетельствует о том, как важно всегда признание труда ремесленников, их творческих устремлений.

Мастерская урметанских гончаров находилась во дворе их дома. Например, *корхона* усто Рахмата представляла собой прямоугольное помещение. Изделия он обжигал в тануре, который располагался в саду. А.С.Давыдов подробно описал процесс изготовления гончарных изделий в Урметане [21, Ед.хр. № 15. Л.55-59]. Мастер, работающий с помощью гончарного круга, одну болванку клал на верхний круг станка и приступал к работе. Правой рукой он вращал круг и одновременно работал с глиной, формируя нужное изделие. Независимо от того, для какого вида сосуда предназначена была данная болванка, мастер начинал сначала вытягивать ее вверх *зумла кардан* в виде усеченного конуса с округлыми линиями, называемого *гунд*. Дальнейшие приемы зависели от специфики формы изготавливаемого изделия.

Гончары деха использовали два сорта глины: особую серовато-синего цвета, отличающуюся большой вязкостью *гили бута*, и обычную лесовую глину *хок*. Последняя добавлялась с целью ослабить несколько вязкость первой. Причем соотношение их для разных изделий было различным. Для высоких сосудов соотношение один к одному, обеспечивало достаточную вязкость глин, необходимую для формовки подобных изделий. Для низких предметов на одну единицу *гили бута* брали две единицы *хок*.

Ги́ли бу́та добирали на горе, расположенной против Урметана, называемой Лалми Гафор, а *хок* – в самом кишлаке. Глину *гу́ли бу́та* в котле замешивали с водой, и из этой массы делали большие комки в форме усеченного конуса *лунда* и сушили их. Сушеные комки молотили и просеивали при помощи решета *гал-галбер* [21, Ед.хр. № 15. Л.58].

После суточной сушки изделие протиралось тряпкой и шлифовалось. Перед нанесением глазури его поверхность поливали раствором из

специальной белой глины *гилмая*, которую привозили из Магиана. Ее растворяли в воде до жидкого состояния, фильтровали через марлю и ополаскивали им изделие. Затем его ставили на солнце, сушили, и после этого оно было готово для нанесения глазури. В Урметане полива *сур* делалась из трех цветов: красного, желтого (коричневого) и зеленого цвета, но чаще применялась последняя.

На изготовление больших предметов, таких как кувшин, одна болванка расходовалась полностью, а мелкие вещи, как чашки, например, изготавливались из одной болванки по две-три штуки. Болванки имели свои названия: например, болванка для сосуда называлась *гунди кӯза*, а для чаши – *гунди коса* [21, Ед.хр. № 15. Л.51].

Технология женского гончарного производства в Ягнобе не отличалась от традиционной практики, существовавшей в других горных регионах Таджикистана, например, на Памире, в Каратегине. Как правило, мастерицы использовали местную глину. Делая из нее валики, они накладывали их один на другой, а затем швы разглаживали, шероховатости выравнивали. Изделия сушили на солнце до полного высыхания, затем подвергали их обжигу на небольшом костре. Простые предметы, которые использовались в быту, были незатейливы, имели простые выразительные формы. В отдельных случаях для орнаментального декора использовали древний способ ангобирования с помощью раствора железистой глины.

В основном здесь изготавливали: небольшие кувшинчики *калла*, кувшин с двумя ручками *дугуша калла*, маленький кувшин *хурмача*, сосуд, используемый во время доения коров *чагна* и другие. Ассортимент местных гончариц также включал маслобойку *туула*, высокий кувшин *офтоба*, небольшую чашу *нимкоса*, крышку от гончарных изделий *дугуч*, детские игрушки из глины и т.п. О.Шишов привел интересный пример оплаты купли-продажи посуды. Покупатель должен был уплатить гончарице столько зерна, сколько могло уместиться в предлагаемой ею посуде [175, С.19].

В ягнобском языке сохранилась терминология, обозначающая составные

части гончарных изделий и детских игрушек, которые нередко имеют названия, соответствующие их антропоморфным и зооморфным элементам. Например, горловина гончарного сосуда, называлась *кама* (*шея*), выпуклая его часть *еуна* (*грудь*), выступ на стенке – *гушак* (*ушко*) и т.п. [187]. Особым видом гончарных изделий были печи для выпечки лепешек *тануры*. На изготовление танура и оштона использовалась специальная глина *гили оштон*, являющаяся также, как и *гили бута*, достаточно вязкой, но в отличие от последней она содержала большую примесь мелкого гравия, что способствовало хорошему накаливанию печи [21, Ед.хр. № 15. Л.56-58].

А.С.Давыдов в своих заметках представил такой процесс изготовления печей. Сначала глину молотили, просеивали через решето *галбери ёгра*, в котором оставались большие камни. Кроме глин, на изготовление танура шел мелкий саман *гулиная* и козья шерсть *бузму*. На один танур обычной величины расходовалось 2-3 пуда глины, 2 кг самана и полкило шерсти.

Глину мешали с саманом «всухую», потом добавляли воду и замешивали очень тщательно до густой консистенции. На этом завершался первый этап ее подготовки *хомлой*. Затем глину клали на палас, на который предварительно посыпали тонкий слой мелкого самана и, разминая ногами, превращали ее в прямоугольный лист *тахта*, на который накладывали тонкий слой шерсти. Затем ее сворачивали и мяли ногами, опять делали *тахта*, на который накладывали слой шерсти и, свернув, мяли ногами. Эта процедура повторялась три раза. В итоге получался лист прямоугольной формы толщиной в два-три пальца

Взяв в соответствующих единицах оба сорта глины, смешивали их кетменем, сначала без воды, потом добавляя воду. После добавляли растрепанные головки тростника *лук* и опять месили. Потом, сделав большие комья, убрали глину с помоста. Помост очищали от глины, скребя лопатой, насыпали на него тонкий слой песка *кум*, который брали на берегу реки. Потом обратно клали комья глины на помост и мяли ногами. Весь описанный процесс повторяли три раза.

После этого всю глину собирали в один ком и, накрыв его мокрыми тряпками, оставляли до утра отдохнуть *дам хурдан*. Обычно глину готовили с вечера для работы на следующий день. Утром ученик *шогирд* или сын, или другое лицо, помогающее мастеру, отрывал кусок соответствующей величины из большого кома глины, клал его на специальную каменную плиту *нешкор*, на которой около пол часа руками его разминал и месил.

Длина и ширина куса глины приблизительно соответствовали длине окружности и высоте будущего танура. Если танур имел почти цилиндрическую форму, диаметры его верхнего и нижнего отверстия были почти одного размера. Характерная форма со значительным преобладанием диаметра низшего отверстия над верхним, округлые линии стенок, суживающиеся снизу вверх, придавались путем сбивания колотушкой и наковальней *чўбак ва садахони танурсозак*. Эта процедура проводилась в два этапа. Первый назывался *хомчин*, а второй – *пардоз*. Таким образом, изготавлилось туловище танура, а над его готовым туловищем устанавливалась горловина.

А.С.Давыдов детально описал изготовление домашних очагов – печей для приготовления пищи в Верховьях Зарафшана, процесс обработки глины и формирование конструкций. Для создания куполовидной колодки – формы очага печи *кундаи оштон* в разных частях региона служили различные приёмы. При этом остроумный вариант был изобретен в деха Вору. Здесь возвышение в виде купола складывалось не из камней, а из кусков кизяка, поверх которого наносился слой хорошей глины (20-25см). Затем кизяк поджигали, чтобы быстрее происходил процесс подсыхания и образовывался *кундаи оштон*. Для формовки внутреннего пространства очага из приготовленного раствора очажной глины делали плоские куски *мафтил радиф* (толщина 2-3 см), которыми выкладывали внутри стенки *кундаи оштона*, а затем их прибивали. Сам процесс носил название *сангкўб* [21, Ед.хр. № 15. Л.36; 117, С.46].

В Фане, Матче и Фальгаре универсальный очаг, называемый *оштон*,

представляет собой, как и ягнобский *инкир*, усеченный конус. Только в верхних кишлаках Фана (выше деха Такфон) он двухъярусный и называется *оштони бозудор*, а его нижний ярус *оштонча* служит для установления котла, верхний *оштон* – для выпечки на его стенках лепешек. В Кштуте, Завроне, Шинге, Магиане, в отличие от вышеперечисленных районов, бытовало два вида очага – один для приготовления пищи, а другой – для выпечки лепешек.

В настоящее время спрос на изготовление тануров и оштонов остается стабильно высоким. В Пенджикенте большой известностью пользуются изделия гончара Тиллобая Кучмуродова, которые включают в себя большие блюда для плова *тавоқ*, чаши *коса*, керамические горшки для цветов *гулдон* и другое. Многие гончары *кулогар* в наши дни занимаются изготовлением печей, которые имеют разные формы и названия в различных районах: *тандир*, *ошт(д)он*, *танур*, *инкир*, *чагдон*, *дегдон*. В работе мастера используют специальную глину *хок*, которую раньше привозили из Урметана, а в настоящее время – из селения Хурми Пенджикентского района. Славится своим искусством Ильёсходжа Мусоходжа, который помимо очагов с двумя братьями и сыном готовит очаги для приготовления пищи *оташдон* [180, 188].

Вышивальщицы *кашидадуз*, *гулдӯз*, мастерицы лоскутного шитья *гулбури* и плетения *бофтанӣ*.

Что касается женского рукоделия ремесел, то оно по-прежнему развивается в Верховьях Зарафшана, сохраняя характер домашнего ремесла. Среди них следует отметить мастера плетения *бофтанӣ*, вышивки *гулдузӣ*, *кашидадуӣ*, лоскутного шитья *гулбури*, *курамакорӣ*.

В настоящее время древнее ремесло плетения кистей для накосных украшений *чочпопуки*, *кокулсозӣ*, *пупаксозӣ* или *джамолаксозӣ* по-прежнему является искусством, весьма востребованным в Зарафшане. Подобные изделия состоят из пришитых к горизонтальной планке черных шелковых ниток с черными кистями на концах, украшенных фигурными бусинами и

куполообразными колпачками с золотыми подвесками и нитями *тиллопупак* или серебряными *нукранупак*. Их закрепляют на мелко сплетенных косичках *майдабофӣ* посредством пуговиц. *Пупак* и *чамолак* в основном различаются своим орнаментальным декором. Мастерница из Пенджикента Онабиби Рахимова и Мухаббат Гоибназарова из деха Кухдаман с детства занимаются изготовлением накосных украшений *кокул*.

Необычны по колориту и рисунку пенджикентские сузани с их редко встречающейся в таджикской вышивке сочетаниями бледной розово-коричневой гаммой цветов. В Зарафшане известны такие мастерицы золотого шитья *зардузӣ*, как уроженки г.Пенджикента Раджабова Махбуба (1955 г.р.) и ее дочь Зарина Джумаева (1980 г.р.), которая занимается изготовлением золотошвейной одежды для новобрачных и учит своему ремеслу молодых девушек. Мастерницы Абдурахмонова Мавлуда (1976 г.р.) и Рахмонова Париноз, которые научились искусству золотого шитья у своих матерей, преподают его в детской Школе искусств г.Пенджикента. К празднованию 5500-летию Саразма они со своими учениками подготовили изделия с изображением арфистки *духтариनावоз*, образ которой известен по стенным росписям Пенджикента, а также композицию «Невеста Саразма». Известными вышивальщицами покрывал *сузандузми* являются Анна Юсупова из селения Чинар, Мухиба Комилова, Санам Мухаббатова и потомственная мастерица Матлуба Аминова из г.Пенджикента [180, С.186].

Создание тесьмы *шероздузӣ* – особая область женского рукоделия в Зарафшане. Ее основу *таг*, *тагак* ткнут на специальном самодельном станке *коргоҳ*, *дастгоҳ*, на которой затем вышивают крестом растительные узоры. Вышивание мужских поясных платков *яккабанддузӣ*, которые повязывали поверх верхней одежды *чома* или *яктак*, *яктах* также особая область домашнего рукоделия. В первой половине XX в. основой поясов служили шелковые ткани, которые вышивали шелковыми нитками, благодаря чему изделия получили название *шоҳибофӣ*. Ныне такие платки вышивают на велюре, икате (атласе), шелке и других тканях.

Лоскутное шитье *гулбурӣ*, *қуроқдузӣ*, *карамадузӣ* в Зарафшане развито повсеместно и обучение этой технике шитья обязательно для всех девочек в каждой таджикской семье. Предметы лоскутного шитья являются обязательной частью приданного невесты и по настоящее время. Их наличие связывается с важными сакральными и семиотическими свойствами лоскутов, многочисленность которых в единой композиции, служит, согласно поверью, созданию крепкой семьи.

Посредством этой техники готовят одеяла *курпа*, тюфячки *курпача*, сумочки для хранения ниток, скатерть *дастурхони қуроқӣ*, подушки *болишит*, наволочки *қилди болишит*, свадебную занавесь *чимилиқ (чодар)*, покрывала на чайник *чойникпӯш*, мешочки для чая *қувздон*, оформляют детали одежды и многое другое.

В основном мастерицы Зарафшана используют два основных способа сшивания лоскутов: мозаичный и аппликативный, иногда вводят в композиции и вышивку. Прежде таджики в основном использовали атласные абровые ткани *адрас*, *беқасаб* в качестве фоновых, а *шоҳ-атлас* и *парчу* – в деталях. В настоящее время нередко наблюдается другая тенденция, когда *парча* и другие блестящие материи служат основой композиции.

Среди мастериц Зарафшана по изготовлению изделий в технике *гулбурӣ*, *қуроқа* следует отметить Собиру Рахимову из г. Пенджикента, которая унаследовала это ремесло у своей матери, а также Мурисбиби из деа Сохибназар джамоата Саразм. Первая, как и её мать, параллельно занимается изготовлением накосников *пупак* и шитьем мужской и женской традиционной одежды, ковроделием *гилембофӣ* [127, С.185; 180, С.183].

В данном разделе диссертации рассмотрены вопросы значения того или иного ремесла и промысла в различных регионах Верхнего Зарафшана, их состояние, представлено описание инструментов, материалов, хода работ, разделение труда согласно гендерному признаку, а также социальный статус мастера, обучение ремесленной деятельности в XX-XXI веках.

Анализ материалов исследования позволяет сделать ряд выводов по рассматриваемой теме:

1. Исследование архивных материалов, которые представлены в указанной рукописи выдающегося исследователя А.С.Давыдова, показало, что он детально провел свои изыскания в области отдельных ремесел и домашних промыслов второй половины XX века в Верховьях Зарафшана по социальному статусу ремесленника, связанному с хозяйственно-бытовым и производственным назначением ремесел. Исследования современных этнографов позволили значительно дополнить его анализ сведениями по состоянию ремесел и промыслов в данном регионе в настоящее время.

2. В Верховьях Зарафшана преобладало сельское ремесло в виду того, что городское хозяйство, кроме, как в г.Пенджикенте, было развито слабо.

3. Цеховая организация ремесла в Зарафшане существовала только в г.Пенджикенте, как и во всех больших городах Центральной Азии. В сельской местности мастер часто был многопрофильным специалистом и как правило, работал согласно заказу своих односельчан.

4.Только в г.Пенджикенте и больших деха Урметане, Рарзе и других проводилась процедура посвящения ученика в мастера *камарбандон*, когда подмастерье *шогирд* от своего *усто* получал право на самостоятельную деятельность. Большая же часть сельских мастеров обучались ремеслу в городе или же в больших селениях, где и проходили процедуру *камарбандон*. Женщины же обучались ремеслу исключительно дома и обретали необходимые профессиональные навыки от бабушек, мам и других родственников.

5. Ремесленники как социальная группа пользовалась уважением у своих жителей в городской и сельской местности.

6. Социальная страта ремесленников в структуре общества Верховьев Зарафшана была невелика, а доля малоимущих и даже бедных ремесленников была значительна. В силу этих обстоятельств многие из них не могли себе позволить содержать учеников и подмастерьев.

7. В сельской местности Верховьев Зарафшана существовала практика приглашения известных усто в деха для того, чтобы они выполняли заказы местных жителей. Случалось, что из-за падения спроса на рынке нате или иные изделия мастера, он ходил в разные селения с той целью, чтобы предложить свою продукцию.

8. В советский период число ремесленников значительно сократилось. Многие из них стали работать в бытовых комбинатах, а в сельской местности – в колхозе, получая трудодни. Само понятие «ремесленник» во многом утратило свое прежнее значение.

9. В настоящее время, благодаря указам Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона и правительственным постановлениям наблюдается определенный подъем в ремесленном секторе.

ГЛАВА III. ЭВОЛЮЦИИ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ВЕРХОВЬЕВ ЗАРАФШАНА В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

3.1 Этапы развития традиционных ремесел Верховьев Зарафшана на рубеже XIX – начала XX веков

По утверждению Ж.Б.Исомитдинова, в истории изучения ремесел и промыслов Центральной Азии XIX - начала XX веков прослеживается два этапа. Для первого этапа 70-80-е гг. XX века характерен просветительский характер рассмотрения смежных вопросов в связи с организацией выставочного дела в крае. Второй этап (середина 90-х годов XIX в. - до 1917 г.) отмечен усилением исследовательской направленности раскрытия состояния и перспектив развития кустарно-ремесленной промышленности.

По мнению Ж.Б.Исомитдинова, для историографии дореволюционного периода был характерен экстенсивный подход с вытекающим отсюда эпизодичным, стихийным и непоследовательным изучением объектов исследования, а изучение местных ремесел и промыслов имело явно кампанейский характер, велось периодически в связи с организацией выставочного дела в Туркестане [98]. Несмотря на такое категоричное утверждение Ж.Б.Исомитдинова, данные указанных источников остаются весьма ценными документами и позволяют проследить эволюцию ремесленного производства Верхнего Зарафшана на протяжении более одного столетия. Вне всякого сомнения, они служат важным материалом для проведения сравнительного изучения состояния ремесленного производства данного региона в историческом аспекте, определения его видов и эволюции их развития.

Первые научные сведения о традиционных ремеслах Верхнего Зарафшана, приведенные в трудах русских специалистов-филологов, историков, географов, ботаников, геологов, ботаников, путешественников и других экспертов, которые после присоединения Центральной Азии к России

начали исследовать Верхний Зарафшан, имеют особую ценность.

70-е года XIX века признаны выдающимся десятилетием в изучении ремесел и промыслов таджиков и других народов края. Об этом свидетельствуют организация Среднеазиатского отдела Всероссийской политехнической выставки 1872 г. в Москве, создание каталога экспонатов, подготовленных местными народными умельцами, выпуск «Промыслового альбома», издание брошюры М.И.Бродовского и отчет Н.Ф.Петровского и серия статей, включенных в научный сборник под названием «Ежегодник» [98].

Начальник горного Зарафшанского округа Г.А.Арандаренко считал, что основными мужскими профессиями в Пенджикенте и Ургуте были: мельники, гончары, кузнецы, плотники, мыловары, токари, ткачи, красильщики, набойщики, сапожники, медники, кондитеры, пекари, мастера ткацких станков, ткачи, изготовители свечей, маслобойщики, кожевенники и другие [49]. Экспедиция, возглавляемая генералом А.К.Абрамовым в Верховья Зарафшана и Фондарьи внесла огромный вклад в изучение материальной и духовной культуры горных таджиков второй половины XIX в., что отражено в трудах А.Д.Гребенкина, А.П.Федченко, А.Л.Кун и А.Мустаджира и др. Ими был зафиксирован также ряд ремесленных центров и их мастера. Так, А.Д.Гребенкиным были описаны ткацкое и вязальное, кузнечное, сапожное, шорное, седельное, красильное, гончарное, швейное дело, мыловарение, литье из чугуна, золотой, серебряный и медный промысел, вышивание и другие ремесла [66, С.511-514].

В отдельных селениях Верхнего Зарафшана, согласно его сведениям, функционировали ткачи-вязальщики, кузнецы, плотники, токари, мастера по вытёсыванию деревянных блюд *табақтарош*, валяльщики войлока *намадмол*, трепальщики шерсти или хлопка *наддоф*, гончары *кулолгар*, ткачи рогожи *рагзабоф*, маслобойщики *чувозкаш* и мастера, готовящие халву *халвогар*. Например, в селении Дар-Дар (80 дворов) занимались тканьем *карбоса*; в селении Искодар (100 дворов) трепанием хлопка и тканьем

карбоса; в селении Парз (90 дворов), Шаватки Поён (20 дворов) и Шаватки Боло (20 дворов), Пастигав и Хадишар (60 дворов) – тканьем карбоса; в селениях Ревомутк (60 дворов) и Ланглиф – старательскими работами; в селении Маргеб (30 дворов) – тканьем рогожи из овечьей шерсти [124, С.: 41, 53, 55, 65, 97, 143; 105, С.168-178].

В селении Пинён (долина Фондарья) А.Д.Гребенкин отметил печь для обжига гончарных изделий (*хумдон*). По его свидетельству летом для изготовления блюд и чашек иногда гончары прибывали сюда из городов Самарканда или Пенджикента и, продав свою продукцию, осенью уезжали. Он особо указал, что в Матчинском бегстве не было гончаров, там вытёсывали из дерева блюда наподобие кувшина, а кувшины для сохранения масла они приобретали в Истаравшане (Ура-тюбе). В каждой саде (административное деление) работали три-четыре кузнеца, которые изготавливали инструменты для хозяйственных нужд и также подковывали верховых животных [124, С.55-65].

А.Д.Гребенкин указывал, что «*джючи (джуги)*, по сохранившемуся у них преданию, пришли в Мианкал (Миянкол – междуречье Зеравшана и Даргома в округе Самарканда) при эмире Саиде (вероятно Хайдаре (1800-1826 гг.) со своей, как они считали, родины Гиссара, Зидди, реки Кофарнихон. Автор указывал, что они были известны, как земледельцы, мастера по обработке дерева (деревянные ложки, баки, корыта, вилы, лопаты), могли гнуть ободья для арб, точить ступицы, шить тюбетейки, пояса, делать оловянные кольца и прочее [98, С.210; 65, С.110-130].

Здесь следует вспомнить замечание известного таджикского этнографа А.С.Давыдова о том, что он встречался с цыганскими ремесленниками *люли* в 1958 году в деха Сангистон. Там, где не было местного производства деревянной посуды, это дело полностью становилось монополией бродячих мастеров из числа местных цыган *люли*. Они посещали Магиан, Шинг, но редко добирались до Матчи, ее верхних селений, жители которых пользовались привозной деревянной посудой из Каратегина [21, Ед.хр. № 15.

Л.42]. Если учесть тот факт, что известный этнограф проводил полевые исследования в Верхнем Зарафшане в середине XX века, то окажется, что бродячие мастера – цыгане продолжали свою деятельность на протяжении почти ста лет. Судя по записям А.С.Давыдова, они имели свой устав *рисола* деревообделочников, и в каждом селении проводили за работой от нескольких месяцев до года.

В 80-х годах XIX века подготовка к Туркестанской выставке 1886 г. в Ташкенте активизировала изучение ремесленно-кустарного производства таджиков. С середины 90-х годов XIX века началось специальное систематическое исследование ремесленного и кустарного производства Центральной Азии научно-просветительской общественностью Туркестанского края, которая считала, что «область кустарных промыслов края остается почти неизведанной» и наметила первоочередные задачи и круг узловых вопросов, подлежащих специальному изучению. По итогам работы официальной комиссии была издана книга «Отчеты и исследования по кустарной промышленности России» в нескольких томах [98, С.211].

Н.А.Кирпичников в 1897 году, сопоставляя состояние столярного промысла Самаркандской области разных периодов, писал, что «до завоевания края русскими, столяров в области было мало, что объясняется небольшим спросом со стороны туземцев на чистые столярные работы. Впоследствии, под влиянием русского спроса число столяров возросло во много раз и ремесло их с каждым годом все более распространялось. Вместе с тем, пользуясь указаниями русских заказчиков или работая у русских мастеров, изделия туземцев становятся лучше и лучше. Почти все столяры находятся в городах, причем большинство из них работает главным образом для русских потребностей» [107, С.110-162].

В конце XIX века местными умельцами по заказу российских представителей готовились различные по типу двери, оконные рамы, столы, табуреты, скамейки, шкафы, комоды, этажерки, вешалки и т.п. согласно европейским образцам, тогда как менее искусные мастера делали сундуки,

табуреты (сандали), двери, решетки для окон, точеные люльки и прочие мелочи «для туземных заказчиков». Однако Ж.Б.Исомитдинов считает это заявление спорным [97, С.106-112], по-видимому из-за того, что талантливые ремесленники могли изготавливать уникальные по художественному уровню предметы. В свою очередь известный краевед начала XX века князь В.И.Масальский писал, что лишь в больших городах имелись мастера-резчики, которые занимались традиционной работой [98, С.216].

Подобную информацию можно найти и в других трудах конца XIX - начала XX веков. В целом, русские путешественники, исследователи этого периода отмечали, что в Кухистане ремесло было развито слабо, а основными его видами были кузнечный, ткацкий, сапожный, плотничный, валяние кошм, маслобойное и мельничное дело. Наибольшее развитие получили соответственно те занятия, сырье для которых можно было сельчанам найти в природных ресурсах края или же в результате хозяйственной деятельности.

В целом, в Верхнем Зарафшане на рубеже XIX-XX веков функционировала целая сеть ремесленного и кустарного производства, правда, его центры располагались неравномерно на территории горного края, а качество изделий, по мнению описавших их исследователей, было в основном далеко не высокохудожественным, а функциональным.

Возможно, действительно к этому периоду уровень ремесел и промыслов, как и многие другие отрасли местной промышленности, вследствие сокращения спроса, кризисной ситуации и других условий, сильно упал. Об этом, например, свидетельствует таблица ремесел Пенджикента, подготовленная Н.О.Турсуновым. Она свидетельствует о весьма слабом развитии ремесленного производства притом, что список ремесел был достаточно разнообразным.

Статистические данные о динамике развития ремесленных заведений г.Пенджикента.

Ремесленники	1882—1884 гг.		Ремесленные заведения	1900 г.		
	число	выручка в год		число заведений	число работников	сумма производства
Кузнецы	8	75 руб.	Кузнечные	4	8	450 руб.
Медники	2	60 руб.	Жестяночные	1	2	150 руб.
Кожевники	1	50 руб.	—	—	—	—
Сапожники	4	40 руб.	Сапожные	5	7	450 руб.
Алочабофы	16	875 руб.	Шерные	1	1	70 руб.
Ткачи бязи	11	50 руб.	—	—	—	—
Мастера, выделявавшие прялки	3	30 руб.	Мельницы	2	4	400 руб.
Маслобойщики	10	600 руб.	Маслобойни	7	7	1310 руб.
Пекари	6	75 руб.	Хлебопекарни	6	12	600 руб.
Кондитеры	2	60 руб.	Толчеи	4	12	1200 руб.
Плотники	2	45 руб.	Плотничные	5	5	1200 руб.
Гончары	2	60 руб.	Гончарные	2	6	255 руб.
Всего:	67	2480 руб.		37	44	6055 руб.

Источник: Турсунов Н.О. Становление и развитие городского и сельского населения.-С.242.

Н.О.Турсунов проследил и процесс переселения ремесленников из центральных наиболее развитых районов на окраины и образование в старых ремесленных центрах Северного Таджикистана новых мелких промыслов, расширение тех, которые существовали здесь раньше в конце XIX - начале XX веков. В этот период отдельные шелкоткачи, ткачи, мастера по выделке полупуховых тканей, кузнецы, гончары и другие начали переселяться из Ходжента, Истаравшана, Канибадама в городки и селения, тем самым квалифицированным трудом совершенствуя и расширяя местную ремесленную сеть [164, С.266].

Главными характеристиками города Пенджикента было преобладание в его составе земледельческого населения, а ремесло было тесно связано с сельским хозяйством. Поскольку земледелие составляло главную основу его экономической жизни, именно оно имело приоритет, а не ремесло, которое набирало постепенно в период градообразования Пенджикента свою ценность и увеличивало объем своего производства.

Исследование проблем изменения, происходившие в содержании

городской жизни Северного Таджикистана позволило известному таджикскому этнографу Н.О.Турсунову прийти к заключению, что период конца XIX- начала XX веков стал новым историческим этапом в истории возникновения и развития оседлых поселений региона. Более того, автор пришел к выводу, что это историческое время стало основой развития капиталистического уклада, максимального экономического развития [164, С.269].

Пригородные селения Пенджикента представляли малые земледельческие поселения. Разница между городом и селениями проявлялось больше в степени товарности ремесленного производства в сельском хозяйстве. Торговля, как и ремесло, было слабо развито, хотя город Пенджикент служил важным коммерческим центром для Магиянского, Кштутского и Офтобруинского районов. Население названных районов привозили на пенджикентский базар продавать лес, древесный уголь, грубую бумажную материю, шерстяные ткани для халатов, мешки, гвозди для подбивки местной обуви. В Пенджикенте они приобретали хлеб и хлопок. Число постоянных торговцев не превышало 200 человек, а приезжих торговцев на пенджикентском рынке было не более 20-30 человек [164, С.242].

Согласно историко-этнографическим данным, в конце XIX - начале XX веков Пенджикент переживал процесс градообразования. Производившиеся в городе сельхозпродукция и ремесленные товары удовлетворяли потребности населения района. Но из ремесленных товаров лишь одежда выходила за пределы региона [164, С.245]. Кризисная ситуация в ремесле также была связана с мизерными потребностями земледельческого и скотоводческого населения в ремесленных товарах. Продукция домашних промыслов, прежде всего, готовилась для нужд семьи, но иногда родственников и знакомых.

Однако О.Шишов, например, указывал на то, что в этот период изделия отдельных центров и селений Верхнего Зарафшана отличались своим превосходным качеством. Так, по своей прочности и непромокаемости

превосходили других «матчинские армячные халаты» и фалгарские чулки, которые вывозились в соседние города [175, С.24].

Следует вспомнить замечания А.С.Давыдова, который в своих заметках о развитии ремесел Зарафшана, также не раз указывал, что весьма часто то или иное производство возникало в селениях благодаря приезжим мастерам (мужское гончарство в Урметане, *косаторошӣ* в деха Вору, пошив обуви и др.) К тому же после присоединения Центральной Азии к России многие жители стали ходить в города обучаться ремеслу, организовать у себя тот или иной промысел [21, Ед.хр. № 15. Л.35].

При активном развитии фабричной промышленности, импорта российской продукции в Центральную Азию характер профессиональной занятости населения Зарафшанской долины постепенно, но значительно стал меняться в конце XIX- первой половине XX вв. Кризис, вызванный импортом российской фабричной продукции «не обошелся без борьбы». Почувствовав опасную для себя конкуренцию, местные мастера стали выделять более прочные ткани, используя и возможности русских бумагопрядилен. Упадок в области шелкоткачества наблюдался потому, что цены на него выросли почти вдвое. К тому же мода на русский ситец значительно подстегнула местных ремесленников к изготовлению хлопчатобумажной материи.

Многие промыслы и ремесла одновременно начали исчезать, так как не был востребован их товар, следовательно, не приносил доход мастерам. К тому же, как верно заметил А.Д.Гребенкин, таджики-ремесленники в этот период удовлетворяют главное условие – дешевизну, поскольку масса потребителей округа была бедна и ценные произведения ей были не по средствам [65, С.22]. В силу этих обстоятельств посторонним наблюдателям местное кустарное производство представлялось весьма посредственным. Местные изделия стали проще и дешевле, но главные ремесла продолжали жить. Сравнительно медленно, но ремесло, предпринимательство и торговля в конце XIX - начале XX веков стали занимать определенное место в

социально-экономической жизни Верхнего Зарафшана.

Исследование политических и социальных изменений, происходивших в ремесленном производстве конца XIX - начала XX веков позволяет заключить, что данный исторический период стал новым этапом в истории развития ремесел Верхнего Зарафшана. В эту эпоху наступает новое время, связанное с развитием капиталистического уклада социума и его экономической основы, а, следовательно, во многом меняется характер производственной деятельности ремесленников региона.

3.2 Процесс институционализации традиционных ремесел и промыслов Верховьев Зеравшана в XX - начале XXI веков

Новый этап в развитии ремесел Центральной Азии в целом и Верхнего Зарафшана в частности начался с образования Советского государства и появления законодательства о профессиональной подготовке работников. В системе развития ремесленного производства и промыслов наступила новая эра, связанная с институционализацией этой сферы. Система кустарной промышленности значительно изменилась, так как ее развитие отныне стало определяться государственной политикой в области промышленности и культуры, а не частными заказами. Ремесленному производству стало уделяться больше внимания, и одним из первых постановлений ВЦИК стал декрет 1919 года о мерах по поддержке промыслов и мастеров.

В 1922 году было создано объединение Кустэкспорт, благодаря чему началась активная выставочная деятельность в стране и за рубежом. Все промыслы были объединены в систему промысловой кооперации. Понятие «народные художественные промыслы» появилось лишь в 1939 г. в постановлении Совета министров СССР. По сути, ремесленное производство стало делиться на три области: традиционное ремесленничество, художественные промыслы и производственная продукция.

В этот период частное производство изделий уже не поддерживалось

государством, а в некоторых случаях частники даже подвергались наказанию. Известны случаи, когда у мастеров отбирали станки, материал, чтобы они не занимались частным производством. Кризисная ситуация в период Великой Отечественной войны сказалась на развитии ремесел, многие из которых пришли в упадок.

Изменение социальных условий бытования народных ремесел закономерно привело к определенным трансформациям, отразившимся на характере ремесленного производства. Одновременно наблюдался процесс перехода ремесел и промыслов из сферы утилитарной в область сувенирного производства, начавшийся в середине XX века. В связи с этим начали исчезать многие традиционные формы народных изделий.

В конце 1950-х годов в результате реорганизации художественные промыслы были преобразованы в артели и разошлись по разным ведомствам. В целом они не оправдали ожиданий и вместо них стали создавать крупные фабрики по производству изделий народных художественных промыслов.

До середины XX века в Таджикистане шел процесс освоения новых тенденций в советской культуре, отличающихся от традиционных подходов. С 30-х гг. XX в. мастеров стали объединять в различные общества и артели, в единую структуру Союза художников страны.

В различных партийных документах и СМИ пропагандировались лозунги: «Для изучения национальной формы нужно все то, чем богаты таджикские кишлаки: ковровые рисунки, глина и, наконец, сами люди, их быт» [182]. Бюро ЦК КП Таджикистана поручило Союзу советских художников Таджикистана и Наркомпросу организовать летом 1935 г. экспедицию по сбору материалов народного искусства (орнамента, сюзана, вышивок, керамики и т.п.) с целью создания достаточных условий для развертывания творческой работы Союза художников [7, Ед.хр. №7. XI. № 2444].

В 1937 г. готовилась выставка народного творчества к 25-летию пролетарской годовщины, в связи с чем художники были командированы в

различные регионы республики. Творчество отдельных мастеров было представлено и на Всемирной выставке в Париже (1937 г.) [185].

В целях пропаганды традиций народного художественного мастерства (резьба по дереву, керамика и роспись) Союз советских художников республики добился восстановления ранее действовавших мастерских в г.Истаравшане (Ура-Тюбе) и Гиссаре. Союз стал инициатором создания художественных кружков в отдельных госпиталях и при Доме Красной Армии в Сталинабаде. Всего в 40-х годах было организовано 10 выставок живописи, графики, скульптуры и народного мастерства. Художники и народные мастера Таджикистана приняли участие в трёх Всесоюзных художественных выставках [176, С.54].

В 40-е года XX века творчество народных мастеров, в том числе и керамистов, по-прежнему было в центре внимания, как властей, так и профессиональных художников нового искусства. Так в 1940 г. народное искусство республики было представлено наряду с современным изобразительным искусством во время декады таджикского искусства в Москве [183]. В 1943 и 1945 годах оно соответственно демонстрировалось в столице на выставке изобразительного искусства, а также Всесоюзной выставке [186; 184].

В первой половине XX века промышленная индустрия страны только зарождалась, а кустарные промыслы еще не были способны дать начало производству новых изделий, необходимых, как в различных областях народного хозяйства, так и в быту, экспозиционной деятельности. Помимоэтого женщины стали меньше заниматься домашним рукоделием, гончарством из-за отсутствия хороших красок, а также из-за их занятости на полевых работах в колхозе [82, С.158].

С середины XX века процесс культурного развития в СССР начал обретать конкретные национальные черты, что вело к возрождению ремесел. Быстрое развитие получает местная и промысловая промышленность. В системе промкооперации остались швейная, шелкоткацкая, пищевая и ряд

других производств. Во всех уголках республики были созданы промкомбинаты и артели. Работники промысловой кооперации выпускали многие виды продукции, среди которых были и художественные изделия (сюзаны, ковры, тюбетейки, керамические произведения), которые получили признание и высокую оценку на международных ярмарках в Лейпциге в 1957 г., в Загребе в 1958 г.

В 50-е годы XX века в стране заработал Республиканский дом народного творчества Таджикской ССР. Также музеи – республиканский в Душанбе, два областных в Ленинабаде и районный в Пенджикенте – стали закупать изделия промыслов и ремесел в различных районах республики. Началась активная экспозиционная и выставочная деятельность. Так, в Москве в 1957 г. во время декады таджикского искусства и литературы демонстрировались все виды и жанры изобразительного искусства, в том числе и народные ремесла.

60-е годы XX века в СССР стали переломным периодом в развитии традиционных промыслов. Интересные сведения по организации и проведению работ с мастерами в Таджикистане приведены в статье Е.Ермаковой, которая опубликовала отдельные документы из архива известного художника и искусствоведа И.А.Жданко. Она с 1965 по 1990-е годы работала в Комиссии по народному искусству при Союзе художников СССР (СХ СССР) и [88, С.58-72]. часто посещала Центральную Азию, Таджикистан. Здесь И.А.Жданко активно собирала керамику для Художественного фонда СХ СССР, которая впоследствии была передана Музею Востока и Музею Царицыно.

Период 60-70-х гг. отмечен особым расцветом ремесел и промыслов. В отличие от мастериц многие ремесленники стали членами Союза художников Таджикистана, но участвовали в различных республиканских, союзных и международных выставках они совместно. Таджикские мастера стали работать в объединениях «Дилором», «Гулдаст», «Таджикмехзавод», на фабрике «Армугон», в различных бытовых комбинатах, на дому.

Керамисты работали в артелях и в отделении Художественного фонда республики, успешно развивая традиции местных школ. Как пишет Е.Ермакова, основываясь на документах, в это время И.А.Жданко и ее коллеги не только собирали современную ремесленную продукцию, но и прилагали невероятные усилия, доказывая право этих работ называться искусством. Они устраивали выставки, выступали на собраниях разного уровня, публиковали статьи в прессе, оказывали реальную помощь мастерам через республиканские художественные фонды, в том числе указывая на недостатки в их работах [88, С.60].

Творчество народных мастеров, в основном мужчин, работавших на гончарном круге, стало широко востребовано. Поливная керамика, покрытая глазурью, по-прежнему развивалась в равнинных районах севера Таджикистана: Зарафшане, Фергане, Гиссаре. Исторически возникшая позже лепной, в форме ремесла, она была всегда связана с городом и коммерцией. Лепная же керамика была предназначена, в основном, для хранения воды и продуктов, а поливная – для еды.

В своей архивной справке И.А.Жданко пытается объяснить, что особую художественную ценность имеют изделия тех мастеров, которые сохраняют самостоятельность, поскольку именно их работы отличаются самобытностью художественного стиля в отличие от изделий артелей и предприятий, находящихся в системе местной промышленности. Ведь в товариществах разного рода и государственных фабриках над мастером тяготеет план, массовый поток продукции. Здесь ручная работа приравнена к машинной, существует низкая оплата труда – все это ведет к снижению художественного уровня или потере мастеров, которым выгоднее искать другую работу, чем продолжать заниматься ремеслом [88, С.61].

Согласно постановлению Совета Министров СССР № 757 от 17.09.1966 г. в Союзе художников была создана специальная комиссия по народному искусству, что было необходимо в эстетическом отношении, чтобы поддерживать художественный уровень народного искусства. В 70-х гг. XX

века вышло другое постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» в системе Художественных фондов. Однако, понятие «народный мастер» нуждалось в определении, чтобы отличить его творчество от работ ремесленника-кустаря или самодеятельного художника.

Институционализация творческой деятельности мастеров имела свои характеристики. В Таджикистане существовали гончарные артели, например «Новобод» в Худжанде (Ленинабаде), выпускавшие «художественные» блюда. Практически не было создано особых условий для деятельности ремесленников в разных центрах, в том числе и в Верхнем Зарафшане. Часто мастера работали в каких-то производственных мастерских и лишь в свободное время занимались ремеслом, в связи с чем постепенно отдельные кустарные промыслы стали исчезать.

И.А.Жданко особо отмечала, что в работе с народными мастерами республиканские и центральный Худфонд при Союзе художников в Москве ставили перед собой и республиканскими Худфондами единые задачи:

- выявление народных мастеров и организация экспедиций для изучения народного искусства;
- организация производственных мастерских при республиканских Худфондах;
- создание должностей инспекторов-искусствоведов при Худфондах;
- обеспечение реализации продукции и заключение договоров с мастерами;
- разработка инструкции по реализации продукции;
- обеспечение мастеров транспортом для вывоза продукции и работы инспекторов;
- правовая защита народного мастера;
- формирование отношения к деятельности народных мастеров как к искусству;
- восстановление системы ученичества;
- координация совместных усилий организаций, занимающихся

народным искусством;

– проведение творческих конференций, семинаров и выставок [88, С.62].

21 сентября 1973 г. были приняты сразу два постановления Совета Министров Таджикской ССР, касающихся авторских прав. Первое из них за № 309 «Об авторском вознаграждении художникам и народным мастерам за создание образцов сувениров и художественных изделий, и использование их в промышленности» устанавливало ставки авторского вознаграждения и нормы, касающихся произведений авторов, образцов сувениров и художественных изделий. В них было указано, что авторское вознаграждение за создание и вознаграждение за первый тираж произведений, созданных в порядке выполнения служебного задания, не выплачивается.

Вторая норма касалась количества изделий, изготавливаемых по решению Художественного совета Министерства местной промышленности Таджикской ССР, предусмотренных годовым планом предприятия. Однако многие предприятия не выполняли свои планы выпуска тех или иных изделий. Все это свидетельствует о достаточно сложной ситуации, сложившейся в ремесленном производстве страны.

Успешная реализация отдельных мероприятий способствовала отчасти расцвету и подъему народного искусства в СССР в 70-80 годы XX века. В этот период стали строить заводы и фабрики по производству сувенирных изделий, оборудовать их за государственный счёт. В Таджикистане в тот период местный Худфонд вел постоянную работу по укреплению связей с народными мастерами, а также проводил деятельность по сохранению и развитию национального искусства. Вопросы творчества мастеров неоднократно рассматривались на заседаниях Правления фонда. Ремесленники привлекались к оформлению интерьеров, например, в Зарафшане. Они участвовали в создании декора в интерьере гостиницы «Пенджикент». К большому сожалению, только мастерам, работающим в системе Худфонда, содействовали в получении и снабжении сырьем, дровами, упаковочными материалами. Ремесленникам, готовящим свои

изделия индивидуально, подобная помощь не оказывалась.

Наряду с этим, работниками Худфонда, постоянно выявлялись кустари в разных районах республики, которые вместе с известными мастерами могли участвовать на многочисленных Республиканских и Всесоюзных выставках: выставка «Художники – народу», VI-VII Всесоюзные выставки-продажи в Центральном салоне-магазине Худфонда СССР и др. Также решался вопрос о реализации ремесленных изделий через салон-магазин. С целью сохранения индивидуальных произведений народных мастеров в 1984 г. в Худфонде Союза художников Таджикистана был создан ассортиментный кабинет с постоянно действующей экспозицией.

В 1970-80 годы проведение выставок народного искусства в столице Москве, других городах СССР и за рубежом рассматривалась как одна из важнейших задач Союза художников Таджикистана, служащая делу пропаганды советского образа жизни и многонациональной культуры страны. Для их подготовки различные государственные структуры оказывали помощь. Со всей страны привозили работы народных мастеров, которые были показаны в 80-е гг. в Алмате, Ташкенте, Горьком (Нижнем Новгороде) [142, С.80-82].

Важным пунктом в деятельности Союза художников Таджикистана и его Худфонда были встречи с художниками в различных районах республики. Так, например, в 80-е годы состоялись встречи живописцев К.Едгорова и М.Бекназарова с жителями деха Пастигаф, Ходишахр, Рогиф, Гузи Матчинского района в Верховьях Зарафшана [182].

Важнейшим инструментом работы с народными мастерами на местах стало открытие производственных мастерских Художественного фонда. Но там, где проживали мастера, необходимо было создавать условия для их творческой работы, поскольку мастерские при колхозах и совхозах наносили вред народному искусству. Без эстетического контроля Союза художников работа значительно снижалась, что приводило к вырождению мастерства и выпуску ширпотреба.

В мастерских Худфонда должны были быть созданы условия для творческой работы. Для этого требовалось: сокращение трудностей для колхозников, право на приусадебный участок, льготы на коммунальные услуги, выделение сырья (для ювелиров разрешения работать с серебром дома по упрощенной отчетности), помощь с оборудованием, снижение налога, избавление от производственного плана на продукцию. Чтобы привлечь народных мастеров в мастерские Худфонда, необходимо было обеспечить их оборудованием, материалами и заказами, например, привлекать к оформлению общественных зданий и созданию сувенирной продукции, в том числе и на экспорт. Для подъема авторитета лучших народных мастеров необходимо было принимать их в члены Худфонда вне зависимости от места их работы, что не всегда делалось [88, С.67].

В труднодоступных районах рекомендовалось внедрять надомную систему работы с народными мастерами и организовать доставку их продукции централизованно через республиканский Худфонд. Однако реализация этих постановлений не всегда проводилась успешно. Особенно острыми оставались проблемы с транспортом, доставкой изделий в Худфонд, возвращение изделий мастеру после закрытия выставок, а также получение гонораров.

Известный гончар из деха Урметан Ходжаев Рахмат (1914 г.р.) изготавливал зелено-коричневую бытовую керамику. Он сохранял привязанность к традиционным формам керамики, совершенствуя ее технологию и используя под глазурную роспись. В своем письме к И.А.Жданко он сообщал, что заключил договор с Худфондом Таджикистана, но местные власти не спешат обеспечить его дровами для обжига. Происходило это потому, что местный Худфонд разрешение на выдачу дров получил, но не предоставил транспорт. В силу этих причин мастер остался без топлива для обжига изделий. Подобных моментов было много. Например, были случаи, когда ремесленникам не выплачивали гонорар или терялись их изделия, которые они предоставляли для той или иной выставки

[88, С.68].

Во второй половине XX века, некоторые мастера отказывались брать учеников, поскольку молодежь не стремилась обучаться кустарной работе, а хотела приобрести более престижные специальности. К тому же в этот период отделение народного искусства Республиканского художественного училища им. М.Олимова (сейчас Государственный художественный колледж М.Олимова) в Душанбе выпускал художников, которые получали дипломы и работали в различного вида художественных ремеслах. Для их обучения привлекались известные мастера, например, знаменитый художник по росписи *наққош* М.Олимов, резчик по дереву *кандакор* С.Нуритдинов и другие.

В своем письме от 20 мая 1975 г. известный советский этнограф Н.Н.Ершов верно подмечает, что утрата традиционной системы ученичества, ведет к разрушению традиции, если даже известный мастер отправляет своего сына в Художественное училище, а не учит его сам. Поэтому республиканские Союзы художников призывали организовывать производственную практику в мастерских ведущих мастеров, чтобы восстановить традиционную систему наставничества [88, С.66].

Для мастеров-колхозников необходимо было добиваться правовой защиты, сокращения трудодней, права на приусадебный участок, льгот на коммунальные услуги, пенсий, выделения сырья (для ювелиров – разрешения работать с серебром дома по упрощенной отчетности), помощи с оборудованием, организации производственной практики (для развития системы ученичества).

В обязанности мастерских при республиканских Худфондах входила реализация продукции и заключение договоров с мастерами, которым заказаны работы. Основная работа с народными мастерами возлагалась на плечи инспекторов-искусствоведов при Худфондах, которых необходимо было обеспечивать транспортом для поездок к мастерам в отдаленные районы и вывоза продукции. Инспектора собирали работы для выставок,

делали заказы, отправляли работы в Москву на выставки и в Центральный художественный салон на реализацию. Работа эта была очень непростой, поскольку инспектор отвечал перед мастером, брал у него работы под расписку, отчитывался перед Союзом художников за выполнение заказов и т.п. [88, С.68].

В 70-80-е годы XX века в Таджикистане появились предприятия, сыгравшие важную роль в возрождении производства ремесел в стране: фабрика «Армугон» и лакокрасочный завод в Душанбе; фабрика надомного труда с цехом национальных музыкальных инструментов в Ленинабаде (Худжанде); Аштское объединение мастериц-надомниц по производству изделий народных художественных промыслов и другие. Подобная политика определила рост производства валовой продукции предприятий местной промышленности в 70-е и последующие 80-е годы XX века [142, С.78].

Союз художников и Художественный фонд Таджикистана вели постоянную работу по укреплению связей с народными мастерами, по сохранению и развитию традиционного искусства. Ежегодно практиковались выезды к мастерам с целью выяснения их нужд, условий труда, возможности исполнения заказов. Вопросы деятельности народных мастеров неоднократно рассматривались на заседаниях правления Художественного фонда. Художникам, работавшим в системе Худфонда, оказывалась посильная помощь в снабжении необходимым сырьем, дровами, упаковочными материалами. Если в 1950-1970-е гг. растопка печей производилась соляркой, то с 1970-х все таджикские мастера перешли на газовое топливо. Материалы последнего съезда Союза художников в 1987 г. сохранили интересную информацию о распределении обязанностей между членами. Согласно ей работу с гончарами вел С.Мавлянов, а С.Нуритдинов – с народными мастерами, обработчиками дерева [142, С.81].

Изделия ремесленников страны широко экспонировались на Всесоюзных и Республиканских выставках, например, «Художник – народу», VI-VII Всесоюзных выставках-продажах в Центральном салоне-магазине

Худфонда СССР. В 1983 г. восемь мастеров были награждены Почетными грамотами Президиума Правления Худфонда.

В 80-е годы XX в. план производства изделий народных мастеров, хотя и не выполнялся каждый год, но со временем значительно возрос. В целях сохранения произведений народных мастеров в 1984 г. в Худфонде был создан ассортиментный кабинет с постоянно действующими экспозициями. К 1987 г. в выставочных фондах Худфонда Таджикистана находилось изделий прикладного искусства 428 штук на общую сумму 137 363 руб. Важной областью работы фонда явилось исполнение заказа фирмы «Ипармувезцети Валллат» по организации выставки-продажи изделий традиционного творчества таджиков в Венгрии [142, С.81].

При осуществлении эстетического контроля Союз художников и Худфонд должны были помнить не только о высоком художественном уровне работ народных мастеров, но и о сохранение чистоты стиля, о недопустимости нивелировки и использования чужеродных эталонов. Механизация процессов и разделение труда, использование готовых образцов продукции вредили развитию народного искусства, превращали мастера в исполнителя.

Союз художников Таджикистана постоянно участвовал в семинарах, конференциях, совещаниях по проблемам народного искусства, проводимых различными министерствами и ведомствами и прежде всего Министерством легкой и местной промышленности республики. В 1984 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» в системе Художественного фонда в связи с тем, что в декабре этого года должна была пройти Всесоюзная выставка произведений декоративно-прикладного искусства, народных художественных промыслов СССР в Москве в Центральном выставочном зале.

Союз художников Таджикистана оказывал шефскую и консультативную помощь Домам культуры районов в проведении Всесоюзного смотра самодеятельного художественного творчества, посвященного ВОВ (1985 г.),

имел договор о культурно-шефской работе с совхозами. Его комиссия по народному искусству оказывала помощь в работе методистам Республиканской комиссии самодеятельного народного творчества. Кроме того осуществлялись постоянные выезды ее сотрудников в различные районы республики для ознакомления с работой народных мастеров и оказания им помощи.

В 80-е гг. XX века проводилась работа по созданию картотеки и диатеки по современному народному искусству. Такая широкая деятельность по фиксации и регистрации ремесленников велась во многом благодаря усилиям известного керамиста В.Одинаева, который в 1982-1987 гг. являлся председателем комиссии по работе с народными мастерами. Однако оставалась нерешенной проблема создания мощной материальной производственной базы для развития пластики [142, С.80].

Разнообразные вернисажи являлись мощным стимулом для развития народного искусства, а участие в выставках было престижно для мастеров. В 1978 г. в Республиканском объединенном музее историко-краеведческом и изобразительных искусств им. К.Бехзода в Душанбе состоялась республиканская выставка народно-декоративного искусства и художественных промыслов, где были представлены резьба и роспись по дереву, вышивка, керамика, ткачество, вязание и плетение, роспись тканей, художественная обработка металла, стекла, камня, музыкальные инструменты [148]. В экспозицию включили и керамические изделия Рахмата Ходжиева (род. 1914 г.) из деха Урметан. В 1986 г. в г.Москве в Центральном доме художника состоялась выставка «Народные художественные промыслы СССР». С целью организации экспозиции Таджикистана республиканский Союз художников организовал выезды в районы и отобрал произведения народных мастеров для выставки.

После выставок, как правило, работы часто закупались государственной закупочной комиссией и распределялись по музеям. Например, в собрании Музея Востока достаточно широко представлено творчество мастеров из

Таджикистана, в том числе и гончара Рахмата Ходжаева, которые экспонировались в разных странах, и еще не раз показывались на выставках [88, С.65].

Кроме Союза художников и Худфонда вели работу по развитию народного искусства в Таджикистане, также и Дом народного творчества, отдел этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Выдающиеся советские этнологи производили закупку различных изделий ремесленного производства во время экспедиций в разные районы Таджикистана. Именно они в настоящее время представлены в Музее этнографии им. М.С.Андреева Национальной академии наук Таджикистана. Несомненно, все вышеперечисленные акции, несмотря на свою идейную, пропагандистскую подоплеку, во многом способствовали сохранению традиционной культуры таджиков, выявлению талантов и одновременно достаточно высокому уровню развития ремесленного производства в стране.

Рассмотренный в данном разделе материал позволяет прийти к следующему заключению. Все акции, предпринятые в XX веке с целью сохранения этнической культуры таджиков, несмотря на свою идейную, пропагандистскую подоплеку и отдельные недостатки во многом способствовали сохранению традиционной культуры, выявлению талантов и одновременно достаточно высокому уровню ремесленного производства в Таджикистане.

3.3. Развитие ремесел Верховьев Зарафшана в начале XXI века.

После распада СССР каждая из его республик столкнулась с различными проблемами политического, экономического, социально-культурного характера. Требовалось вновь налаживать структуру народного творчества, которую невозможно было восстановить без поддержки государства. Военное противостояние 1992-1997 гг. оказало негативное

влияние на развитие кустарных промыслов. Многие мастера перестали заниматься творчеством, другие выехали за пределы страны.

В самом начале 90-х гг. XX века посильную помощь развитию традиционных ремесел и промыслов страны еще оказывали Министерство культуры, Республиканский научно-методический центр. Союз художников в силу своих возможностей продолжал осуществлять шефскую работу в различных районах республики, что позволило выявить несколько новых имен в традиционном ремесленном производстве. Однако, вскоре в связи с вооруженным конфликтом на территории страны, резкого снижения финансирования эти ведомства перестали выполнять свои прежние шефские функции, принимать участие в выявлении новых имен ремесленников, обеспечении их заказами, в пополнении фондов музеев новым образцами народных изделий. Мастера столкнулись с проблемами коммерциализации культуры, отсутствием спроса на их изделия, а знания в области маркетинга и менеджмента у них еще не появились. Кустарное производство утратило свою значимость, так как снизился спрос на продукцию мастеров в связи с ростом рынка изделий из пластика, других искусственных материалов, широко представленных на базарах. Только отдельные мастера продолжали свою творческую деятельность [130, С.68].

В целом спад в народном хозяйстве страны, несовершенство социально-экономических структур, неразвитость культурной сферы в 90-е гг. XX в. экономический кризис значительно сдерживали развитие ремесел. Переход к свободному рынку вызвал кризис в производстве, разброд среди многих, не готовых к новым условиям, поскольку большая часть творческих работников не обладала достаточным знанием коммерческих отношений, менеджмента и финансовой системы, пониманием альтернативных источников дохода, которые могли бы поддержать их деятельность.

Правительственные постановления, принятые в советский период, утратили свою актуальность в условиях свободного предпринимательства. Первая концепция развития культуры, принятая в годы независимости (1992

г.) отличалась узостью рассматриваемых проблем и ограничивала сферу взаимосвязей Таджикистана пределами исламской уммы.

Позже Правительством Республики Таджикистан был принят ряд законов, программ и концепций, в которых нашли отражение проблемы ремесленничества. Принятый 25 июля 2003 года Закон Республики Таджикистан «О народно-художественных промыслах» не предусматривал остро-необходимых льгот по уплате налогов ремесленниками. Был подготовлен и ряд других правительственных постановлений и указов. К ним могут быть отнесены «Концепция развития культуры Республики Таджикистан» от 30 декабря 2005 года за № 501; «Программа развития культуры Республики Таджикистан на 2008-2015 годы» от 3 марта 2007 за № 85; «Программа развития народно-художественных ремесел в Республики Таджикистан на 2009-2015 годы» от 31 октября 2008 за № 513. Вторая за годы политической независимости концепция развития культуры в Таджикистане (2005 г.) отличалась большей открытостью и соответствовала нормам международного права. В 2014 г. впервые в истории республики, должен был быть представлен депутатам таджикского парламента законопроект о ремесленничестве, однако он был отклонен.

Единственным обучающим центром в сфере ремесленничества оставался Государственный Художественный колледж им. М.Олимова в г.Душанбе, где функционировало отделение народного творчества (отделение прикладного искусства). Навыки, полученные учащимися, позволяли им работать со студенческой скамьи, дали возможность выжить в непростых условиях рыночной экономики.

Обучением ремесленников стала заниматься Ассоциация организаций, поддерживающих ремесла в Центральной Азии (CACSA), которая в течение многих лет реализует различные проекты по поддержке и развитию традиционной культуры и ремесел в Кыргызстане, Казахстане, Таджикистане и Узбекистане. Но этого было совершенно недостаточно.

Определенную помощь в возрождении ремесел стали оказывать

различные посольства в г. Душанбе, международные организации, особенно те, которые занимались гендерными проблемами с целью содействия женщинам, многие из которых стали главами хозяйств и в одиночку справлялись с проблемами.

В 2007 году местная общественная организация АППР НАУ и неправительственная организация Welt Hunger Hilfe, работающая в Таджикистане с 90-х годов, начали проект по развитию туризма, основанного на сообществах в Зарафшане. Финансовая поддержка для осуществления координации и создания связи между частным сектором, сообществом и государственными структурами, как на местном уровне, так и на национальном была оказана и со стороны Европейской Комиссии.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон объявил 2018 год в стране Годом развития туризма и народных ремесел. Выступая с Посланием Парламенту страны 22 декабря 2017 г. Лидер нации отметил, что Правительству страны необходимо для развития народных ремесел через Фонд поддержки предпринимательства широко практиковать выдачу льготных кредитов предпринимателям и ремесленникам. С целью стимулирования населения в деле производства и потребительских товаров на дому, и развития народных ремесел Лидер нации освободил от выплаты всех видов налогов реализацию таких товаров.

Через год Глава государства обозначил 2019-2021 года «Годами развития села, туризма и ремесел». Им были даны указания по освобождению ремесленников Таджикистана от налогов. В своем послании Парламенту республики Эмомали Рахмон подчеркнул, что объявление «Года развития туризма и народных ремесел» в 2018 г. дало серьезный импульс осознанию важности этой сферы в социально-экономической жизни народа, развитию туризма. Наконец, в 2019 г. был принят Закон Республики Таджикистан о ремесленничестве (20 июня 2019 г., № 1619), который определил организационные, правовые, экономические, социальные основы, задачи и основные принципы государственной поддержки ремесленничества

[1, № 1619].

Однако, чтобы в полной мере достигнуть намеченных целей, одного года оказалось мало. Основной целью предложения Президента на следующие три года, было осуществление усилий правительства страны по еще большему обустройству Таджикистана и решению социальных вопросов населения путем улучшения инфраструктуры. Прежде всего, в сферах образования и здравоохранения, создания рабочих мест, обеспечения сельских жителей качественной питьевой водой, строительства и реконструкции местных дорог, развития туристической инфраструктуры и народных ремесел, повышения уровня услуг и благосостояния народа в каждом селе и населенном пункте [193]. Чрезвычайно важно, что ремесленники получили послабления в налоговой сфере и были освобождены от налогов. Все эти решения главы государства значительно оживили ремесленное производство, поскольку его развитие зависит от состояния и инфраструктуры сел и туризма, хороших дорог, коммуникаций. Все это может содействовать процветанию, популяризации народного творчества таджиков, обмену между регионами и т.д.

Президент страны призвал председателей областей, городов и районов взять на себя прямую ответственность за ускорение работ по созиданию и благоустройству, развитию сельской инфраструктуры, туризма и народных ремесел, привлечению с этой целью отечественных и зарубежных инвестиций.

В рамках реализации программ, посвященных году развития туризма и народных ремесел, благодаря поддержке Хукумата г.Душанбе Союз ремесленников Таджикистана открыл выставочный зал UCT Showroom и запустил официальный интернет-портал www.tajikartisans.com. Интернет-портал ремесленников представляет собой информационную площадку, где можно узнать о самой организации, ее членах и партнерах, актуальные новости.

Календарь событий на сайте позволит узнать о предстоящих фестивалях

и ярмарках ремесленников. Помимо этого, посетителям портала предоставляется возможность ознакомиться с национальными изделиями ремесленников всех регионов Таджикистана [191].

Согласно указанию Президента страны Эмомали Рахмона, в различных регионах страны возникли разнообразные инициативы. Так, согласно решению главы города Худжанда Маъруфа Мухаммадзода «Об учреждении и выделении грантов председателя города по поддержке и развитию предпринимательской деятельности женщин-ремесленниц в 2018 году», были учреждены 40 грантов, в том числе 5 грантов в размере 8 тысяч сомони, 10 грантов в размере 5 тысяч сомони и 25 грантов в размере 3 тысяч сомони, что в сумме составляет 165 тысяч сомони. Подобные инвестиции и финансовая поддержка позволят успешно развивать уникальные традиции художественного наследия таджикского народа.

Для реализации грантовой программы отделам по делам женщин и семьи, инвестиций и управления госимуществом, по делам молодежи и спорта администрации города и другим соответствующим структурам поручалось предпринять необходимые меры для проведения организационно-правовых, технических, информационных и агитационных мероприятий [192].

Благодаря широкой государственной поддержке народное творчество получило важный импульс для своего развития, хотя многие проблемы, связанные с ним, так и остались нерешенными. Прежде всего, это касается создания основательной материальной и технологической базы. В силу этих обстоятельств некоторые виды народного творчества все же постепенно начали исчезать.

Свободное творчество мастеров, адаптация их к условиям рыночной экономики часто приводит к потере исконных народных традиций и особенностей стиля. Теперь реже можно встретить изделия народного искусства, а чаще произведения художественных ремесел, которые имеют характер сувениров. Многие мастера подстраиваются под вкусы туристов и

предлагают как бы свои импровизации на темы традиционных видов творчества таджиков. Таким образом, на современном этапе актуальной становится проблема сохранения самобытной, исконной природы таджикского народного искусства в целом.

К тому же широкий ассортимент импортных фабричных изделий из пластмассы, различных искусственных материалов (особенно из Китая), которые подражают стилистике таджикского народного творчества, местных ремесленников. В связи с этим снизился спрос на продукцию местных мастеров.

Проблема освоения различных профессий ремесла также стоит настолько остро, что Президент страны посчитал первостепенной задачей обеспечение жителей рабочими местами и привлечение их к освоению технологических данных. Между тем в отельных странах Европы и Востока ремесленничество приносит значительный доход мастерам и является одним из самых развитых и распространенных видов предпринимательской деятельности.

Современная система образования ремесла должна включать в себя не только познание секретов ремесла по традиционной схеме усто-шогирд, но и давать базовые знания в области маркетинга, дизайна.

Обучающие тренинги в основном проводят различные международные организации или же местные эксперты при их содействии. В самой стране таких национальных программ мало, не считая отделений народного творчества в Таджикском государственной художественном колледже им. М.Олимова и Таджикском государственном институте изобразительного искусства и дизайна.

Специализированное учреждение ООН UNIDO (ЮНИДО) было образовано с целью содействия и ускорения инклюзивного и устойчивого промышленного развития, и продвижения международного промышленного сотрудничества. Проект «Модернизация и повышение конкурентоспособности сектора ковроткачества, вышивания и текстиля в

Таджикистане» реализуется в сотрудничестве с Министерством промышленности и новых технологий Республики Таджикистан при финансовой поддержке Российской Федерации. В рамках проекта ЮНИДО был проведен анализ рынков домашнего текстиля, ковров ручной работы, сувенирной продукции и аксессуаров. Согласно предварительным результатам, основной спрос на эти виды продукции был зафиксирован в странах Центральной Азии, России и ОАЭ.

Проект ЮНИДО в Таджикистане выступил соорганизатором Республиканского фестиваля атласа и адраса – 2021 г. в гостинице «Науатт Регенси Душанбе». Согласно главному условию фестиваля-конкурса, во всех изделиях должны были быть использованы только ткани местных производителей, среди которых: ООО «ДУК», ООО «Атласи Хучанд» и ООО «Адраси Душанбе». Первый шоу-рум таджикского бренда LA'AL Textiles открылся в гостинице «Душанбе» 15 марта 2021 г., в котором был представлен весь ассортимент продукции, включая «eco-friendly» – ковры ручной работы, домашний и интерьерный текстиль, дамские аксессуары из традиционных тканей и кожи, сувенирные и ювелирные изделия. Проект ЮНИДО в Таджикистане оказывает прямую техническую и экспертную помощь предприятиям-бенефициарам, работающим в секторе ковроткачества, вышивания и текстиля. В частности, проект был нацелен на укрепление сырьевой базы и налаживания прямых контактов между производителями конечной продукции и местными производителями первичного сырья [195].

Во время пандемии в 2020 г. национальные эксперты ЮНИДО, специализирующиеся на текстильном производстве и стандартах качества, провели мастер-классы по изготовлению медицинских масок для новых сотрудников предприятий ГУП «Гулдастон» и ООО «Суман». Оба предприятия являются партнерами ЮНИДО в рамках проекта «Модернизация и повышение конкурентоспособности сектора ковроткачества, вышивания и текстиля Республики Таджикистан». Проект

осуществляется совместно с Министерством промышленности и новых технологий Таджикистана. Мастер-классы для ГУП «Гулдастон» и ООО «Суман» входят в серию мероприятий, разработанных в соответствии с потребностями компаний усовершенствовать профессиональные навыки работников [195].

В свою очередь местные ассоциации, такие как Национальная ассоциация деловых женщин Таджикистана (НАДЖТ), ассоциация развития туризма в Зарафшане (ZTDA), на Памире (ПЭКТА) и другие в силу своих возможностей помогают ремесленническому сектору выгодно продать товар, обучить мастеров, поддержать их. Так, среди туристов популярен этнографический туризм, когда помимо экскурсий различного рода гостям предлагают обучиться основам и навыкам народного творчества, самим изготовить те или иные изделия из керамики, дерева, кожи, шить или вышить национальные узоры и т.п. под руководством местных мастеров.

Важную роль в поддержке, развитии и обучении ремеслам в районе Верхнего Зарафшана оказала деятельность ассоциации развития туризма Зарафшана АРТЗ (ZTDA), которая возникла в 2008 г. и связанная с ней ассоциация «Армугон» (директор, эксперт-консультант Мунира Акилова). Задачей организации по туризму является устойчивое развитие региона посредством продвижения туризма, социальное развитие, сохранение культуры и природы этого уникального горного края. Ассоциация «Армугон» создана в 2008 г. при поддержке Европейского союза и НПО из Германии.

Главными направлениями деятельности АРТЗ и АО «Армугон» в Верховьях Зеравшана является возрождение древнего ткачества: изготовление шерстяных ковров *қолинбофӣ*, вышитых покрывал *сузанӣ* и изделий лоскутного шитья, а также поддержка специфических, характерных именно для определенных районов ремесленных производств. Например, до настоящего времени лишь в Шинге сохранилось древнее ткачество по изготовлению орнаментальных ковров *шолов*, тогда, как в других деха в

основном ткнут только полосатые паласы. Благодаря деятельности АРТЗ и АО «Армугон» многие женщины вновь почувствовали вкус к творческой деятельности, получили доход и начали активно заниматься традиционными ремеслами [160, С.48].

Общим проектом двух организаций стал проект «Продвижение туризма в Зарафшанской долине посредством развития новых ремесленных продуктов. Участие и вовлечение женщин горных территорий в местную экономику путем развития ремесел», поддерживаемым отделением Международной Организации Института «Открытое Общество» Фонда Содействия в Таджикистане. В свое время он охватил 26 800 жителей Фандарьи, Урметана, Айни, два района Согдийской области (39 тыс. человек), Айни (джамоат Шамтуч) и Пенджикент (джамоаты Фароб, Магиан, Шинг) [131, С.86].

Главной его целью было получение большого дохода сельскими девушками и женщинами (более 120) посредством ручной работы, создание 4-х групп активисток среди них. Были организованы такие тренинги, как «Дизайн новых изделий», «Принципы образования цен и маркетинг. Участие в ярмарках», а также мастер-классы по вышивке, лоскутному шитью, контролю качества ковров. В результате женщинами были созданы различные изделия в соответствии с требованиями мирового рынка, которые можно было приобрести как в локальных, республиканских центрах, так и за рубежом. М.Акилова работает с женщинами, которые в своих изделиях используют стопроцентный домашний хлопок в комбинации с натуральными красителями. Для своих изделий лоскутного шитья они используют остатки ткани [181].

АО «Армугон» провела в 2013-2014 гг. различные мастер-классы, тренинги по куроку, ковроткачеству, вышиванию сузани и дизайну текстильных изделий в джамоатах Шинг, Магиан, Фароб и Вешаб (Айнинский район) при участии тренеров из Кыргызстана. Мастер-классы дали возможность мастерицам сохранить и возродить свои забытые традиции

и обычаи в своих ручных изделиях. В рамках проекта сельские жители ознакомились с новой для них деятельностью – туризмом, узнали основы разработки новых продуктов на базе творческой концепции, узнали традиционные основы переработки шерсти в Вешабе, Магиане, Фаробе и в Шинге. Местными мастерицами были изготовлены различные изделия для продажи [160, С.19].

В целях налаживания бизнес отношений между городом и селом, популяризации ремесел Верхнего Зарафшана была подготовлена фотовыставка «Женщины и горы» (автор А.Голубцов) о жизни населения горного Зарафшана, которая была показана вместе с изделиями мастериц в г.Худжанде и г.Душанбе в 2014 году. Отдельные мастерицы участвовали в различных выставках и ярмарках в стране и за рубежом.

В центре г.Пенджикента в 2014 г. стал функционировать салон-магазин *Armugon Handicraft Shop*, принадлежащий Ассоциации развития туризма Зеравшана АРТЗ (ZDTA) (руководитель Джамшед Юсуфов) [194] и АО «Армугон» (руководитель Мунира Акилова), в которой насчитывается более 100 членов-ремесленников. Здесь были широко представлены вышивка покрывал *сузани*, ковры *гилем*, изделия из войлока, различные предметы домашнего интерьера (подушки *люли*, корзины *сабат*, панно и т.п.).

Деятельность мастериц селений Верховьев Зарафшана обрела экспортный потенциал. Они получили возможность для коммерческого развития во многом благодаря совместным усилиям АРТЗ, менеджера АО «Армугон». Продажа традиционных произведений напрямую ныне зависит от развития туризма, поскольку местное население покупает их в основном для особых случаев (свадьба, рождение ребенка, *туйи хатна* и др.). В свою очередь туристы получили возможность изучать местные ремесла и участвовать в мастер-классах по изготовлению традиционных изделий в Зарафшане.

АО «Армугон» не раз участвовала в ярмарках по стране и за рубежом (Индия, Италия, Германия, США) и получала награды за свои изделия. В

рамках проектной деятельности CACSA в августе 2013 г. в г.Бишкек проводился конкурс по присвоению сертификата «Знак качества для ремесленных изделий». На конкурс от АРТЗ было выставлено четыре изделия, одному из которых панно «Мархамат» был присужден сертификат.

В 2014 г. 4 изделия от АРТЗ были вновь представлены на конкурс «Знак качества ЮНЕСКО», из которых одному был присужден сертификат. Эта программа является одной из основных международной организации, цель которой ориентировать ремесленников на инновационное производство изделий с использованием традиционных навыков, узоров, тематик для обеспечения преемственности и устойчивости разнообразных культурных традиций и умений [131, С.110]. В настоящее время салон-магазин «Армугон», который ранее располагался в г.Пенджикенте, переехал в г.Худжанд, где сотворчество с мастерицами Зарафшана продолжается [160, С.19-21].

Следует подчеркнуть, что ремесленное производство в г.Пенджикенте стало переживать определенный подъем также благодаря поддержке местной администрации. В немалой степени оживление в данной области обусловлено и более активным развитием туризма. Члены экспедиции встретились с известной мастерицей Матлубой Аминовой (род.1953 г.), которая за свои изделия была удостоена гранта председателя Согдийской области и знака качества как лучшая вышивальщица *сӯзанидоз*. Более шести лет она преподает традиционную технику вышивания Северного Таджикистана девочкам и женщинам во Дворце культуры города.

Ярмарки также способны в определенной степени поддержать стабильность национального рынка ремесел и промыслов. Однако баланс Союза ремесленников Таджикистана (СРТ), настолько незначителен, что не позволяет самостоятельно проводить их с помощью собственных средств за редким исключением. Чаще они организуются СРТ совместно с различными организациями согласно договору, в который включены и ярмарки.

Спонсором СРТ является миланская организация Chesvi, которая

стремится усилить потенциал местных ремесленников напрямую, без посредников. Она видит свою цель, прежде всего в улучшении законодательной базы ремесла, работу со спонсорами и с самими ремесленниками, чтобы облегчить доступ к рынку.

В то же время мастера остаются мало информированными, так как не владеют компьютерной грамотностью, часто не имеют доступа к Интернету, не состоят в каких-либо профессиональных объединениях, и в основном малоактивны, боятся риска, т.к. не имеют особой поддержки и не знают в какие органы за ней обращаться.

Следует подчеркнуть, что значительно изменилась та патриархальная малоподвижная основа, которая веками служила почвой для традиционного творчества народа. Исчез быт, создавший те или иные ремесла, изменились представления, отраженные в них. Техногенный уровень современной жизни обусловил практическую ненужность многих объектов традиционной культуры.

В настоящее время проблема возрождения ремесленного производства остается весьма острой как в стране, так и в Зарафшане. Для ее решения задействованы различные возможности, в том числе связь с туризмом и развитие сети обучающих программ, помощь спонсоров. Сегодня АРТЗ выражает интересы членов сельских общин, которые предоставляют услуги для туристов, начиная от гостевых домов, транспортных услуг и заканчивая продажей сувениров. Организуя ночлег в традиционных гостевых домах стейкхаузах, фольклорные представления в селах, показы различных видов ремесла для туристов, бесед, совместных экскурсий к мазарам и археологическим местам АРТЗ предлагает возможность узнать изнутри культуру и уклад жизни жителей Зеравшана.

Реализация проекта НАДЖТ «Сохранение наследия – сохранение себя» при поддержке Швейцарского агентства по развитию и сотрудничеству в Согдийской области, в том числе и в г.Пенджикенте, позволило его сотрудникам придти к следующему заключению. Прежде всего, значительно

изменился и покупательский спрос на изделия ремесленников. Местная сырьевая база почти исчезла, не производятся шелковые нити, почти не сохранились традиционные технологии окрашивания нитей. Высокая стоимость сырья, большое количество времени, затраченное на производство тех или иных изделий, делают изделия дорогими для местного жителя, а каналы по доставке их за рубеж не отработаны [63, С.7].

На кризисное состояние ремесел повлияли такие социально-культурные факторы, как сужение рынка крупных вышивок, изменение оформления традиционного костюма, невостребованность традиционных изделий в новых современных интерьерах, доступность новых импортируемых фабричных товаров на рынке и т.п. Помимо этого спрос на ручную работу исчез вместе с появлением швейной машинки, которая позволила быстро вышивать тамбурным швом и выполнять заказы [63, С.10].

Несмотря на все недостатки в целом, в регионе не наблюдалась прерванность традиции народного искусства, что предоставляет возможность оценить эволюцию традиционного дизайна. Весь период XIX - начала XXI веков весьма важен в историческом аспекте, так как при общем спаде кустарного производства в те или иные периоды все же наблюдалась эволюция стиля, колорита и даже семантики, которые отражались в изделиях ремесла согласно своему времени.

Резюмируя материал, изложенный в данной главе можно сделать ряд выводов.

Изучение состояния ремесел Верховьев Зарафшана в конце XIX - начале XXI веков позволило заключить, что в данном регионе, несмотря на кризис, не наблюдалась прерванность традиции народного искусства. Этот исторический период свидетельствует о том, что в ремесленном производстве продолжалась эволюция стиля, колорита и даже семантики.

После присоединения Центральной Азии к России, импортируемые фабричные изделия в Зарафшан не смогли полностью вытеснить с рынка изделия местных мастеров, их производство в регионе продолжалось до

середины XX века.

В г.Пенджикенте и сельских ремесленных центрах наблюдалось сочетание ремесла и земледелия, что можно объяснить ограниченной покупательской способностью местного населения в связи с кризисом, значимостью домашних промыслов в хозяйстве.

В XX веке происходит институционализация ремесленного производства Таджикистане в формате советской культуры. Во всех уголках республики были созданы промкомбинаты и артели, издан ряд правительственных постановлений и указов, направленных на развитие народного творчества. Творчеством мастеров занимались как государственные, так и общественные организации: Академия наук республики, музеи, Художественные фонды при Союзах художников, Дома народного творчества, комиссии по народному искусству при Союзе художников СССР и т.п.

Для мастеров-колхозников необходимо было добиваться правовой защиты, сокращения трудодней, права на приусадебный участок, льгот на коммунальные услуги, пенсий, выделения сырья, оборудования, организации производственной практики с целью развития системы ученичества и т.п.

Наибольший расцвет народного искусства в республиках СССР, в том числе и в Таджикистане наблюдался в 60-80-е гг. XX века, когда на развитие народного творчества были выделены большие финансовые средства, организованы масштабные выставки в стране и за рубежом.

После распада СССР каждая из его республик столкнулась с различными проблемами политического, экономического, социально-культурного характера. Переход к свободному рынку вызвал кризис и в ремесленном производстве. Определенную помощь в возрождении ремесел стали оказывать различные посольства в г.Душанбе, международные организации, особенно те, которые занимались гендерными проблемами с целью поддержать женщин, многие из которых стали главами хозяйств и в одиночку справлялись с хозяйственными проблемами.

Поддержка Главы государства Эмомали Рахмона посредством объявления Годом развития села, туризма и ремесел 2018, 2019-2021 гг. позволило оказать содействие ремесленному производству не только в городах, но и в сельской местности. В настоящее время значительно оживилась деятельность местных мастеров, расширилась тематика обучающих программ и тренингов, выставочная и ярмарочная деятельность во всех уголках страны.

Несмотря на все усилия, предпринятые лично Президентом страны и правительством, проблема возрождения ремесленного производства остается весьма острой как в стране, так и в Зарафшане. Для ее решения задействованы различные возможности, в том числе связь с туризмом и развитие сети обучающих программ, помощь спонсоров, что внушает определенный оптимизм по поводу будущего народного творчества таджиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В Международной стандартной классификации занятий – официальном документе Международной организации труда – среди девяти основных групп профессий ремесло занимает почетное среднее место, уже за ним следуют профессии стандартизированного физического и малоквалифицированного умственного труда. Как любая другая профессия, имеющая длительную историю развития, ремесло изменяется, утрачивая одни характеристики и приобретая другие, отражающие современные реалии. Процессы возрождения ремесленных профессий – свидетельство их богатого потенциала, который может еще полнее реализоваться в XXI веке [118, С.9-10; 42, С.12].

2. Итогом проведенных полевых исследований сотрудниками Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана стала ценнейшая база данных в виде полевых записей, фотоматериала, предметов керамики и домашней утвари, полного комплекта женской и мужской одежды населения Верховьев Зарафшана, которые ныне хранятся в этнографическом архиве и Этнографическом музее этого научного учреждения. Обширная фактическая база еще ждет детального документирования и научного описания и анализа [2-А; 4-А].

3. В настоящем исследовании проведены систематизация этнографических документов и экспонатов, касающихся ремесленного производства Верховьев Зарафшана, историко-этнографические изучения культуры населения региона по архивным материалам XX в. и научным публикациям. Помимо этого введены в научный оборот неизвестные и малоизвестные фотоматериалы этнографического архива, освещена история развития ремесел Верховьев Зарафшана в XX-XXI веках. К ним, прежде всего, относится неопубликованная работа выдающегося советского исследователя А.С.Давыдова, в которой приведено много сведений о ремеслах и домашних промыслах населения Верхнего Зарафшана [21, Ед.хр. № 15]. [7-А; 8-А].

4. В целом изученные центры ремесленного производства Верховьев Зарафшана представляли собой сельские поселения мелкого кустарного

производства, ориентированного не на рынок, а на заказ своих односельчан. Концентрация ремесел в г. Пенджикенте, сосредоточение в них мастеров различных специальностей, активное их взаимодействие с ремесленниками Ургута и Самарканда привели к повышению уровня ремесленного производства и образованию ремесленных объединений или цехов по профессиям [3-А; 6-А].

5. Различия ремесленных объединений были обусловлены особенностями политической культуры населения, степенью развития городского права, характером экономической среды, в которой возникали и развивались ремесленные союзы. Подавляющее большинство жителей Верховьев Зеравшана и прежде всего его ремесленники были связаны с землей, хозяйственной деятельностью, что позволяло им заниматься ремеслом только в свободное время. Патриархальная система ведения хозяйства сохраняла ценности традиционной соционормативной культуры: взаимопомощь *хашир*, взаимообмен, соблюдение социального ранга (уважение к родителям и старшим, почтительное отношение к незнакомым, забота о младших), подчинение устоям авлода и социума, в большинстве случаев натуральное хозяйство [3-А; 6-А].

6. При активном развитии фабричной промышленности в советский период характер профессиональной занятости населения Зарафшанской долины начал значительно меняться уже в первой половине XX в. В конце 50-х начале 60-х гг. XX века на развитие ремесел значительно повлияла специфика миграционных потоков, приток населения из различных центров СССР. Так, в Фаробе и Магиане, которых связывала тесная связь с Пенджикентом, Ургутом и Самаркандом, влияние городской культуры способствовала более раннему возникновению разнообразных современных форм, новых технологий, чем в других местах региона [4-А].

7. В СССР была проведена институционализация ремесленной деятельности, благодаря которой она стала иметь государственную поддержку через различные учреждения: Министерство культуры, Союз художников, Художественный фонд, Дом народного творчества и т.п. Все это в немалой степени способствовало расцвету ремесленного производства [6-А].

8. Вместе с тем появилось новое понятие «художественные ремесла», а вместе с ним и новые виды изделий, которые относились уже к сувенирной промышленности. При этих обстоятельствах многие промыслы и ремесла начали постепенно исчезать [1-А].

Между тем в Зарафшане сейчас все еще активно действуют различные центры ремесел и промыслов в сельской местности. В настоящее время, например, только, четырнадцать деха в джамоате Шинг (население 9 595 человек) славятся теми или иными ремеслами и промыслами. Селение Вағаштони известно деревообделочным *чубкорӣ* и швейным *дузандагӣ* искусствами, а Гиждарья помимо этого и кузнечным делом, мельницами. В деха Ровадин развиты ковроделие *қолинбофӣ* и кошмовалание *наматсозӣ*, в Рашни Поён изготовление посуды из дерева *косаю табақтарошӣ*, в Нофине – ковроделие *гилембофӣ*, обработка шерсти *паширрезӣ*, бисерное плетение. Деха Падруд и Гулдара, Чорроҳа, Оби Хаёт известны обработкой дерева; Маргузор, Сари Сангпул – кузнечным делом *охангарӣ*; Хазорчашма и Киёғли – также кузнечным делом и выделкой посуды. В деха Пани добывается уголь, здесь расположено много шахт. В настоящее время в Фаробе активно продвигают использование самодельных экопечек в жилом помещении, которые сохраняют свою белизну благодаря белой специальной земле. Каждый раз после использования печи и *тонура* их протирают этой смесью, и они остаются белоснежными [160, С.68].

Развитие ремесленничества важно в различных аспектах: для престижа этнокультуры таджиков, стабильности туристической деятельности, экономического роста и объемов внешнего товарооборота страны.

Президент страны Эмомали Рахмон, Правительство страны уделяют особое внимание вопросам развития культуры, возрождению национальных традиций, так как глобализация способна «поглотить» этнокультуру, если не защищать национальное достояние. Таджикистан, как страна, имеющая богатое культурное наследие, в августе 2010 года вступила в членство Конвенции ЮНЕСКО по охране нематериального культурного наследия. В 2012 году была принята «Государственная программа по защите нематериального культурного наследия

таджикского народа на 2013-2020 годы». В годы независимости был сделан решающий шаг в сторону возрождения национальных традиций, обрядов и ценностей, народных ремесел [190].

Традиционная культура Зарафшана обладает устойчивым статусом благодаря стабильности самого местного социума, что вызывает острую необходимость изучения его духовного и материального наследия, особой среды обитания и человеческого потенциала в будущем. Однако, проблема возрождения и сохранения ремесленного производства остается весьма острой, как в стране, так и в Зарафшане. Для ее решения задействованы различные возможности, в том числе связь с туризмом и развитие сети обучающих программ, помощь спонсоров [5-А].

РЕКОМЕНДАЦИИ

Вышеизложенное подводит к необходимости изменения отношения к ремесленному творчеству, расширению его применения и развитию в условиях рыночной экономики. В связи с этим следует привести ряд рекомендаций:

- утвердить специальным Постановлением правительства страны список центров народных ремесел Таджикистана;
- государством оказывать поддержку мастерам в виде защиты их прав, субсидии, организации сбыта изделий, технического перевооружения отрасли;
- развивать надомный труд женщин и девушек, людей с ограниченными возможностями, которые могут получать соответствующий доход на рынке труда, развивать свои предпринимательские способности;
- развивать ремесленничество, как один из путей решения проблем занятости населения, особенно молодежи, не имеющей профессионального образования, и социальной стабильности в стране;
- поддерживать народное творчество с целью его пропаганды в стране и за рубежом, насытить рынок товарами, для сохранения национальных традиций и культурных ценностей;

- возродить художественные салоны, соответствующие новым требованиям современного рынка и менеджмента, организовать сайты ремесленной деятельности в социальных сетях;
- шире использовать обучение различным видам ремесленной деятельности, как в художественных образовательных заведениях, так и путем мастер-классов, тренингов;
- желательно организовать исследовательскую работу по изучению ремесел, который мог бы вести определенный научный центр или же институт;
- создать условия для сохранения ремесленничества как отрасли производства.

ЛИТЕРАТУРА

Нормативно-правовые документы Республики Таджикистан

1. Закон Республики Таджикистан о ремесленничестве № 1398 от 20 июня 2019 года, № 1619. – Режим доступа: <http://ncz.tj/content/>
2. Концепция развития культуры от 20 октября 1992г., № 240. – Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc.
3. Концепция развития культуры Республики Таджикистан от 30 декабря 2005г., № 501. – Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc
4. Программа развития культуры Республики Таджикистан на 2008-2015 годы от 3 марта 2007г., № 85. – Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc
5. Программа развития легкой промышленности в Республике Таджикистан на 2006-2015 годы» от 28 сентября 2005г., № 456. – Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc
6. Программа развития народно-художественных ремесел в Республике Таджикистан на 2009-2015 годы от 31 октября 2008г., № 513. – Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc

Архивные документы

Партийный архив Республики Таджикистан

7. Протокол заседания бюро ЦК КП(б) Таджикистана от 8 мая 1935г. – Ед.хр. № 7. XI. № 2444.

Архив Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана.

Личный фонд М.С.Андреева

8. Дневниковые записи М.С.Андреева в Ягнобе. 1927г. – Ед.хр. № 57.
9. Дневниковые записи М.С.Андреева в Ягнобе. 1928 г. – Ед.хр. № 101.
10. Записи, сделанные в деха Хшартоб, 14-16 июня 1925 г., 1927 г., 1928 г. – Ед.хр. № 270.

11. Записи, сделанные в Ягнобе. 1927 г. – Ед.хр. № 46.
12. Коллекция “Горный Таджикистан” (1924-1925 гг.): Включает в себя отпечатки, которые были сделаны Вывинским и М.С.Андреевым в деа Дашти миёна. – Ед.хр. № 99.
13. Коллекция фотографий, сделанных М.С.Андреевым в Ягнобе (1924 г., 1925 г., 1927 г.); в Фалгаре и Кумураде - 1924 г. – Ед.хр № 1(бывшая № 27).
14. Материалы экспедиции в Ягноб. 1927 г. – Ед.хр. № 17.
15. Машинописная версия дневников полевых работ М.С.Андреева в Ягнобе. – Ед.хр. № 28.
16. Отчет М.С.Андреева о работе летом 1928 г. в Ягнобе. Полевой отчет по этнолингвистической поездке в Ягноб 1934 г. – Ед.хр. № 62.
17. Сведения этнографического характера, записанные М.С.Андреевым в 1925 году деа Думзон, Анзобе, Ягнобе. – Ед.хр. № 100.
18. Экспедиционные записи М.С.Андреева и Е.М.Пещеревой. Ягноб, деа Хшартоб, 15-16 июля 1924 г. – Ед.хр. № 52.
19. Этнографические записи 1924 г. Матча, деа Есиз, Сурхкят, Оббурдон, Палдорак. – Ед.хр. № 95.

Личный фонд А.С.Давыдова

20. Давыдов А.С. Дневники. Сведения о селениях, жилищах и ремеслах таджиков Зеравшана. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1961 года. – Папка № 19; Оп. № 15; Л.88. – (На тадж. яз.).
21. Давыдов А.С. Домашние промыслы и ремесла таджиков Верхнего Зеравшана. – Оп. № 1; Ед.хр. № 15.
22. Давыдов А.С. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958 года. – Ф. № 2; Оп. № 1; Ед.хр. № 267; Л.109. – (На тадж. яз.).

Личный фонд Е.Н.Павловского

23. Фотоколлекция Е.Н.Павловского. – Ед. хр. 1.

Личный фонд М.М.Рахимова

24. Рахимов М.М. Экспедиционный дневник. Зеравшанская этнографичес-

кая экспедиция 1961 года. – Папка № 34.

Зеравшанские этнографические экспедиции

25. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958 г. – Ед.хр. № 39.
Дневники: М.Рахимова (на тадж. яз.; 1 тетр., 2 блокнот - 185 л., перепеч. экз. в переплете - 330 л.). – Ед.хр. № 262, № 263; А.Давыдова (на тадж. яз.; перепеч. экз. в переплете - 108 л.). – Ед.хр. № 267; М.Хамиджановой (тадж. яз.; 5 общ. тетр., 1 блокнот - 488 л.). – Ед.хр. № 258; (перепеч. экз. в переплете - 506 л.). – Ед.хр. № 259; С.Дадабаевой (перепеч. экз. в переплете - 51 л.). – Ед.хр. № 264; З.А.Широковой (1 общ. тетр., 1 блокнот - 136 л.). – Ед.хр. № 260; (перепеч. экз. в переплете - 99 л.). – Ед.хр. № 261; А.Буриева (на тадж. яз.; перепеч. экз. в переплете - 124 л.). – Ед.хр. № 265; Б.Ганиева (на тадж. яз.; перепеч. экз. в переплете - 131 л.). – Ед.хр. № 266.
26. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1959 г. – Ед.хр. № 42.
Дневники: М.Хамиджановой (на тадж. яз.; 2 общ. тетр. - 165 л.). – Ед.хр. № 266; З.А.Широковой (1 общ. тетр. - 79 л., 2 перепеч. экз. в переплете - 131 л.); С.Дадабаевой (1 общ. тетр. - 79 л., 2 пререп. экз. - 92 л.; перепеч. - 110 л.; переплет. - 131 л.); А.Давыдова (2 переп. экз. - 110 л.; переплет); Р.Кадырова (4 общ. тетр. - 230 л., 2 пререп. экз. - 118 л.; перепечат.); Б.Ганиева (5 общ. тетр. - 316 л., 2 пререп. экз. - 70 л.; перепечат.); А.Мардоновой (1 общ. тетр. - 154 л., 1 пререп. экз. - 50 л.; перепечат.).
27. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1960 г. – Ед.хр. № 57.
Дневники: М. Рахимова (3 блок. 2 тетр. - 143 л.; 1 пререп. экз. - 102 л. печат.); Р.Кадырова (6 блок. - 452 л.; 1 пререп. экз. - 162 л. печат.); Г.И.Ишанкулова (6 тетр. - 99 л.; 1 пререп. экз. - 50 л. печат.); А.С.Давыдова (1 пререп. экз. - 131 л. печат.); З.А.Широковой (6 блок. - 452 л.; 1 пререп. экз. - 162 л. печат.); А.Мардоновой (5 блок. - 433 л.; 1 пререп. экз. - 162 л. печат.); А.Каримовой (блок. 2 тетр. - 241 л., 1 пререп. экз. - 105 л. печат.).
28. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1961 г. – Ед.хр. № 58.

Дневники: М.Рахимова (1 пререп. экз. - 62 л. печат.); Р.Ш.Кадырова (2 блок. - 146 л.; 1 пререп. экз. - 68 л. печат.); Г.И.Ишанкулова (3 уч. тетр. - 34 л.; 1 пререп. экз. - 71 л. печат.); А.Каримова (2 блок. - 222л.; 1 пререп. экз. - 75 л. печат.).

29. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1962 г. – Ед.хр. № 62.
30. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1964 г. – Ед.хр. № 79.
31. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1980 г. – Ед.хр. № 107.
32. Матчинская этнографическая экспедиция 1962 г. – Ед.хр. № 66.
33. Матчинская этнографическая экспедиция 1974 г. – Ед.хр. № 100.
34. Ягнобская этнографическая экспедиция 1971 г. – Ед.хр. № 86.
35. Ягнобская этнографическая экспедиция 1977 г. – Ед.хр. № 106.

Архив Союза художников Таджикистана

36. Наджафов, А. Некоторые письменные источники к истории изобразительного искусства Таджикистана советского периода (1930-1945 гг.) [Текст] / Наджафов А. – Душанбе, 1964. – Ед.хр. № 1.

Монографии и научные статьи

37. Абдуллоев, Д. Торговые и культурные связи Средней Азии и Европы в VIII-X вв. [Текст] / Д. Абдуллоев // Эрмитаж. Санкт-Петербург. Пенджикентская археологическая экспедиция: Материалы. – СПб, 2016. – Вып.20: Аспекты Согдийской культуры: Тез. докл. науч. конф. (г.Пенджикент, 3-5 августа 2016 г.) / Под ред. П.Б.Лурье. – 131с.
38. Абулхаев Р.А. Упрочение Советской власти в районах Верховьев Зеравшана (1918-1923 гг.) [Текст] / Р.А. Абулхаев; Ред. К.П.Марсаков; АН Тадж.ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. А.Дониша. – Душанбе: Дониш, 1972. – 155с.
39. Абулхаев Р.А. Утро Зеравшана (на тадж.яз.) [Текст] / Р.А. Абулхаев. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 54с.
40. Абулхаев Р.А. Народные движения в районах Верховьев Зеравшана накануне и в период восстания 1916 года [Текст] / Р.А. Абулхаев //

Таджикистан и Россия: единство исторических судеб: Материалы научно-теорет. конф. «Центральная Азия и Россия: дружба и сотрудничество испытанное временем». – Худжанд, 2016. – С.34-65.

41. Акрамов, Н. А.П.Федченко – исследователь истории и истории культуры Верховьев Зарафшана [Текст] / Н. Акрамов, Х. Акрамова // Учёные записки ХГУ им. акад. Б.Гафурова. – Худжанд, 2005. – № 10. – С.99-112.
42. Александрова, Т.Л. Некоторые черты современного ремесленничества в России [Текст] / Т.Л. Александрова, И.В.Чебыкина // Возрождение ремесленничества в Уральском регионе: социальные предпосылки, проблемы и пути их решения: Сб. науч. ст. / Под ред. Л.Ф.Беликовой. – Екатеринбург, 2006. – 139с.
43. Аминов, Ф.Ш. Об одном типе самаркандской глазурованной керамики X в. из Пенджикента [Текст] / Ф.Ш. Аминов // Традиции государства Саманидов и их воздействие на культуру, и цивилизацию народов Центральной Азии и Ближнего Востока: Материалы респуб. конф. кафедры древней, средневековой истории и археологии ТНУ (г.Душанбе, 14 марта 2020 г.). – Душанбе, 2020. – С.68-72.
44. Андреев, М.С. Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 года к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба [Текст] / М.С. Андреев // Изв. Русского географического об-ва. Туркестанский отдел. – 1924. – Т.17. – С.217-218.
45. Андреев, М.С. Материалы по этнографии Ягноба [Текст] / М.С. Андреев – Душанбе: Дониш, 1970. – 191с.+30с. ил.
46. Андреев, М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году. [Текст] / М.С. Андреев // Изв. Русского географического об-ва. Туркестанский отдел. – 1924. – Т.17. – С.121-140.
47. Андреев, М.С. Таджик долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) [Текст] / М.С. Андреев.– Сталинабад, 1953. – Вып.1: / Под ред. А.К.Писарчик;

Отв.ред. А.А.Семенов. – 251с. – (Тр. АН Тадж. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Т.7: Материалы к изучению культуры и быта таджиков).

48. Андреев, М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) [Текст] / М.С. Андреев. – Сталинабад, 1958. – Вып.2: / Подгот. к печати, примеч. и доп. А.К.Писарчик; Под ред. А.К.Писарчик; Отв.ред. А.А.Семенов. – 1958. – 527с. – (Тр. АН Тадж. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Т.61: Материалы к изучению культуры и быта таджиков).
49. Арандаренко, А.Г. Статистические сведения по нагорным тюменям Зеравшанского округа за 1877 г. [Текст] / А.Г. Арандаренко // Материалы для стат. Туркестанского края / Под ред. Н.Маева. – СПб, 1879. – Вып.5. – С.332-382.
50. Арзютов, Д.В. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии [Текст] / Д.В. Арзютов, С.А. Кан // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 6. – С.48.
51. Археология Центральной Азии: Архивные материалы [Текст]. – Самарканд: МИЦАИ, 2015. – Т.1: [Неглазированная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам городища Афросиаб конца VII- начала XIII вв.)] / Л.Ф. Соколовская. – 128с.
52. Бакиева, М.К. Ресурсы Этнографического музея Национальной академии наук Таджикистана [Текст]: (Коллекция народного искусства Верховьев Зарафшана) / М.К. Бакиева // Историк. – 2021. – № 1. – С.140-145. – Рез. на тадж. и англ. яз.
53. Бартольд, В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Географический очерк Маверауннахра [Текст] / В.В. Бартольд // Сочинение. – М, 1963. – Т.1, Ч.1. – С.120-158.
54. Беленицкий, А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура [Текст]: Монография / А.М. Беленицкий. – М.: Искусство, 1973. – 67с.

55. Беленицкий, А.М. О домусульманских культах в Средней Азии [Текст] / А.М. Беленицкий // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры / АН СССР. Ин-т истории материальной культуры. – М.; Л., 1949. – Вып.28. – С.83-85.
56. Белинская, Н.А. Декоративное искусство горного Таджикистана [Текст]: Монография / Н.А. Белинская. – Душанбе, 1965. – 155с.
57. Бобомуллоев, С. Музеи Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша [Текст] / С. Бобомуллоев, Н. Васитова // Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан – 60 лет. – Душанбе, 2014. – С.259-261.
58. Валиев, А. Этнографическое изучение таджиков Центральной Азии в новейшее время [Текст] / А. Валиев. – Душанбе, 2018. – 128с.
59. Васильцов, С. Природные объекты культа: почитание воды в религиозной практике таджиков [Текст] / С. Васильцов // Лавровский сборник: Материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010-2011 гг. Этнология, история, археология, культурология / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. – СПб, 2011. – С.324-328.
60. Васитова, Н.Р. Вклад М.С.Андреева в музееведение Таджикистана [Текст] / Н.Р. Васитова // Научный вклад М.С.Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа: Материалы междунар. конф. (г.Душанбе, 22 октября 2012 г.). – Душанбе, 2014. – С.136-138.
61. Вишневская, О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) [Текст]: Монография / О.А. Вишневская. – М.: Наука, 1973. – 160 с.
62. Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана [Текст]: Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию российского востоковедения (г.Худжанд, 23 ноября 2018 г.): Сб. материалов. – Оренбург, 2019. – 382с. – (Серия:

Евразийский перекресток. Вып.11).

63. Возрождение искусства сюзана [Текст]. – Худжанд, 2011. – 188с.
64. Гафуров, Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история [Текст] / Б.Г.Гафуров; Отв. ред. Б.А.Литвинский; АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1972. – 664с.
65. Гребенкин, А.Д. Мелкие народности Зеравшанского округа [Текст] / А.Д.Гребенкин // Русский Туркестан: Сборник, изданный по случаю политехнической выставки. – М.,1872. – Вып.2. – С.110-130.
66. Гребенкин, А.Д. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа [Текст] / А.Д.Гребенкин // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – СПб, 1873. – Т.2. – 240с.
67. Давыдов, А.С. К вопросу о сложении населения Верховьев Зеравшана [Текст] / А.С.Давыдов // Изв. АН Тадж.ССР. Отд-ние обществ. наук. – 1969. – № 4. – С.47-57.
68. Давыдов, А.С. Некоторые представления таджиков, связанные с животным миром [Текст] / А.С.Давыдов // Этнография Таджикистана.Сб.ст. – 1985. – 148с.
69. Давыдов, А.С. Селение и жилище Верхнего Зеравшана [Текст] / А.С. Давыдов // Изв. АН Тадж.ССР. Отд-ние обществ. наук. – 1970. – № 4
70. Давыдов, А.С. Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана [Текст] / А.С.Давыдов // Советская этнография. – 1969. – № 6. – С.92-101.
71. Джаббаров, И.М. Об ученичестве в ремесленных цехах Средней Азии в конце XIX и начале XX в. (по материалам Хорезма) [Текст] / И.М. Джаббаров // Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии (г.Сталинабад, 29 октября-4 ноября 1956 г.) / АН СССР. Ин-т этнографии. Ин-т истории материальной культуры; АН Тадж.ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С.81-88.
72. Джахонов, У. Пахотные орудия у таджиков Соха в конце XIX - начале

- XX вв. [Текст]: (К историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана) / У.Джахонов // Советская этнография. – 1975. – № 6. – С.109-113.
73. Джураев, М.С. Развитие мукомольного и маслодельного производства северных районов Таджикистана в конце XIX - начале XX веков [Текст]: Автореф. дис. канд. ист. наук / М.С.Джураев. – Душанбе, 2016. – 24с.
74. Додхудоева, Л., Ашурмадова Т. Верховья Зарафшана: мастера деха Вору (на тадж., рус.яз.). [Текст] / Л.Додхудоева, Т.Ашурмадова; Под.ред. Н.К.Убайдулло.– Душанбе, 2022. – 191с.
75. Додхудоева, Л. Живописный дизайн сельской архитектуры Верховьев Зарафшана XX в. [Текст]: (По материалам этнографического архива) / Л. Додхудоева // Историк. – 2022. – № 1(29). – С.140-144.
76. Додхудоева, Л. Коллекция архива Института им. А.Дониша [Текст] / Л. Додхудоева // Наследие предков. – 2009. – № 12. – С.24-32.
77. Додхудоева, Л. Материалы по истории повседневности Таджикистана XX в. [Текст] / Л.Додхудоева // Изв. АН РТ. Отд-ние обществ. наук. – 2009. – № 4. – С.1-5.
78. Додхудоева, Л. Научное наследие А.А.Семенова и М.С.Андреева (архивные документы) [Текст] / Л.Додхудоева; Под общ. ред. Р.М.Масова; АН РТ. Ин-т истории, археологии и этнографии. – Душанбе: Дониш, 2013. – 266 с.
79. Додхудоева, Л. и др. Развитие этнографии Таджикистана в годы независимости [Текст] / Л.Додхудоева, З.Юсуфбекова, М.Шовалиева // Историк. – 2016. – № 2. – С.50-54.
80. Додхудоева, Л. Самарканд в фотодокументах академика Павловского Е.Н. [Текст] / Л.Додхудоева // Гуманитарное измерение в истории российско-узбекистанских связей. – Ташкент, 2018. – С.48-52.
81. Додхудоева, Л. Социальные и этнокультурные реалии таджикского общества в экспедиционных фотоматериалах академика Е.Н.Павловского [Текст] / Л.Додхудоева // Академик Е.Н.Павловский и

его вклад в становление современной науки Таджикистана: Материалы научно-практ. конф. (г.Душанбе, 3 декабря 2019 г.). – Душанбе, 2020. – С.27-34.

82. Додхудоева, Л.Н. Полиэтническое общество советского Таджикистана (по материалам Кулябской этнографической экспедиции 1948-1949 гг.) [Текст] / Л.Н.Додхудоева // Центральная Азия. Человек-общество-государство / РАН. Ин-т всеобщей истории; Ред.кол.: Ар.А.Улунян (отв.ред.) и др. – М., 2013. – С.150-163.
83. Додхудоева, Л. Черты самобытности этнотерриториальной группы таджиков деа Вору в Зарафшане [Текст] / Л.Додхудоева, Т.Ашурмадова // Саразм: Маҷмуаи мақолаҳои конф. илмӣ-амалии «Саразм – оғози тамаддуни кишоварзӣ, хунардандӣ ва шаҳрсозии тоҷикон» ба ифтихори 5500-солагии Саразм (ш.Душанбе, 20 декабри соли 2019) / АМИТ. Ин-ти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ. Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон; Зери назари Н.К.Убайдулло; Муҳар.: С.Ғ.Бобомуллоев, Б.Т.Қобилова. – Душанбе, 2020. – Барориши 1. – С.165-181.
84. Додхудоева, Л. Экспедиционные фотодокументы академика Е.Н.Павловского [Текст] / Л.Додхудоева // Наследие предков. – 2014. – № 17. – С.44-51.
85. Додхудоева, Л. Этнографическая наука Республики Таджикистан в годы независимости [Текст] / Л.Додхудоева // Наследие предков. – 2011. – № 14. – С.47-54. – Рез. на англ.яз.
86. Емельяненко, Т.Г. Искусство вышивки у таджиков [Текст] / Т.Г. Емельяненко // Таджики: история, культура, общество / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого; Сост. Р.Р.Рахимов; Отв. ред. М.Е.Резван. – СПб, 2014. – С.320-341.
87. Емельяненко, Т.Г. Традиционные ткани у таджиков [Текст] / Т.Г. Емельяненко // Таджики: история, культура, общество / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого; Сост. Р.Р.Рахимов; Отв. ред. М.Е.Резван. – СПб, 2014. – С.342-365.

88. Ермакова, Е. Работа с народными мастерами Таджикистана в 1960-1980 гг. [Текст]: (По материалам архива И.А.Жданко) / Е.Ермакова // Научное наследие З.А.Широковой и проблемы изучения народного творчества: Материалы междунар. конф. (г.Душанбе, 7 ноября 2020 г.) / Ред. Н.К. Убайдуллоев; Сост. Л.Додхудоева. – Душанбе: Дониш, 2020. – С.58-72.
89. Ершов, Н.Н. Альбом одежды таджиков [Текст] / Н.Н.Ершов, З.А. Широкова; Ред. А.К.Писарчик. – Душанбе, 1969. – 34с.+47 отд.л.ил.
90. Ершов, Н.Н. К истории развития этнографической науки в Таджикистане [Текст] / Н.Н.Ершов // СЭ. – М., 1968. – Т.4. – С.87-92.
91. Ершов, Н.Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией [Текст]: Историко-этнографический очерк / Н.Н.Ершов // Тр. АН Тадж.ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. – Сталинабад, 1960. – Т.28. – 175с.
92. Зарубин, И.И. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г. [Текст] / И.И.Зарубин // Изв. АН СССР. Серия 6. – М.-Л., 1927. – № 5-6. – С.351-360.
93. Иерусалимская, А.А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде [Текст] / А.А.Иерусалимская // Средняя Азия и Иран.Сб.ст. – Л., 1972. – 191с.
94. Икромов, А. Роль русских востоковедов в изучении истории, архитектуры и этнографии Северного Таджикистана (первая половина XIX- начало XX вв.) [Текст] / А.Икромов – Худжанд, 2015. – 128с.
95. Исаков, А.И. и др. Археологическая карта Таджикистана. Верховья Зарафшана: (Горно-Матчинский, Айнинский и Пенджикентский районы) [Текст] / А.И.Исаков, Ю.Я.Якубов, Г.Р.Каримова.– Душанбе, 2020. – Ч.4: Пенджикентский район. – 360с.
96. Исамитдинов, Дж.Б. Исторический обзор деревообрабатывающих ремесел, промыслов и мастеровых дел Худжанда в конце XIX- начале XX веков [Текст] / Дж.Б.Исамитдинов // Ираннаме. – 2009. – № 4(12). – С.91-106.

97. Исамитдинов, Дж.Б. Классификация ремесел и промыслов по обработке дерева в Худжанде [Текст] / Дж.Б.Исамитдинов // Ираннаме. – 2009. – № 4(12). – С.106-112.
98. Исамитдинов, Дж.Б. Роль дореволюционных русских исследователей в изучении ремесел и промыслов по обработке дерева в Северном Таджикистане [Текст] / Дж.Б.Исамитдинов // Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана: Сб. материалов междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию российского востоковедения (г.Худжанд, 23 ноября 2018 г.). – Оренбург, 2019. – С.210. – (Серия: Евразийский перекресток. Вып.11).
99. История таджикского народа [Текст] / АН РТ. Ин-т истории, археологии и этнографии; Под ред.: Б.А.Литвинского, В.А.Ранова; Отв. ред. Р.М.Масов. – Душанбе, 1998. – Т.1: Древнейшая и древняя история. – 752с.
100. История таджикского народа [Текст] / АН РТ. Ин-т истории, археологии и этнографии; Под ред. Н.Н.Негматова; Отв. ред. Р.М.Масов. – Душанбе, 1999. – Т.2: Эпоха формирования таджикского народа. – 791с.
101. История таджикского народа [Текст] / АН РТ. Ин-т истории, археологии и этнографии; Под общ.ред. Р.М.Масова; Отв. ред.Х.Пирумшоев. – Душанбе, 2013. – Т.3: [Период развития феодального общества] XI-XV века.– 580с.
102. История таджикского народа [Текст] / АН РТ. Ин-т истории, археологии и этнографии; Под общ.ред. Р.М.Масова; Отв. ред.Х.Пирумшоев. – Душанбе, 2010. – Т.4: Позднее средневековье и новое время (XVI в.-1917 г.). – 1123с.
103. История таджикского народа [Текст] / АН РТ. Ин-т истории, археологии и этнографии; Под ред. Р.М.Масова. – Душанбе, 2004. – Т.5: Новейшая история (1917-1941 гг.). – 752с.
104. История таджикского народа [Текст] / АН РТ. Ин-т истории, археологии и этнографии; Под общ. ред. Р.М.Масова. – Душанбе, 2011. – Т.6:

Новейшая история (1941-2010 гг.). – 688с.

105. Камолов, Х.Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А.К.Абрамова в изучении материальной и духовной культуры Верховья Зарафшана и долины Фондарьи [Текст] / Х.Ш.Камолов // Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана: Сб. материалов междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию российского востоковедения (г.Худжанд, 23 ноября 2018 г.). – Оренбург, 2019.–С.168-178.–(Серия: Евразийский перекресток. Вып.11).
106. Каюмова, М. Накшу нигорхо дар зиндагии форсизабон [Матн] / М. Каюмова – Душанбе, 2008. – 56с.
107. Кирпичников, Н.А. Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области [Текст] / Н.А.Кирпичников // Справочная книжка Самаркандской области. – Самарканд,1897. – Вып.5. – С.110-162.
108. Кисляков, Н.А. Этнографическое изучение Таджикистана [Текст] / Н.А.Кисляков // Тр. АН СССР. Тадж. филиал. – Сталинабад, 1951. – Т.29: История, археология, язык и литература. – С.53-57.
109. Кун, А.Л. Очерк Кокандского ханства [Текст] / А.Л.Кун // Известия Императорского Русского географического общества. – СПб, 1877. – Т.12, отдел 2: 1876. – С.38-62.
110. Кун, А.Л. Сведения об ягнобском народе [Текст]: (К материалам для исследования ягнобского языка) / А.Л.Кун // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 3-4. – С.84-92.
111. Ларина, Е.И. Ворсовый ковер как этнографический источник: (на материале народов Российской империи конца XIX- начала XX вв.) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.И.Ларина. – М., 2000. – 24с.
112. Лифшиц, В.А. История изучения Согда [Текст] / В.А.Лифшиц // Рахматнаме: Сб. статей к 70-летию Р.Р.Рахимова. – СПб, 2008. – С.184.
113. Лыкошин, Н.С. Полжизни в Туркестане [Текст] / Н.С.Лыкошин – Петроград, 1916. – 225с.

114. Мамаджанова, С.Р. Зодчество Кухистана [Текст] / С.Р.Мамаджанова, Р.Мукимов. – Душанбе: Мерос, 1993. – 102с.
115. Маршак, Б.И. Согдийское серебро: Очерки по восточной торевтике [Текст]: Монография / Б.И.Маршак. – М: Наука, 1971. – 157с.; 16 л.ил.
116. Материалы Пенджикентской археологической экспедиции [Текст]. – СПб, 2016. – Вып.20: Аспекты Согдийской культуры: Тез. докл. науч. конф. (г.Пенджикент, 3-5 августа 2016 г.) / Под ред. П.Б.Лурье. – 131с.
117. Материальная культура таджиков Верховьев Зеравшана [Текст] / Ред.: А.К.Писарчик, Н.Н.Ершов; Текст: А.С.Давыдов, М.А.Хамиджанова, З.А. Широкова. – Душанбе, 1973. – 296с.
118. Международная стандартная классификация занятий [Текст] / Междунар. бюро труда. – Женева-М., 1998. – С.9-10.
119. Музей изобразительных искусств им. К.Бехзода [Текст]: Путеводитель. – Душанбе, 1981. – 124с.
120. Музей искусства народов Востока. Туркестан в старых фотографиях и керамике [Текст]: Материалы выставки. – М., 2007. – 140с.
121. Мукимов, Р. Искусство зодчих Верхнего Зеравшана [Текст] (Народная архитектура в верховьях реки Зеравшан в XIX - начале XX вв.) / Р.Мукимов. – Душанбе: Дониш, 2010. – 318 с.
122. Мукминова, Р.Г. Очерки по истории ремесел в Самарканде и Бухаре в XVI веке [Текст] / Р.Г.Мукминова. – Ташкент: ФАН, 1976. – 234с. с илл.
123. Муллоахмад, М. Дорогами Кухистана [Текст] / М.Муллоахмад // Зерцало человечности: (Научные изыскания по иранистике). – Душанбе, 2016. – 184с.
124. Мустачир, А. Рузномаи сафари Искандаркӯл [Матн] / А.Мустачир; Ҳозиркунандагони чоп ва муаллиф. муқад. ва тавзеҳот: А.Афсаҳзод, М.Муллоаҳмадов. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.
125. Назилов, Д. Мастера школ горного зодчества [Текст] / Д.Назилов. – Ташкент, 2001. – 220с.
126. Нарзикулов, И.К. Краткие сведения о дореволюционной кустарной

- промышленности Таджикистана [Текст] / И.К.Нарзикулов; Под ред. А.А.Семенова. – Сталинабад, 1957. – 69с.
127. Народное искусство Верховьев Зарафшана [Текст] / Ред. Н.К.Убайдулло; Ред-сост. Л. Додхудоева; Конс. С.Бобомуллоев. – Душанбе: Дониш, 2022. – 191с.
128. Народное искусство Памира [Текст] / Общ. ред. Р.М.Масова; Ред. Л.Додхудоева; Текст: Р.Масов, Н.Юнусова, Л.Додхудоева. – Душанбе, 2010. – 240с.
129. Народное искусство Таджикистана (тадж.,рус.,англ.яз.) [Текст] / Ин-т истории, археол. и этногр.им.А.Дониша АН Респ.Тадж.; Ред. Л.Додхудоева; Текст: Р.Масов, Н.Юнусова, Л.Додхудоева. – Душанбе, 2011. – 318с.
130. Одинаев, Б. Керамика Таджикистана XX - XXI веков [Текст] / Б. Одинаев. – Душанбе, 2018. – 232с.
131. Орнамент текстиля Зеравшанской долины Таджикистана [Текст] / Разработка издания М.Акилова; Текст: Д.Юсупов, Л.Додхудоева, М.Акилова. – Душанбе, 2015. – 120с..
132. Отчет о работе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук в 2007 г. [Текст] / Отв. ред.: Ю.К.Чистов, Е.А.Михайлова. – СПб: МАЭ РАН, 2008. – С.24-26.
133. Пашино, П.И. Туркестанский край в 1866 году [Текст]: [Путевые заметки. С 20 рисунками в три тона, работы А.Гине, 35 виньетками, резанными на дереве А.Даугелем и рисованными В.Крюковым и с картою Туркестанского края] / П.И.Пашино – СПб, 1868. – 144с.+табл.и карта.
134. Пещерева, Е.М. Гончарное производство Средней Азии [Текст] / Е.М. Пещерева.– М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С.48-90.
135. Пещерева, Е.М. Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX-начале XX вв. [Текст] / Е.М.Пещерева // XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. – М., 1960. – С.48-52.

136. Пещерева, Е.М. Ягнобские этнографические материалы [Текст] / Е.М. Пещерева – Душанбе: Дониш, 1976. – 98с.
137. Писарчик, А.К. Народное прикладное искусство таджиков (на тадж., рус., англ.яз.) [Текст]: [Альбом] / А.К.Писарчик; Художники: Х.А.Жаба, Ю.П.Гремячинская; Отв.ред. Н.Н.Ершов; АН Тадж. ССР,Ин-т истории им.А.Дониша. – Душанбе, 1987. – 46с.+50 л.ил.
138. Писарчик, А.К. Народная архитектура Самарканда XIX-XX вв. [Текст]: (По материалам 1938-1941 гг.) / А.К.Писарчик; Отв. ред. Б.А.Литвинский; АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А.Дониша. – Душанбе: Дониш, 1974. – 140с.+59 л. ил.
139. Писарчик, А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.) [Текст] / А.К.Писарчик; Подгот. текста Н.Бабаева. – Душанбе, 2002. – 172с.
140. Прищепова, В.А. Этнографические работы Г.Г.Гульбина в Пенджикенте [Текст] / В.А.Прищепова // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX среднеазиатско-кавказских чтений. 2014-2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. – СПб, 2015. – С.110-132.
141. 50 лет Академии наук Республики Таджикистан (1951-2001) [Текст]. – [Душанбе], 2001. – 60с.
142. Работа Правления Союза художников Таджикистана. 1982-1987 гг. – Душанбе, 1987. – 98с.
143. Радлов, В.В. Средняя Зеравшанская долина [Текст] / В.В.Радлов // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб, 1880. – Т.6. – С.1-92.
144. Рахимов, М. Зеравшанская этнографическая экспедиция. 1958-1961 гг. [Текст] / М.Рахимов // Изв. АН Тадж.ССР. Отд-ние обществ. наук. – 1963. – № 1 – С.51-66.
145. Рахимов, Р.Р. Коран и розовое пламя [Текст]: (Размышления о таджикской культуре) / Р.Р.Рахимов. – СПб: Наука, 2007. – 324с.

146. Рахимов, Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков [Текст] / Р.Р.Рахимов. – Л., 1991. – 240с.
147. Ремесленное производство Таджикистана [Текст]: (По материалам полевых исследований 2013-2017 гг.) / Ред. Л.Додхудоева; Авт.-сост.: Л.Додхудоева, З.Юсуфбекова, М.Шовалиева. – Душанбе: Дониш, 2019. – 192с.
148. Республиканская выставка народно-декоративного искусства и художественных промыслов [Текст]: Каталог / Общ. ред. М.Мелик-Саядян; Сост. Е.Чудович. – Душанбе, 1985. – 18с.
149. Розвадовский, В. Кустарные промыслы в Туркестанском крае [Текст] / В.Розвадовский. – Ташкент, 1916. – 68с.
150. Розвадовский, В. Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае [Текст] / В.Розвадовский // Туркестанское сельское хозяйство. – Ташкент, 1916. – 58с.
151. Рузиев, М. Декоративно-прикладное искусство таджиков [Текст] / М. Рузиев. – Душанбе: Дониш, 2003. – 185 с.
152. Семенов, А.А. Этнографические очерки Зерашанских гор, Каратегина и Дарваза [Текст] / А.А.Семенов. – М., 1903. – 69с.
153. Собиров, Н.И. Изучение памятников истории и культуры Верховьев Зеравшана во второй половине XIX- первой половины XX вв. [Текст] / Н.И.Собиров. – Душанбе, 2014. – 128с.
154. Современная керамика народных мастеров Средней Азии [Текст]: Альбом / Г. Дервиз, Л. Жадова, И. Жданко, Д. Митлянский. – М.: Советский художник, 1974. – 235 с.: илл.
155. Сухарева, О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX- начало XX вв.) [Текст] / О.А.Сухарева – М.: Наука, 1982. – 142с.
156. Сухарева, О.А. К истории развития самаркандской декоративной вышивки [Текст] / О.А.Сухарева // Литература и искусство Узбекистана. – Ташкент, 1937. – Кн.6. – С.119-134.

157. Сухарева, О.А. О ткацких ремеслах в Самарканде [Текст] / О.А. Сухарева // История и этнография Средней Азии: Сб. ст. – Душанбе: Дониш, 1981. – С.25-37.
158. Сухарева, О.А. Сузани. Среднеазиатская декоративная вышивка [Текст] / О.А.Сухарева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Вост. литра, 2006. – 158с.
159. Таджики: история, культура, общество [Текст] / Сост. Р.Р.Рахимов; Отв. ред. М.Е.Резван. – СПб, 2014. – 248с.
160. Таджикистан. Верховья Зеравшана. Полевые этнографические исследования 2014 г. [Текст] / Общ. ред. Р.М.Масова; Авт.-сост.: Л.Додхудоева, З.Юсуфбекова, М.Шовалиева, Н.Васитова. – Душанбе: Дониш, 2017. – 197с.
161. Терлецкий, С. Некоторые места паломничества поклонения Пенджикентского района (Республика Таджикистан) [Текст] / С.Терлецкий // Лавровский сборник: Материалы XXXIV и XXXV средне-азиатско-кавказских чтений 2010-2011 гг. Этнология, история, археология, культурология / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. – СПб, 2011. – С.336-340.
162. Троицкая, А.Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана [Текст] / А.Л.Троицкая // Тр. АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – Л.: Наука, 1971. – Т.97: Занятия и быт народов Средней Азии: Среднеазиатский этнографический сб. III. – С.224-255.
163. Турсунов, Н.О. Развитие городских и сельских поселений северного Таджикистана в XVIII- начале XX вв. [Текст] / Н.О.Турсунов. – Душанбе: Ирфон, 1991. – 544с.
164. Турсунов, Н.О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX-начало XX вв. [Текст]: Историко-этнографические очерки / Н.О.Турсунов. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 302с.

165. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан члена-основателя общества А.П. Федченко, совершенное от Императорского Общества любителей естествознания [Текст]. – СПб-М., 1874. – Т.2, Вып.2: Зоогеографические исследования. Ч.5, Отдел 3. – 127с.+6табл.
166. Хамиджанова М.А. – 80 лет [Текст] / Ин-т истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН РТ; Ред. Л.Додхудоева. – Статьи З.Юсуфбековой, М. Шовалиевой, Р.М.Абдулвахидова. – Душанбе, 2008. – 32с.
167. Хамиджанова, М.А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли [Текст] / М.А.Хамиджанова; Отв. ред.: Н.Н.Ершов, А.К.Писарчик. – Душанбе: Дониш, 1974. – 181с.+23 л.ил.
168. Хамиджанова, М.А. Мужские джахры в похоронных обрядах таджиков Верховьев Зеравшана [Текст] / М.А.Хамиджанова // Этнография Таджикистана: Сб. статей / АН Тадж. ССР. Ин-т истории; Отв. ред. Б.А.Литвинский. – Душанбе: Дониш, 1985. – С.54-58.
169. Хамиджанова, М.А. Туи хатна – обрезание у таджиков Верхнего Зеравшана [Текст] / М.А.Хамиджанова // История и этнография народов Средней Азии. – Душанбе, 1981. – С.90-105.
170. Хмельницкий, С. Чорку. Хамза Хастиподшо. Древнейшее деревянное здание Средней Азии с резным и скульптурным декором [Текст] / С. Хмельницкий – Рига, 2002. – С.117, 207, 210.
171. Чвырь, Л.А. Очерки культурного синтеза в Туркестане. II тыс. н.э. [Текст] / Л.А.Чвырь – М., 2018.-220с.
172. Широкова, З.А. Декоративная вышивка таджиков Верховьев Зеравшана [Текст] / З.А.Широкова // История и этнография народов Средней Азии. – Душанбе, 1981. – С.78-98.
173. Широкова, З.А. Этнографические коллекции Института истории. Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954 года [Текст] / З.А. Широкова – Душанбе, 1965. – 48с.
174. Шишов, А.П. Сарты [Текст] / А.П.Шишов – Ташкент, 1912. – Ч.1. –

164с.

175. Шишов, А.П. Таджики [Текст]: Этнографическое и антропологическое исследование / А.П.Шишов. – М.: Юрайт, 2023. – 340с.
176. Шукуров, М.Р. Культурная жизнь Таджикистана в годы Великой Отечественной войны [Текст] / М.Р.Шукуров – Душанбе, 1985. – 160с.
177. Эрмитаж. Санкт-Петербург. Пенджикентская археологическая экспедиция: Материалы / Гос. Эрмитаж. Ин-т истории, археологии и этнографии АН Таджикистана. Пед. ун-т г.Пенджикент. – СПб, 2016. – Вып.20: Аспекты Согдийской культуры: Тез. докл. науч. конф. (г.Пенджикент, 3-5 августа 2016 г.) / Под ред. П.Б.Лурье. – 131с.
178. Эшонкулов, У. История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.) [Текст] / У.Эшонкулов. – Душанбе, 2007. – 128с.
179. Юнусова-Исаева, Н. Таджикская вышивка (тадж.яз.) [Текст] / Н. Юнусова-Исаева. – Душанбе, 1999. – 120с.
180. Юсуфбекова, З., Шовалиева М. Материальная культура Саразма и Пенджикента: прошлое и настоящее [Текст] / З.Юсуфбекова, М.Шовалиева // Саразм: Маҷмуаи мақолаҳои конф. илмӣ-амалии «Саразм – оғози тамаддуни кишоварзӣ, ҳунармандӣ ва шаҳрсозии тоҷикон» ба ифтихори 5500-солагии Саразм (ш.Душанбе, 20 декабри соли 2019) / АМИТ. Ин-ти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ. Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон; Зери назари Н.К.Убайдулло; Мухар.: С.Ғ.Бобомуллоев, Б.Т.Қобилова. – Душанбе, 2020. – Барориши 1. – С.184. – Матн ҳамчун бо забони русӣ.
181. Tajikistan Artisans at Ambiente 2017: Catalogue [Text]. – Geneva, 2017. – 98р.

Публикации в периодической печати

182. За большое искусство Таджикистана, национальное по форме, социалистическое по содержанию [Текст] // Коммунист Таджикистана. – 1934. – 13 мая.

[Художники Таджикистана в ЦК КП (б) Таджикистана (у тов. Бройдо)]

183. Лаг, А. Художественная выставка [Текст] / А.Лаг // Коммунист Таджикистана. – 1940. – 29 июня.
184. На выставку в Москву [Текст] // Коммунист Таджикистана. – 1945. – 14 ноября.
185. Подготовка к выставке народного творчества [Текст] // Коммунист Таджикистана. – 1937. – 28августа.
186. Работы художников Таджикистана для Московской выставки [Текст] // Коммунист Таджикистана. – 1943. – 6 ноября.

Электронные ресурсы

187. Алиев, Б.П. Ягнобская этнографическая лексика [Электронный ресурс]: Автореф. дис. канд. филол. наук / Б.П.Алиев – Душанбе, 1998. –6с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/yagnobskaya-etnograficheskaya-leksika#ixzz78eFoKIFn>
188. Кубель, Е.Л. Среднеазиатская керамика в собрании Российского этнографического музея (коллекционные сборы 1900-1912 гг.) [Электронный ресурс] / Е.Л.Кубель // Коллекции по культуре Средней Азии. – Режим доступа: www.ethnomuseum.ru/kollekcii-po-kulture-narodov-sredney-azii>
189. Рахимов, Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков (Л., 1991). Он же. За строкой А.П.Федченко [Электронный ресурс]: заметки по адидским культовым местам в суннитском окружении Центральной Азии / Р.Р.Рахимов; Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-238-8/ © МАЭ РАНК
190. Сотиев, М. Народные ремесла – важная часть национальной культуры [Электронный ресурс] / М.Сотиев // Народная газета. – 2018. – 6 июня. – Режим доступа: http://www.narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=6811:2018-06-06-10-41-15&catid=109:god-turizma-i-

remesel &Itemid=267

191. У Союза ремесленников Таджикистана теперь свой сайт и шоурум [Электронный ресурс] // Азия плюс. – 2018. – 30 апреля. – Режим доступа: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/life/culture/20180430/u-soyuza-remeslennikov-tadzhikistana-teper-svoi-sait-i-shourum>
192. Файзуллаев, Б. Мэр Худжанда учредил 40 грантов женщинам-ремесленницам [Электронный ресурс] / Б.Файзуллаев. – Режим доступа: <https://www.asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20180427/glava-goroda-hudzhanda-uchredil-40-grantov-zhentshinam-remeslennitsam>. – 27.04.2018 г.
193. Эмомали Рахмон официально объявил 2019-2021 гг. периодом развития села, туризма и народных ремесел [Электронный ресурс] // Азия плюс. – 2019. – 3 января. – Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20190103/emomali-rahmon-ofitsialno-obyavil-2019-2021gg-periodom-razvitiya-sela-turizma-i-narodnih-remesel>
194. Dossier pour consultation. Таджикистан – туризм [Электронный ресурс] // Исследование возможностей / МТЦ-SECO. 2014 г. – Режим доступа: <http://www.wto.tj>
195. Tajikistan industrial modernization and competitiveness improvement of carpet weaving, embroidery and textile sectors [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unido.org/sites/default/files/2015-03/IUMP_Tajikistan_Brochure_HR_0.pdf

Основные положения диссертации и выводы отражены в следующих публикациях автора:

I. Статьи, опубликованные в журналах, рецензируемых ВАК при Президенте Республики Таджикистан:

Основные положения диссертации и выводы отражены в следующих

[1-А]. Бакиева, М.К. Традиционные очаги и печи Верховьев Зарафшана [Текст] / М.К. Бакиева // Историк. – 2019. – № 3 (19). – С.112-117. ISSN 2789294-8

[2-А]. Бакиева, М.К. Ресурсы Этнографического музея Национальной

академии наук Таджикистана (коллекции народного искусства Верховьев Зерафшана [Текст] / М.К. Бакиева // Историк. – 2021. – № 1(25). – С.140-145. ISSN 27892948

[3-А]. Бакиева, М.К. Архивные документы экспедиций в Зарафшан XIX-XX веков (материалы этнографического архива НАНТ) [Текст] / М.К. Бакиева // Историк. – 2022. – № 4(32). – С.126-133. ISSN 2709-7382

[4-А]. Бакиева, М.К. Российские исследователи о специфике ремесленного производства Верховьев Зарафшана [Текст] / М.К. Бакиева // Историк. – 2023. – № 1(33). – С.66-72. ISSN 2709-7382

[5-А]. Додхудоева, Л.Н., Бакиева М.К. Философские смыслы семантики орнамента Верховьев Зарафшана [Текст] / Л.Н.Додхудоева, М.К. Бакиева // Изв. НАНТ. Отд-ние обществ. наук.. – 2024. – № 2(275). – С.18-21. ISSN 2791-2639

2. Статьи и материалы конференций, опубликованные в других изданиях:

[6-А]. Бакиева, М.К. Исследование форм ремесленной культуры Верховьев Зарафшана в конце XIX- начале XX вв. [Текст] / М.К. Бакиева // Докл. НАНТ. Отд-ние обществ. наук. – 2020. – № 3(011). – С.51-55. ISSN 2076-2569

[7-А]. Бакиева, М.К. Вклад А.С. Давыдова в исследование народного творчества Верхнего Зарафшана / М.К. Бакиева // Антропология ва этнологияи мардуми тоҷик: муњаққикон, экспедитсияњо, бойғонињо: Маводи конфронси байналмилалии илми. Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониши АМИТ (23 июни соли 2023).- Душанбе, 2024.- С.69-72.

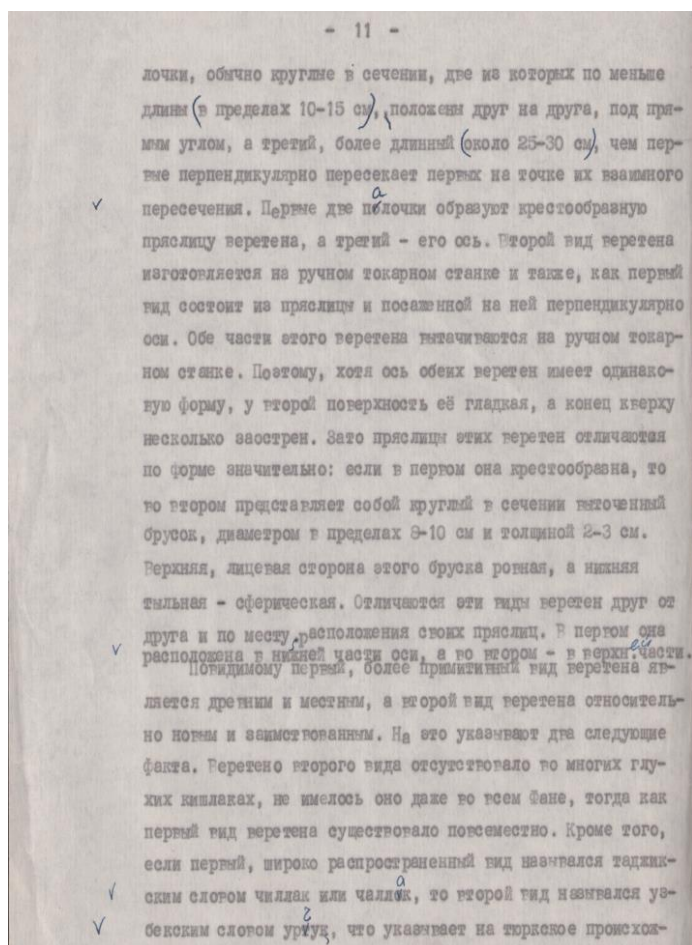
[8-А]. Бакиева, М. К. Давыдов Амнун Соломонович—выдающийся исследователь ремесленных традиций таджиков Верхнего Зарафшана / М. К. Бакиева. // Материалы международной научно-теоретической конференции по теме «Место Сасанидов в мировой истории и цивилизации», посвященное 1800-летию со дня основания государства Сасанидов, Душанбе: ТГПУ имени С. Айни. — 26 апреля 2024 . — С. 266-269.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. С.А.Давыдов и Р.М.Рахимов с информантом в деха Шурмашк.

1960г

2. Машинописная страница монографии А.С. Давыдова «Ремесла Зеравшана». Архив ИИАЭ НАНТ. Личный фонд А.С. Давыдова, опись

№1, Ед. хр. № 15.

З.З.А. Широкова у мавзолея Мухаммада Башоро. 1965г.

**4. Искандеркуль. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1980г.
Слева направо Н. Тошматов, шофер, М.Шовалиева, М. Хамиджанова и
М. Мухаммадиев**

**5. Член экспедиции Аъло Каримова в повязке и украшениях
Зарафшанской невесты. 1960г.**

6. Жених и невеста. Пенджикент, 1985г.

7. Мечеть Масджиди гулдор. деха Палдорак, 1957г.

8. Валяние кошмы. Деха Урметан, 1960г.

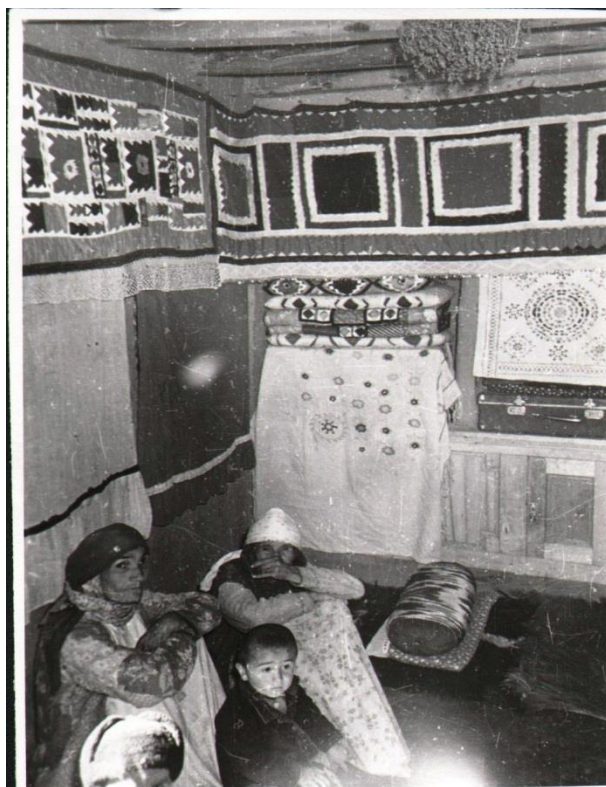
9. Убранство жилого дома колхозника Новоматчинский р-н. июль 1969 г.

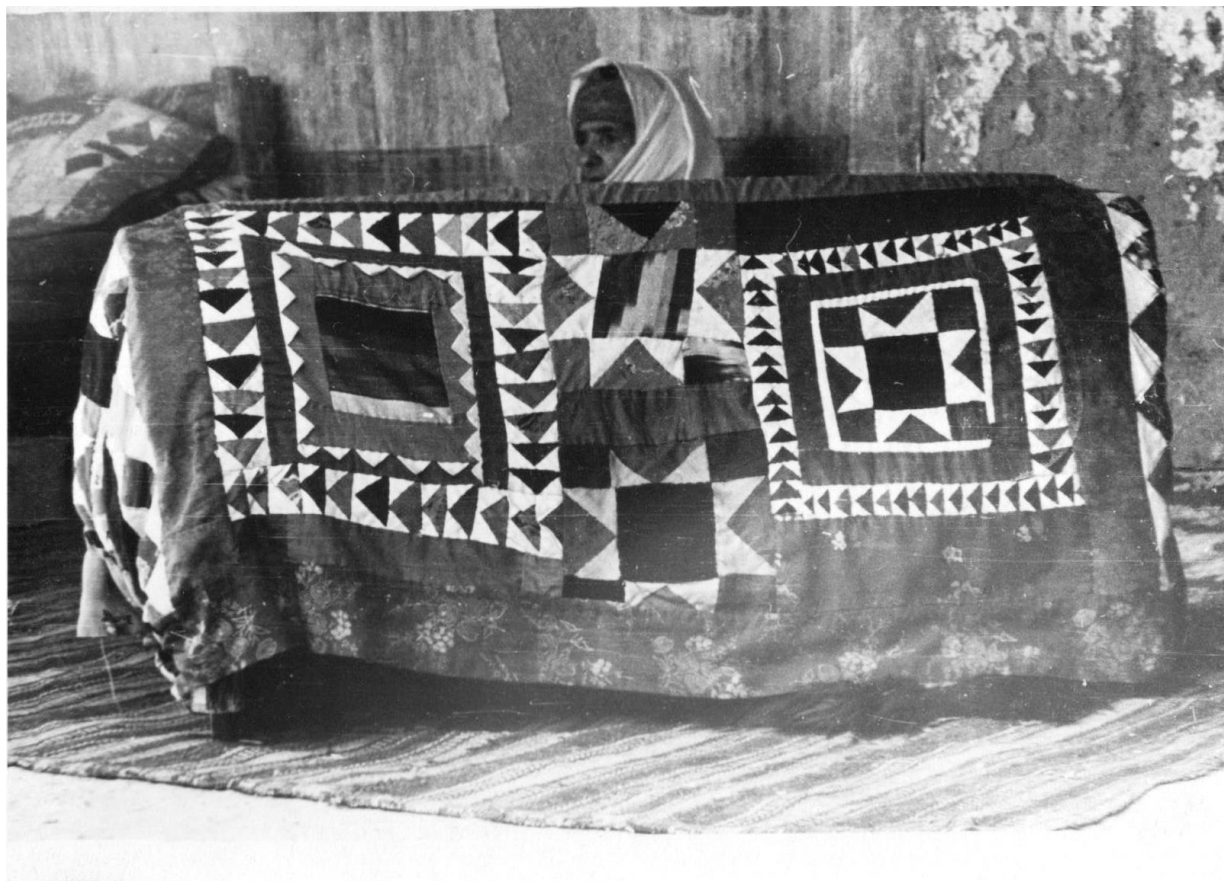
10. Способ выпечки хлеба в Новоматчинском р-не. Июнь 1961 г.

11. Образцы гулбурй. Пендижкент, 1965г.

12. Деха Мадм. Комната, украшенная вышивкой и образцами лоскутного шитья гулбурй. 1965г.

13.Покрывало на колыбель *гахворануш*. Деха Шаштут,1965г.

Деха Дар-дар. Учитель Ф.Маликов с семьей на айване своего дома 1960г.

15. Пенджикент. Мастерница М. Аминова.

Exhibition of photos and handicrafts "Women and Mountains" held within the project "Inclusion of women living in mountainous areas to the local economy through the development of handicrafts and their participation", sponsored by the International Department of the Institute "Open Society" Assistance Foundation in Tajikistan.

This exhibition will be organized in order to familiarize citizens with the life of mountainous women. Through photo exhibitions and demonstrations of handicrafts that reflect the life of Tajik women in the mountain villages, it is expected to create a dialogue between the city and the mountain villages. Via presentation of new products created by craftswomen and by showing the manufacturing process the ancient ornaments will be reflected traditions and the present life in the functionality of handicrafts.

The exhibition entitled "Women and mountains" carries a social character, it should attract the attention of visitors to the lives of women in mountain villages, conjugated difficulties, problems and joys. It will enhance the competitiveness of Zerafshan artisans' products among other organizations.

Offer of modern approach in the handicrafts development, i.e. tourism synergy and handicrafts as innovation will be expressed in the creative approaches, the use of natural materials, design and manufacturing process.

We hope that the photos and crafts exhibition will bring social benefits to artisans and improve the image of the organization as well. The event will be held in partnership, which is another achievement not only in the handicrafts development, but also approaches in its development when several organizations are joining forces for sector development.

PROGRAMM

1st Day, June 14, from 10 am to 4 pm

Opening of the exhibition. Welcome speeches.
Photo exhibition "Women and Mountains" and Handicrafts.
Master classes
Entertainment events, quiz. Charity Event.

Second day, June 15, from 10 am to 1 pm.

Photo exhibition "Women and Mountains" and Handicrafts.
Master classes on hand embroidery, felting, carpet weaving, braiding laces

Master Classes

Embroidery

Suzani: Bosma, Dolduzi,
Donaduzi, Zanjirduzi;
Decorative embroidery

Weaving laces

Accessories:
shoelace;
lanyards;
bracelets etc.

Carpet weaving:

wool spinning;
lint-free carpet weaving

Felting

Accessories:
felted toys;
flowers;
bracelets;
brooches etc.

16. Программа выставки « Женщины и горы» 2014г.

17. Кувшин куза. Зарафшан, XXв.

18.Кувшин офтоба в виде миндаля.Зарафшан,конецXIX-началоXXвв.

19.Переменная сумка хурчин.зарафшан, XXв.

20. Мешочек для хранения соли намакдон. Зарафшан, XXв.

21. Деха Урметан. Керамист Рахмат Ходжаев. 70-е гг. XXв.

22. Керамический сосуд *калла*. Ягноб, XXв.

23. Деревянная чаша *косачи чубин* Зарафшан, XXв.

24. Сундучок для хранения чая. Ягноб, XXв.

25. Амулет *тумор*. Зарафшан, начало XXв.

26. Бисерные бусы с сердоликом. Зарафшан, XXв.